Свящ. И. Н. Тихомировъ
№ 7900.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О СРАВНИТЕЛЬНОМЪ ДОСТОИНСТВѢ,

ВЪ ОТНОШЕНІИ ЯЗЫКА,

РАЗНОВРЕМЕННЫХЪ РЕДАКЦІЙ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА

ПСАЛТИРИ и ЕВАНГЕЛІЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ дополненіями и поправками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1886.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ. Января 16 дня 1886 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Духовное юношество 1830-хъ годовъ усвоивало церковно-славянскій языкъ практически, изученіемъ часовника и псалтири, чтеніемъ во время церковныхъ богослуженій, затверживаніемъ текстовъ Священнаго Писанія въ учебникахъ; грамматика же славянская преподавалась только въ низшемъ отдѣленіи духовнаго училища,—преподавалась довольно поверхностно и безслѣдно забывалась, ибо о славянскомъ языкоученіи не было уже рѣчи во всѣхъ дальнѣйшихъ курсахъ семинаріи и академіи. И вотъ почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ такого ученія славянской грамматики, можно сказать, случайно привелось мнѣ нѣсколько познакомиться съ древними и старыми памятниками церковно-славянскаго языка. Я очутился въ положеніи неофита: нахлынувшія на меня новыя впечатлѣнія благолѣпія и чистоты, въ грамматическомъ отношеніи, древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ произвели на меня сильное дѣйствіе. Одного случайнаго обстоятельства,—коротенькой литературной замѣтки,—было достаточно, чтобы излить на бумагу накопившіяся у меня мысли и наблюденія. Сгоряча они вылились живьемъ, какъ рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ, не приведенныхъ въ формально-логическую связь и послѣдователь-

ность, хотя и не лишенныхъ внутренней объединяющей мысли. Это небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ, въ отношеніи языка, разновременныхъ редакцій церковнославянскаго перевода Псалтири и Евангелія», было напечатано въ 1882 году, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ не для публики, какъ изображено на обложкѣ: я опасался пустить ее въ общую извѣстность. Впослѣдствіи я пользовался учеными изданіями: о. Архимандрита Амфилохія—Четвероевангеліе Галичское 1144 года, Москва, 1882—1883 г. и особенно г. Академика П. В. Ягича—Маріинское Четвероевангеліе. СПБ. 1883 года; Императорская Публичная Библіотека радушно дала мнѣ справки изъ рукописныхъ Часословцевъ XIV и XV столѣтій и старопечатныхъ Библій, Псалтирей и Евангелій XVI, XVII и XVIII столѣтій. При такихъ пособіяхъ я пересмотрѣлъ свое «Размышленіе», сдѣлалъ въ немъ не мало дополненій и поправокъ, не измѣняя впрочемъ прежняго порядка и направленія, и рѣшился нынѣ напечатать его вновь, въ той надеждѣ, что самодѣльныя соображенія мои, быть можетъ, заинтересуютъ въ пользу древне-славянскаго языка и другихъ лицъ, подобно мнѣ не получившихъ въ школѣ основательнаго, научнаго его знанія.

Н. Ильминскій.

С.-Петербургъ.
27 Января 1886 г.

О. іеромонахъ Филаретъ, опытно и глубоко изучившій старообрядство и чтимыя старообрядцами старопечатныя книги, помѣстилъ въ апрѣльской книжкѣ Душеполезнаго Чтенія 1882 года статью подъ заглавіемъ: Нѣсколько словъ о стихѣ: «Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ» (Къ вразумленію глаголемыхъ старообрядцевъ). Въ этой любопытной и содержательной статьѣ почтенный авторъ объясняетъ: «Въ старопечатныхъ книгахъ стихъ этотъ (Псал. 89, ст. 1) читается такъ: Господи прибѣжище *бысть* намъ въ родъ и родъ. Глаголемые старообрядцы, преимущественно изъ малограмотныхъ, обвиняютъ православныхъ въ томъ, что они акибы неправильно читаютъ въ означенномъ стихѣ, вмѣсто *бысть*, *былъ еси*, такъ какъ выраженіе *былъ еси* означаетъ прошедшее время, а слово *бысть* означаетъ, по ихъ мнѣнію, всегдашнее время, и что такимъ чтеніемъ православные будто-бы проповѣдаютъ, что Господь нѣкогда былъ, а не всегда есть наше прибѣжище. Вопросъ этотъ (продолжаетъ почтенный авторъ) для знающихъ славянскую грамматику конечно не требуетъ объясненія, такъ какъ имъ хорошо извѣстно, что чтеніе въ приведенномъ стихѣ *былъ еси* вмѣсто *бысть* совершенно правильно; но для не знающихъ грамматики, каковы почти всѣ старообрядцы, онъ служитъ поводомъ къ обвиненію православныхъ» и пр.

Далѣе о. Филаретъ пишетъ: «Извѣстно, что еще препод. Максимъ Грекъ, при исправленіи книгъ, читалъ этотъ стихъ по примѣру православныхъ, именно: Господи, прибѣжище былъ еси намъ, и что и его тогда малосвѣдущіе ревнители

обвиняли въ неправильности такого чтенія, какъ это явствуетъ изъ посланія его къ нѣкоему Григорію. «Слышалъ есмь стороною (писалъ Максимъ Грекъ), что государь нашъ владыка тферской смущается о мнѣ бѣдномъ пословицею сею: Господи прибѣжище былъ еси намъ,—и говоритъ оглаголуя мене напрасно, во-се-де Максимъ писаніемъ сицевымъ своимъ мудрствуетъ, что намъ уже нѣсть прибѣжища къ Богу». Преподобный Максимъ Грекъ старается устранить смущеніе, возникшее отъ его измѣненія слова *бысть* на слово *былъ еси*, грамматическимъ разъясненіемъ. «Не смотря однакоже (продолжаетъ о. Филаретъ) на оправданіе ученѣйшаго мужа (т. е. Максима Грека), невѣжество того времени взяло верхъ, и спорный стихъ въ неисправленномъ видѣ перешелъ и въ старопечатныя книги. Затѣмъ, когда въ новоисправленныхъ при Патріархѣ Никонѣ книгахъ стихъ этотъ былъ исправленъ по примѣру преподобнаго Максима Грека, тогда выступилъ противъ этого исправленія съ обвиненіемъ извѣстный предводитель раздора церковнаго попъ Лазарь, написавшій въ челобитной своей слѣдующее: да въ новыхъ же книгахъ напечатано: «Господи прибѣжище былъ еси намъ....» сею рѣчію сказуютъ намъ Господне прибѣжище мимошедшее. Тоже писалъ и справщикъ чернецъ Савватій въ своей челобитной. А вслѣдъ за ними и ихъ достойные послѣдователи глаголемые старообрядцы и доселѣ говорятъ тоже самое». — Почтенный авторъ и принялъ на себя трудъ вразумить ихъ въ правильности чтенія разсматриваемаго стиха въ новоисправленныхъ книгахъ. Выводъ о. Филарета такой: «въ новоисправленныхъ книгахъ при замѣнѣ слова *бысть* словами *былъ еси* возстановленъ только подлинный греческій текстъ согласно притомъ съ грамматическими правилами, потому что слово *бысть* можетъ употребляться при существительныхъ именахъ тогда только, когда они выражены въ третьемъ лицѣ, напримѣръ: *и бысть вечеръ, и бысть потопъ, и бысть Господь* и т. д. Но когда они выражены во второмъ лицѣ: *Боже, Господи, Христе*, тогда слѣдуетъ говорить: *былъ еси*. Между тѣмъ въ старопечатныхъ книгахъ встрѣчаются весьма часто подобнаго рода грамматическія ошибки».

Съ этимъ выводомъ нельзя вполнѣ согласиться, тѣмъ не менѣе я не рѣшился бы оспаривать о. іеромонаха Филарета, который достоинъ всякаго сочувствія и уваженія за свою ревность къ вразумленію заблуждающихся. Но эта статья его задѣла за рядъ мыслей и впечатлѣній, давно накопившихся въ моей душѣ, которыя я и вознамѣрился изложить по сему случаю.

О. іеромонахъ Филаретъ раздѣляетъ книги на старопечатныя и новоисправленныя при Патріархѣ Никонѣ, разумѣя подъ старопечатными тѣ книги, которыя находятся въ употребленіи у глаголемыхъ старообрядцевъ, а подъ новоисправленными тѣ, которыя имѣются въ Православной Церкви. Я же спрошу: къ какимъ книгамъ отнесетъ онъ наше православное напрестольное Евангеліе? Безъ сомнѣнія, къ новоисправленнымъ при Патріархѣ Никонѣ, къ книгамъ правильнымъ. Но въ православномъ напрестольномъ Евангеліи такихъ случаевъ, гдѣ 2-е лице прошедшаго времени походитъ на 3-е лице, насчитывается до тридцати. Перечислю ихъ всѣ для ясности. Матѳ. 25, 26. Лукавый рабе и лѣнивый *вѣдяше,* яко жну идѣже не сѣяхъ. 26, 25. Ты *рече.* Тоже ниже въ стихѣ 64.—26, 69. И ты *бѣ* со Іисусомъ Галилейскимъ. Тоже Марка 14, 67. Марка 11, 21. Равви, виждь, смоковница, юже *проклятъ*, усше. 14, 37. И глагола Петрови: Симоне, спиши-ли? Не *возможе* единаго часа побдѣти? Луки 1, 30. Не бойся Маріамь: *обрѣте* бо благодать у Бога. 7, 44—46. Внидохъ въ домъ твой, воды на нозѣ мои не *даде*.... лобзанія ми не *даде*.... масломъ главы моея не *помаза.* 10, 28. Рече ему: право *отвѣща;* сіе сотвори и живъ будеши. 14, 22. И рече рабъ: Господи, бысть якоже *повелѣ,* и еще мѣсто есть. 15, 30. Егда же сынъ твой сей.... пріиде, *закла* ему телецъ питомый. 19, 21 и 22. Вземлеши егоже *не положи* и жнеши егоже не сѣявъ.... *Вѣдяше,* яко азъ человѣкъ яръ есмь. 19, 44. И не оставятъ камень на камени въ тебѣ: понеже *не разумѣ* времене посѣщенія твоего. 24, 18. Ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимѣ, и не *увѣде* бывшихъ въ немъ во дни сія. Іоанна 4, 17. Глагола ей Іисусъ: добрѣ *рече,* яко мужа не имамъ. 5, 14. И рече ему: се здравъ *бысть,* ктому не согрѣшай.

17, 8. Ты мя *посла*. Тоже повторяется ниже въ стихахъ 23 и 25.—20, 29. Глагола ему Іисусъ: яко видѣвъ мя, *вѣрова:* блажени невидѣвшіи и вѣровавше. 21, 18. Аминь аминь глаголю тебѣ: егда *бѣ* юнъ, *поясашеся* самъ и *хождаше* аможе *хотяше:* егда же состарѣешися и воздѣжеши руцѣ твои, и инъ тя пояшетъ, и ведетъ аможе не хощеши.

Всѣ эти мѣста въ новоисправленномъ Евангеліи измѣнены на составную форму втораго лица, подобно *былъ еси*. Нельзя однако пройти молчаніемъ, что и въ новоисправленномъ Евангеліи укрылась какъ-то эта форма: Лук. 2, 48. И къ нему мати его рече: чадо, что *сотвори* нама тако? Іоан. 6, 25. Равви, когда здѣ *бысть?*

Итакъ вотъ сколько случаевъ употребленія этой сходной съ 3-мъ лицемъ формы 2-го лица въ православномъ напрестольномъ Евангеліи. На нашъ русскій взглядъ это кажется страннымъ и безсмысленнымъ, ошибочнымъ, и мы безпощадно готовы истребить такія выраженія. Но справимся съ переводами Новаго Завѣта на живыя нарѣчія православныхъ Болгаръ и Сербовъ. У меня подъ руками Болгарскій переводъ подъ заглавіемъ: Новый Завѣтъ на Господа нашего Іисуса Христа. Вѣрно и точно прѣведенъ отъ пьрвообразно-то. Цариградъ, 1872 г. Въ немъ я встрѣтилъ слѣдующіе изъ выше приведенныхъ случаевъ. Матѳ. 25, 26. Рабе лукавый и лѣнивый, *знаяше,* че жьнѫ дѣто не съмь посѣялъ, и сбирамъ отъ дѣто несьмь распръснувалъ. 26, 25. И отвѣща Іуда, който го прѣдаде и рече: да ли съмь азъ, учителю? Казува му: ты *рече*. Подобное ниже въ стихѣ 64. Далѣе въ стихѣ 69. А Петръ сѣдяше вънъ на дворъ-тъ; и дойде при него една слугыня, и казуваше: и ты *бѣше* съ Іисуса Галилеанина. Марка 11, 20 и 21. И сутрынь-тѫ когато минуваХѫ, видѣХѫ смоковницѫ-тѫ изсъхнѫлѫ отъ корень. И осѣти ся Петръ, и казува му: Равви, виждь, смоковницата, коѭто *проклъ* ты, изсъхнѫла. 14, 37. Враща ся и намѣрува гы заспали; и казува на Петра: Симоне, спишь ли? не *може* ли единъ часъ да постоишь буденъ? Бдѣте и молѣте ся да не бы въ искушеніе да влѣзете; Духъ-тъ е бодръ, а плъть- та немощна. Луки 7, 44—46. Влѣзохъ въ кѫщѫ-тѫ ти, и ты водѫ за нозѣ-тѣ ми не *даде;* а тя съсъ сълзы облѣ

позѣ-тѣ ми, и съ космы-те на главѫ-тѫ си гы отры. Ты цѣлованіе ми не *даде;* а тя, отъ какъ сьмь влѣзъ, не е прѣстанѫла отъ да цѣлува нозѣ-тѣ ми. Ты съ масло главѫ-тѫ ми *не помаза;* а тя съ миро помаза нозѣ-тѣ ми. 19, 23. И защо не *даде* сребро-то на лихварь-тъ, така що азъ като си дойдяхъ щѣхъ да го приберѫ съ лихвѫ-тѫ? Іоанна 17, 9. Азъ за тѣхъ ся молѭ; не ся молѭ за свѣтъ-тъ, но за тѣзи които ми *даде* ты, защото сѫ твои. 20, 19. Казува му Іисусъ: понеже мя *видѣ,* Ѳомо, *повѣрува;* блажени които безъ да видятъ повѣровахѫ. 21, 18. Истинѫ, истинѫ ти казувамъ, когато *бѣше* ты по младъ, самъ си ся *опасуваше* и *ходяше* кѫдѣто *щѣше;* но като остарѣешь, ще прострѣшь рѫцѣ, и другъ ще тя опасува и ще тя води кѫдѣто ты не щешь.

Сербскій переводъ подъ заглавіемъ: Нови Завјет Господа нашега Исуса Христа, превео Вук Стеф. Караџић. У Биограду 1872 г. Въ немъ встрѣтилъ я слѣдующія мѣста. Матѳ. 20, 11 и 12. И примивши викаху на господара говорећи: ови пошљедњи један сахат радише, и *изједначи* их с нама који смо се читав дан мучили и горјели. 26, 25. А Іуда, издајник његов, одговорајући рече: да нијесам ја, рави? Рече му: ти *кази.* Подобное ниже въ стихѣ 64. Марка 14, 37. И дође и нађе их гдје спавају и рече Петру: Симоне! зар спаваш? Не *може* ли једнога часа постражити? Стражите и молите се Богу да не паднете у напаст; јер је дух срчан али је тијело слабо.—Эти примѣры случайно мною найдены въ переводахъ Новаго Завѣта Болгарскомъ и Сербскомъ; но тамъ безъ сомнѣнія подобныхъ случаевъ очень много, и можно утвердительно сказать, что тождественность формы для втораго и третьяго лица прошедшаго времени въ языкахъ Сербскомъ и Болгарскомъ составляетъ общее правило. И въ русскомъ языкѣ употреблялась въ старину эта форма 2-го лица, наприм. діаконъ Григорій, къ концу Остромирова Евангелія приписалъ: «Слава Тебѣ Господи Царю небесный, яко *сподоби* мя написати Евангеліе сe». Въ нашемъ русскомъ языкѣ этого нѣтъ потому единственно, что вся цѣликомъ прошедшая форма глагола потеряна и забыта нами. Поэтому намъ и представляется страннымъ и нелогичнымъ отождествленіе формы втораго лица съ третьимъ; но Сербамъ и Болгарамъ,

сохранившимъ эту форму въ своихъ живыхъ нарѣчіяхъ, она должна быть, напротивъ, и логична и любезна.

Церковно-славянскій языкъ есть сравнительно самый древній и основной языкъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Древніе языки обыкновенно отличаются обиліемъ и отчетливостію формъ, полнотою и явностію ихъ состава и сложенія; эти свойства болѣе или менѣе теряются въ позднѣйшихъ періодахъ языка. Славянскій языкъ по своимъ формамъ и по своему сочиненію въ томъ видѣ, какой доселѣ сохранился въ памятникахъ, можетъ стать вровень съ классическими языками Латинскимъ и Греческимъ. Изъ многихъ доказательствъ приведу два изъ Евангелія. Умывъ ноги ученикамъ на Тайной вечери, Спаситель говоритъ имъ (Іоан. 13, 12—13): Вѣсте ли, что сотворихъ вамъ? Вы глашаете мя Учителя и Господа, и добрѣ глаголете: *есмь бо*. Это буквально соотвѣтствуетъ Греческому и Латинскому выраженію: въ Греческомъ сказано: εἰμὶ γὰρ, въ Латинскомъ: sum enim. Точно такъ же въ Сербскомъ говорится: Вы зовете мене учитељем и Господом; и право велите: *јер јесам* (*јер*=ибо, *јесам*=есмь); въ Болгарскомъ: Вы мя выкате Учитель и Господь; и добрѣ казувате, *защото съмъ* (*защото*=ибо, *съмъ*=ссмь). Въ предъидущемъ предложеніи уже даны два понятія: 1) *азъ*, 2) *Господь и Учитель*. Спасителю нужно было именно утвердить взаимную связь этихъ понятій какъ подлежащаго и сказуемаго; глаголомъ *есмь* и утверждается эта связь. При своей наибольшей краткости выражая все существенное, этотъ оборотъ вполнѣ выразителенъ и силенъ. Всякое распространеніе должно его только разжидить и ослабить. Поэтому Французское выраженіе: car je le suis, и Нѣмецкое: denn ich bin es auch, заключая въ себѣ небольшую прибавку, полагаю, уже теряютъ ту живость и силу, какая свойственна языкамъ Латинскому, Греческому и Славянскому съ его ближайшими отраслями—Болгарскимъ и Сербскимъ.

Въ русскомъ переводѣ это мѣсто читается такъ: Знаете ли, что Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете меня Учителемъ и Господомъ, и правильно говорите; *ибо Я точно то*. Здѣсь уже ничего нѣтъ похожаго ни на Греческій, ни на Славянскій оборотъ; замѣчательно, что это выраженіе буквально

воспроизведено въ Чувашскомъ переводѣ Евангелія. Потерявши глаголъ *есмь*, столь важный въ логическомъ отношеніи, русскій языкъ сталъ принужденъ прибѣгать къ разнымъ подручнымъ средствамъ и способамъ, чтобы выразить ту же мысль приблизительно.

Приведу еще другой примѣръ. Матѳ. 25, 35—45. *Взалкахся*, и дасте ми ясти: *возжадахся*, и напоисте мя: страненъ *бѣхъ*, и введосте мене: нагъ, и одѣясте мя: боленъ, и посѣтисте мене: въ темницѣ *бѣхъ*, и пріидосте ко мнѣ. Подобный оборотъ и въ рѣчи, обращенной къ грѣшникамъ (стихъ 42—43). Здѣсь замѣчательно отсутствіе личнаго мѣстоименія *азъ*. Въ Греческомъ и Латинскомъ тоже. Личнаго мѣстоименія здѣсь и не нужно: если бы стояло личное мѣстоименіе, оно относило бы мысль къ лицу, а тутъ дѣло идетъ вообще о бѣдствіяхъ человѣческихъ, въ которыхъ Евангеліе обязываетъ принимать участіе и оказывать помощь всякому, кто бы ни страдалъ. Совсѣмъ другое значеніе представляется въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ присутствуетъ личное мѣстоименіе. Іоанна 13, 14. Аще убо *азъ* умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и *вы* должны есте другъ другу умывати нозѣ. Образъ бо дахъ вамъ, да якоже *азъ* сотворихъ вамъ, и *вы* творите. Здѣсь противопоставленіе Господомъ себя ученикамъ требуетъ непремѣнно присутствія личныхъ мѣстоименій. Въ Греческомъ тоже: εἰ οὖν ἐγὼ ἔνιψα ὑμῶν τοὺς πόδας, καὶ ὑμεῖς ὀφείλετε ἀλλήλων νίπτειν τοὺς πόδας.... καθὼς ἐγὼ ἐποίησα ὑμῖν, καὶ ὑμεῖς ποιῆτε. Въ Латинскомъ: itaque si ego lavi pedes vestros, Dominus et Magister, vos quoque debetis alii aliorum pedes lavare. Ut prout ego feci vobis, ita et vos faciatis. Въ Сербскомъ, Матѳ. 25, 35. Јер *огладњех*, и дасте ми да једем; *ожеднех*, и напојисте ме; гост *бијах*, и примисте ме; го *бијах*, и одјенусте ме; болестан *бијах*, и обиђосте ме; у тамници *бијах*, и дођосте к мени. Въ Болгарскомъ: Защото *огладнѣхъ*, и дадохте ми да ямъ; *ожеднѣхъ*, и напоихте мя; страненъ *бѣхъ*, и прибрахте мя; голъ *бѣхъ*, и облѣкохте мя; боленъ *бѣхъ*, и посѣтихте мя; въ тьмницѫ *бѣхъ*, и дойдохте при мене.—Ни въ Сербскомъ, ни въ Болгарскомъ нѣтъ здѣсь личнаго мѣстоименія. Напротивъ того въ 14 и 15 стихахъ 13 главы

Еванг. Іоанна, въ Сербскомъ: Кад дакле *ја* опрах вама ноге Господ и Учитељ, и *ви* сте дужни један другоме прати ноге. Јер *ја* вам дадох углед да и *ви* тако чините као што *ја* вама учиних. Въ Болгарскомъ: И тъй *азъ*, Господь и Учитель, ако ви омыхъ нозѣ-тѣ, то и *ви* сте длъжни единъ другому нозѣ-тѣ да омывате. Защото *азъ* ви примѣръ дадохъ, да правите и *ви*, както *азъ* направихъ вамъ. Здѣсь въ обоихъ нарѣчіяхъ поставлено личное мѣстоименіе. У насъ въ русскомъ переводѣ сказано (Матѳ. 25, 35): Ибо алкалъ *Я* и вы дали Мнѣ ѣсть. И въ стихѣ 42: Ибо алкалъ *Я*, и вы не дали Мнѣ ѣсть. Поставлено мѣстоименіе *я*, безъ котораго и нельзя было обойтись, потому что его непремѣнно требуетъ причастная форма *алкалъ*. (Іоанна 13, 14 и 15). Итакъ если *Я*, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ; то и *вы* должны умывать ноги другъ-другу. Ибо *Я* далъ вамъ примѣръ, чтобъ и *вы* дѣлали тоже, что *Я* сдѣлалъ вамъ.— Въ русскомъ языкѣ и въ этомъ случаѣ поставлено мѣстоименіе личное безъ всякаго отличія отъ предъидущаго, а разность въ смыслѣ узнается только изъ связи рѣчи и выражается голосомъ. Отчего Сербы и Болгаре точнѣе и выразительнѣе передаютъ подобныя Греческія выраженія, нежели мы русскіе? Собственно и единственно отъ того, что они сохранили глаголъ *есмь, еси* и пр. и прошедшее время, а мы потеряли все это.

Формами прошедшаго времени Славянскій языкъ весьма богатъ, и простыми и сложными, что̀ даетъ ему полную гибкость и свободу въ выраженіи разныхъ отношеній времени. Во-первыхъ, Славянскій имѣетъ двѣ изъявительныя формы прошедшаго: *идяхъ, идохъ; течахъ, текохъ*. Во-творыхъ причастная форма: *шелъ, текъ* (=*теклъ*) слагалась съ глаголомъ существительнымъ во всѣхъ временахъ: *есмь, бѣхъ, буду; лежалъ есмь, еси, есть* и т. д.; *лежалъ бѣхъ, бѣ* и т. д.; *лежалъ буду, будеши* и т. д. Напримѣръ Іоанна 20, 12. И видѣ два ангела въ бѣлыхъ ризахъ сѣдяща, единаго у главы и единаго у ногу, идѣже *бѣ лежало* тѣло Іисусово. Въ Сербскомъ: И видје два анђела у бијелијем хаљинама гдје сједе један чело главе а један чело ногу гдје *бјеше лежало* тијело Исусово. Въ Болгарскомъ: И вижда два ангела

съ бѣлы дрехи сѣдѧщы, единъ отъ кѫдѣ главѫ-тѫ и единъ отъ кѫдѣ нозѣ-тѣ, тамъ дѣ-то *бѣ лежало* тѣло-то Іисусово.— Это своего рода давнопрошедшее или вѣрнѣе предпрошедшее. Въ русскомъ переводѣ стоитъ: «И видитъ двухъ ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи сидящихъ, одного у главы и другаго у ногъ, гдѣ *лежало* тѣло Іисуса». Эта форма, просто прошедшаго времени, можетъ даже и то означать, что тѣло Спасителя лежало во гробѣ въ то самое время, когда Марія Магдалина видѣла двухъ ангеловъ. Посланіе Іакова 5, 15, по тексту богослужебнаго Апостола. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи *будетъ сотворилъ*, отпустятся ему. Здѣсь форма, составленная изъ соединенія прошедшаго съ будущимъ, ставитъ дѣйствіе по отношенію ко времени писанія этихъ словъ Апостоломъ Іаковомъ и ко времени дѣйствія въ главномъ предложеніи (*отпустятся*). Если больной, въ то время, когда за него станутъ молиться по сему наставленію Апостола, окажется сотворившимъ грѣхи, то они отпустятся ему. Въ новоисправленномъ же Апостолѣ сказано: *аще грѣхи сотворилъ есть*, отпустятся ему. Эта форма показываетъ, что будущій больной уже сотворилъ грѣхи въ то время, когда писалъ Апостолъ.

Вмѣсто множества и разнообразія славянскихъ формъ прошедшаго времени, русскій языкъ имѣетъ только одну причастную форму, которая не слагается даже со временами вспомогательнаго глагола, и долженъ прибѣгать къ разнымъ дополнительнымъ словамъ, когда понадобится точнѣе опредѣлить временное соотношеніе дѣйствій, а чаще предоставляетъ руководиться обстоятельствами и ходомъ рѣчи.

Итакъ въ славянскомъ языкѣ, *писахъ*, *писа* и т. д.— есть одинъ рядъ; а *писалъ есмь*,—*еси* и т. д.—есть другой рядъ. Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго смѣшала эти два ряда и изъ нихъ составила такое спряженіе: *писахъ*, *писалъ еси*, *писа* и т. д. Поводъ къ этому дали, думаю, греки, не исключая преподобнаго Максима. Въ греческомъ языкѣ второе лице во всѣхъ временахъ отличается отъ третьяго; поэтому Грекъ и не могъ никакъ помириться съ отсутствіемъ особой формы втораго лица въ прошедшемъ

времени въ славянскомъ языкѣ; а русскіе—ученики тѣхъ грековъ—были столь придавлены авторитетомъ своихъ, дѣйствительно ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ учителей, что безъ дальнѣйшаго разсужденія подчинились ихъ вліянію. Притомъ въ средній, Московскій періодъ непосредственное чувство славянскихъ формъ ослабѣло, да и самыя формы совсѣмъ изчезли изъ живаго языка.

Потеря прошедшаго времени въ русскомъ языкѣ, къ сожалѣнію, систематична и послѣдовательна. Есть еще другая, замѣчательная по своей послѣдовательности, потеря. Въ церковно-славянскомъ языкѣ есть относительное мѣстоименіе *иже,* и отъ него произошелъ рядъ словъ, параллельный производству отъ мѣстоименій вопросительнаго и указательныхъ.

Кто	Иже	Сь	Тъ
Гдѣ	Идѣже	Сдѣ	Ту
Камо	Аможе	Сѣмо	Тамо
Откуду	Отнюдуже	Отсюду	Оттуду
Когда	Егда	—	Тогда
Како	Якоже	—	Тако.

Примѣры употребленія относительныхъ словъ въ славянскомъ языкѣ. Матѳея 10, 37. *Иже* любитъ отца или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ. 6, 21. *Идѣже* есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше. Іоанна 13, 33. *Аможе* азъ иду, вы не можете пріити. 15, 9. *Якоже* возлюби мя Отецъ, и азъ возлюбихъ васъ: будите въ любви моей. Вся эта группа, происходящая отъ мѣстоименія *иже,* пропала у насъ вмѣстѣ съ своимъ корнемъ, замѣнившись вопросительными словами.

А вотъ примѣръ непослѣдовательности. Въ славянскомъ языкѣ указательное мѣстоименіе *сь* ставилось къ концу именъ: *человѣкъ-сь*=сей человѣкъ; родось Матѳ. 11, 16. 23, 36. Народось. Марк. 8, 2. Іоан. 7, 49. Образось. Матѳ. 22, 20. Глаголось. Лук. 18, 34. Отсюда *днесь*=*сегодня.* Слѣдовательно, русское простонародіе основательно и вѣрно говоритъ: *вчера-сь*=сего вечера, *лѣто-сь*=сего лѣта, *ноче-сь*=сею ночью, *утре-сь*=симъ утромъ. Въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ и литературномъ языкѣ вмѣсто правильнаго и

опредѣленнаго простонароднаго *вчера-сь* употребляется неопредѣленное *вчера;* а гдѣ не нужно, тамъ русскій языкъ прибавилъ лишнее опредѣленіе: *здѣсь* вмѣсто славянскаго *сдѣ*. Еще, противъ вопросительнаго нарѣчія *гдѣ* русскій языкъ поставилъ указательное: *тамъ=тамо=*туда, и отмѣнилъ совершенно правильную форму мѣстнаго падежа *ту;* а изъ этого слова сдѣлалъ, чрезъ повтореніе опредѣлительности, *ту-тъ*, совершенно такъ же какъ *здѣ-сь* и въ одномъ съ нимъ значеніи.—*Тамо* и въ новоисправленныхъ церковныхъ книгахъ нерѣдко встрѣчается вмѣсто *ту*.

Кромѣ смѣшенія и измѣненія формъ, русскій языкъ измѣнилъ и значеніе многихъ словъ. Такъ напримѣръ: *Людіе* въ церковно-славянскомъ *всегда* стоитъ на мѣстѣ λαὸς, а множественное слова *человѣкъ—человѣци; народъ* же отвѣчало греческому ὄχλος. *Бѣдный* значило *калѣка, безрукій* κυλλὸς (Матѳ. 15, 30 и 31), *бѣднякъ* безъ руки (Марк. 9, 43). *Милъ* ему бысть—ἐσπλαγχνίσθη, *жалокъ* ему сталъ.—*Тещи* значило *бѣжать* τρέχειν, когда я спѣшу что видѣть, а *бѣгати* φεύγειν, бѣжать отъ опасности. *Напрасно* судія пріидетъ, т. е. внезапно. *Напрасная смерть* — внезапная смерть. *Изльзе* въ древне-славянскомъ значитъ *вышелъ*, какъ теперь въ Болгарскомъ, а у насъ въ русскомъ языкѣ это слово получило другое значеніе. *Взяти*—поднять вверхъ: *яко къ тебѣ взяхъ душу мою*, а *подъяти*—снизу обхватить: *и облакъ подъятъ и отъ очію ихъ* (ὑπέλαβεν), т. е. ниже Господа явилось облако, быть можетъ и далеко отъ Него, и скрыло Его отъ очей Апостоловъ.—*Требовати*—нуждаться: *не здравіи требуютъ врача, а болящіи.—Труждатися*—маяться, мучиться: *объ нощь труждахомся и ничесоже яхомъ. Работати*—служить, рабомъ быть. *Работа*—рабство. *Лаяти*—подкарауливать, строить козни. Лук. 11, 54. *Лаятель*—навѣтникъ. Лук. 20, 20.— *Цѣлъ* — здоровъ, оттуда исцѣлять. *Честный* — драгоцѣнный, чтимый (Лук. 7, 2). — Эти и подобныя слова въ русскомъ языкѣ отступаютъ въ своемъ значеніи всегда по какому-нибудь соотношенію. Напр. въ древности всѣ тяжелыя дѣла возлагались на рабовъ, отъ этого *работа* съ понятія *рабства* перешла на понятіе *дѣла*. Или, человѣкъ *безрукій* лишенъ возможности

работать и слѣдовательно пріобрѣтать средства къ жизни: вотъ связь между древнимъ и нынѣшнимъ значеніемъ слова *бѣдный*.

Къ числу измѣненій значенія словъ слѣдуетъ отнести наши виды глаголовъ. Въ славянскомъ языкѣ оконченность и неоконченность дѣйствія въ прошедшемъ времени означалась формою глагола: *идяхъ*, *идохъ*; *сѣдяхъ*, *сѣдохъ*. Въ русскомъ языкѣ только въ немногихъ глаголахъ осталась эта двойственность формы: *сидѣлъ*, *сѣлъ*; *лежалъ*, *легъ*; *стоялъ*, *сталъ*; *ходилъ*, *шелъ* (=хедлъ); *толкалъ*, *толкнулъ* и проч. Чаще, и даже какъ общее правило, оконченный видъ въ русскомъ языкѣ дѣлается черезъ сложеніе глаголовъ съ предлогами,—тоже особенность русскаго языка, которой нѣтъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Какъ въ Латинскомъ veniге и advenire не имѣютъ видоваго различія, такъ и въ славянскомъ языкѣ предлогъ не дѣлаетъ окончепнаго вида, и наоборотъ, отсутствіе предлога не дѣлаетъ вида непремѣнно неоконченнымъ. Въ церковно-славянскомъ языкѣ различіе видовъ дѣлалось, какъ выше замѣчено, самой формой: *идяхъ*, *идяше* и пр.; *идохъ*, *иде* и пр. Обыкновенно эти формы отвѣчаютъ Греческимъ: *идяхъ*—преходящей, *идохъ*—аористу, или прошедшему, а иногда настоящему; напримѣръ: Іоанна 21, 15 и дальше. Λέγει—*глагола*. *Идяхъ* переведется на русскій словомъ *шелъ*, а какъ перевести *иде?* Нужно перевести съ предлогомъ, соотвѣтствующимъ мѣсту, наприм. *пошелъ*. Іоанна 19, 22. Отвѣща Пилатъ: еже *писахъ*, *писахъ*. Въ Греческомъ: ὃ γέγραφα γέγραφα. Въ Сербскомъ: Пилатъ одговори: што *писах*, *писах*. Въ Болгарскомъ: Отговори Пилатъ: каквото *писахъ*, *писахъ*. Въ Русскомъ: Пилатъ отвѣчалъ: что я *написалъ*, *написалъ*. Для выраженія оконченности дѣйствія русскій переводъ приставилъ къ глаголу предлогъ *на*. Матѳея 26, 75. И исшедъ вонъ *плакася* горько. Въ Греческомъ: καὶ ἐξελθὼν ἔξω ἔκλαυσεν πικρῶς. Въ Сербскомъ: И изишавши на поље *плака* горко. Въ Болгарскомъ: И спомни Петръ рѣчь-тж на Іисуса, който бѣше му реклъ: прѣди да попѣе пѣтель-тъ, трижды ще ся отречешь отъ мене; и излѣзе вънъ, и *плака* горко. Въ Русскомъ переводѣ: И вышедъ вонъ, *плакалъ* горько. Здѣсь очевидно не достаетъ предлога,

что исправлено въ другомъ мѣстѣ того же изданія, Луки 21, 62. И, вышедши вонъ, горько *заплакалъ*.

Напротивъ, сложеніе съ предлогомъ не составляетъ въ славянскомъ языкѣ непремѣнно оконченнаго вида. Матѳея 8, 9. Ибо азъ человѣкъ подъ властію, имый подъ собою воины: и глаголю сему: иди, и идетъ, и другому: пріиди, и *пріидетъ* (по напрестольному Евангелію), и рабу моему: сотвори сіе, и *сотворитъ*. Въ Греческомъ: καὶ γὰρ ἐγὼ ἄνθρωπός εἰμι ὑπὸ ἐξουσίαν, ἔχων ὑπ' ἐμαυτὸν στρατιώτας· καὶ λέγω τούτῳ, Πορεύθητι, καὶ πορεύεται· καὶ ἄλλῳ, Ἔρχου, καὶ ἔρχεται· καὶ δούλῳ μου, Ποίησον τοῦτο, καὶ ποιεῖ. Стало быть, *пріидетъ, сотворитъ*—время настоящее, а не будущее; поэтому въ русскомъ переводѣ вѣрно сказано: *прійди*, и *приходитъ*.... *сдѣлай* то, и *дѣлаетъ*.—Абіе *пріидетъ* сатана и *отъиметъ* слово (ἔρχεται, αἴρει). Марк. 4, 15.—И егда всѣяно будетъ, *возрастетъ* и *будетъ* боле всѣхъ зелій (ἀναβαίνει, γίνεται) Мар. 4, 32.

Послѣ этихъ замѣчаній возвращусь къ 1 стиху 89 псалма. Господи, прибѣжище *былъ еси* намъ въ родъ и родъ. Глаголъ *быть*, *былъ*, *будетъ* получилъ въ Русскомъ языкѣ другое значеніе чѣмъ въ Славянскомъ: въ древности этотъ глаголъ значилъ: *сдѣлаться, сдѣлался, сдѣлаюсь*, или *статъ, сталъ, стану*, и соотвѣтствовалъ Греческому γίνομαι, какъ это подробно разъяснено въ упомянутой статьѣ достопочтеннаго о. іеромонаха Филарета. Къ глаголу *есмь* и т. д. относилось прошедшее время *бѣхъ, бѣ* и пр. *бѣяхъ, бѣяше* или *бяше* и т. д. Это созвучіе, вѣроятно, и послужило поводомъ къ смѣшенію *бѣхъ* съ *быхъ*. I Кор. 13, 11. Егда *бѣхъ* младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же *быхъ* мужъ, отвергохъ младенческая. Въ Греческомъ: ὅτε ἤμην νήπιος, ὡς νήπιος ἐλάλουν, ὡς νήπιος ἐφρόνουν, ὡς νήπιος ἐλογιζόμην· ὅτε δὲ γέγονα ἀνήρ, κατήργηκα τὰ τοῦ νηπίου. Въ Сербскомъ: Кад ја *бијах* мало дијете као дијете говорах, као дијете мишљах, као дијете размишљавах; а кад *постадох* човјек, одбацих дјетињство. Въ Болгарскомъ: Когато *бѣхъ* младенецъ, като младенецъ говоряхъ, като младенецъ мудрувахъ, като младенецъ размишлявахъ; но отъ какъ *станжхъ* мжжъ, напуснжхъ

което е младенческо.—Іоан. 10, 16. И *будетъ* едино стадо и единъ пастырь. По гречески: καὶ γενήσεται μία ποίμνη, εἷς ποιμήν. Матѳея 6, 10. Да *будетъ* воля Твоя, яко на небеси и на земли. По гречески: γενηθήτω τὸ θέλημά σου.— Въ Сербскомъ: да буде воља твоја и на земљи као на небу. Въ Болгарскомъ: да бѫде воля-та твоя, както на небе-то, така и на земѭ-тѫ. Въ Русскомъ переводѣ: да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ. Такъ сказано и въ Евангеліи Луки 11, 2. Полагаю, что слово *да будетъ* сохранило и доселѣ свое древне-славянское значеніе въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ. Но въ Русскомъ переводѣ согласнѣе съ подлинникомъ было бы сказать: да творится = да исполняется воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ.

Слово *бысть* въ 1 стихѣ 89 пс. отвѣчаетъ Греческому ἐγενήθης. Κύριε καταφυγὴ ἐγενήθης ἡμῖν ἐν γενεᾷ καὶ γενεᾷ. Для поясненія этого приведу подобное выраженіе изъ Евангелія Іоанна 5, 14. Спаситель исцѣлилъ 38-лѣтняго разслабленнаго. И рече ему: се здравъ *бысть* (по напрестольному Евангелію): ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. Въ Греческомъ текстѣ: ἴδε ὑγιὴς γέγονας. Въ Латинскомъ: ecce sanus factus es. Въ новоисправленномъ славянскомъ переводѣ: се здравъ *еси*. Въ Сербскомъ: а по том га нађе Исус у цркви и рече му: ето си здрав, више не гријеши, да ти не буде горе. Въ Болгарскомъ: Подиръ това намѣрува го Іисусъ въ храмъ-тъ, и рече му: ето, сега станѫ ты здравъ, не согрѣшевай вече, да ти не стане нѣщо по зло. Въ Русскомъ переводѣ: Сказалъ ему: вотъ, ты выздоровѣлъ; не грѣши больше, чтобы не случилось съ тобою чего хуже. Русское *выздоровѣлъ*=сдѣлался здоровымъ=здравъ *бысть*, напоминаетъ выздоровѣвшему о недавней многолѣтней и тяжкой болѣзни, а новоисправленное *здравъ еси* такого напоминанія не выражаетъ. Съ другой стороны выраженія: ὑγιὴς γέγονας, *здравъ бысть*, *выздоровѣлъ*, показываютъ, что это дѣйствіе хотя совершилось прежде, но его благотворное послѣдствіе продолжилось, по меньшей мѣрѣ, до того времени, когда Спаситель высказалъ эти слова.

Господи, прибѣжище бысть намъ въ родъ и родъ. Въ Сербскомъ: Господе! ти си (=еси) нам уточиште од кољена

до коѣна. Въ Русскомъ переводѣ: Господи! ты намъ прибѣжище въ родъ и родъ. Что было бы, если бы по русски сказать: Господи! ты намъ *былъ* прибѣжище въ родъ и родъ? Это дѣйствительно было бы прибѣжище мимошедшее, но не настоящее и не всегдашнее. Можно ли было сказать: се здравъ *былъ еси?* Если сказать: се боленъ *былъ еси*, это для русскаго пониманія будетъ согласно съ выраженіемъ: ты былъ боленъ, а теперь вотъ выздоровѣлъ. А если сказать: се здравъ былъ еси, тогда русская мысль невольно увлечется къ своему русскому значенію былъ (=слав. *бѣ*). Такое именно впечатлѣніе и было произведено на непосредственное чувство Тверскаго владыки и другихъ современниковъ измѣненіемъ слова *бысть* на слово *былъ еси*. Если бы преп. Максимъ Грекъ вмѣсто *былъ еси* поставилъ просто *еси*, какъ это читается въ сербскомъ переводѣ, а въ русскомъ подразумѣвается; тогда вѣроятно никто и не возразилъ бы на его переправку. Преп. Максимъ, какъ иностранецъ, не могъ чувствовать силы и значенія слова *былъ еси*; тутъ если кто виноватъ, то его русскіе ученики: они своею безотвѣтственностію вовлекли его въ заблужденіе.

Если православному сердцу прискорбно покориться старообрядцамъ, то я скажу, что и нѣтъ никакой надобности покоряться имъ. Это словечко *бысть* не ихъ домыселъ, а остатокъ древнеславянскаго перевода. Въ изданной о. Архимандритомъ Амфилохіемъ Псалтири читается: Господи прибѣжище *бысть* намъ въ родъ и родъ. За то дальше у старообрядцевъ слѣдуетъ совершенно такъ же, какъ и у насъ, т. е. по новому. Прежде даже горамъ не быти, и создатися земли и вселеннѣй, и отъ вѣка до вѣка Ты еси. А въ древнеславянской-то Псалтири стоитъ: прѣже дажь горы не быша, ни создася земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка Ты еси. Псалтирь о. Амфилохіемъ издана по списку XIII—XIV столѣтія, но по своему тексту она гораздо старше, какъ это можно видѣть, кромѣ формъ и оборотовъ языка, изъ слѣдующаго обстоятельства: въ Остромировомъ Евангеліи *) въ

*) Я привожу мѣста изъ древнихъ Евангеліи, изъ древней Псалтири, изъ старопечатной и новоисправленной Псалтири, изъ напрестольнаго и новоисправленнаго Евангелія, безъ соблюденія орѳографіи каждаго

четвертокъ Свѣтлыя Седмицы читается: Аллилуія. *Напрязи и спѣй и царьствуй.* Точно такъ же читается въ Псалтири XIII вѣка. Въ новоисправленной Псалтири это мѣсто читается такъ: наляцы, и успѣвай, и царствуй. Въ старопечатной въ шестой каѳизмѣ на ряду стоитъ: наляцы и спѣй и царствуй, а въ избранномъ псалмѣ на Рождество Христово подъ числомъ 39 читается: *и напрязи и спѣй и царствуй.*—Кстати замѣчу, что въ нашей новоисправленной Псалтири, кромѣ сейчасъ приведеннаго мѣста изъ 44 псалма, слово *наляцати* употреблено еще пс. 10, 2. Яко се грѣшницы *налякоша* лукъ. Пс. 77, 9. Сынове Ефремли *наляцающе* и стрѣляюще луки. Слѣдовательно глаголъ *наляцати* въ новоисправленной Псалтири встрѣчается три раза; во всѣхъ этихъ мѣстахъ тотъ же глаголъ и въ старопечатной Псалтири. Въ слѣдующихъ четырехъ мѣстахъ въ новоисправленной Псалтири стоитъ глаголъ *напрягати.* Пс. 7, 13. Аще не обратитеся, оружіе свое очиститъ, лукъ свой *напряже,* и уготова и. Пс. 36; 14. Мечъ извлекоша грѣшницы, *напрягоша* лукъ свой, низложити убога и нища, заклати правыя сердцемъ. Пс. 57, 8. Уничижатся яко вода мимотекущая: *напряжетъ* лукъ свой, дондеже изнемогутъ. Пс. 63, 4. Иже изостриша яко мечъ языки своя, *напрягоша* лукъ свой вещь горьку, сострѣляти въ тайныхъ непорочна. Въ старопечатной Псалтири въ этихъ мѣстахъ стоитъ тотъ же глаголъ *напрягати.* Но въ древлеславянской Псалтири во всѣхъ выше приведенныхъ семи мѣстахъ видимъ одно слово *напрягати.* Въ Греческой Псалтири также во всѣхъ этихъ мѣстахъ стоитъ одно слово ἐντείνειν, значитъ *натягивать* (лукъ). *Наляцати,* по словопроизводству, значитъ сгибать, дѣлать лукъ болѣе излучистымъ, изогнутымъ,—это рисуетъ форму натянутаго лука. *Напрягати* значитъ усиливать пружинность лука, т. е. силу верженія, и есть самое подходящее слово. Оно въ древнеславянскомъ текстѣ вездѣ и стоитъ, а старопечатный текстъ измѣнилъ его въ трехъ мѣстахъ на *наляцати,* которое оттуда перешло и въ новоисправленную Псалтирь.

изъ указанныхъ памятниковъ, потому что имѣю цѣлью разсмотрѣніе собственно текстовъ, а не орѳографіи, хотя я вполнѣ понимаю важность сей послѣдней.

Приведу еще для сравненія разныхъ текстовъ псаломъ 136, 1—3. Въ древней Псалтири: На рѣцѣ вавилонстѣй *ту* сѣдохомъ и *плакахомся помянувше* Сіона. На вербіи посредѣ ея обѣсихомъ органы наша. Яко *ту* вопросиша ны плѣншіи ны словесь пѣсньныхъ, и ведшіи ны хвалу, воспойте намъ отъ пѣсній Сіоньскъ. Въ новоисправленной Псалтири: На рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона. На вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша. Яко тамо вопросиша ны плѣншіи насъ о словесѣхъ пѣсней, и ведшіи насъ о пѣніи: воспойте намъ отъ пѣсней Сіонскихъ. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей? Въ старопечатной Псалтири: На рѣцѣ вавилоньстѣй, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона. На вербіи посредѣ ея обѣсихомъ органы наша. Яко ту вопросиша насъ плѣньшіи насъ, словесъ пѣсней, и ведшіи насъ отъ пѣнія.—Сравнимъ и разберемъ разности этихъ трехъ чтеній, сличивъ ихъ съ Греческимъ, который читается такъ: Ἐπὶ τῶν ποταμῶν Βαβυλῶνος, ἐκεῖ ἐκαθίσαμεν, καὶ ἐκλαύσαμεν ἐν τῷ μνησθῆναι ἡμᾶς τῆς Σιών. *На рѣцѣ вавилоньстѣй—на рѣкахъ вавилонскихъ.* Разница произошла очевидно отъ того, что при одинаковомъ произношеніи соотвѣтственныхъ этимъ греческихъ словъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ греческой Псалтири писался *омикронъ*—винительный падежъ единственнаго числа, а въ лучшихъ изданіяхъ стоитъ *омега*—родительный падежъ множественнаго числа. Чтеніе новоисправленной Псалтири правильно, т. е. согласно съ греческимъ текстомъ. *Ту—тамо*: первое вѣрно, а второе неправильно, какъ выше объяснено. *Плакахомся* совершенно вѣрно по старославянскому. Глаголъ *плакати*, въ древнеславянскомъ языкѣ дѣйствительный, значитъ: мыть, полоскать. Луки 5, 2. Видѣ два корабля... рыбаріе же отшедше отъ нею измываху мрежи. Въ Остромировомъ, Галичскомъ и Маріинскомъ Евангеліяхъ: *плакаху мрежи*. Въ значеніи нынѣшняго плакать употреблялась форма *плакатися*, какъ бы омываться слезами, и она не рѣдко встрѣчается въ нашемъ напрестольномъ и даже въ новоисправленномъ Евангеліи и въ новоисправленной Псалтири. Пс. 125, 5 и 6. Сѣющіи слезами радостію пожнутъ. Ходящіи хож-

даху и *плакахуся,* метающе сѣмена своя: грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя. Тоже самое буквально въ старопечатномъ текстѣ. Тоже буквально и въ древнеславянскомъ текстѣ.—Евангеліе Матѳея глава 26 стихъ 75. И помяну Петръ глаголъ Іисусовъ... и изшедъ вонъ *плакася* горько. Лук. 22 глава 62 ст.—Іоанна 20; 11, 13 и 15. Марія стояше у гроба внѣ плачущи (въ Остромировомъ Евангеліи—*плачущися*). Якоже *плакашеся*, приниче во гробъ... и глаголаста ей она: жено что *плачешися*.... Глагола ей Іисусъ: жено что *плачеши* (въ Остром.—*плачешися*).—Еванг. Матѳ. 5, 4 и Луки 6, 21. Блаженни *плачущіи* (въ Остром. въ обоихъ мѣстахъ—*плачущеися*).

Помянувше Сіона—внегда помянути намъ Сіона—ἐν τῷ μνησθῆναι ἡμᾶς τῆς Σιών. Греческій предлогъ ἐν, управляя при посредствѣ члена въ дательномъ падежѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, большею частію означаетъ время, и въ новоисправленныхъ священныхъ и церковныхъ книгахъ съ возможною буквальностію передается также неопредѣленнымъ наклоненіемъ съ *внегда*; этотъ славянскій оборотъ означаетъ обстоятельство времени *(внегда* на вопросъ *когда*). Между тѣмъ въ первомъ стихѣ 89 псалма этотъ предлогъ означаетъ орудіе или причину. Поэтому древнеславянское переложеніе: *помянувше Сіона* лучше выражаетъ смыслъ греческаго оборота, нежели старопечатный и новоисправленный текстъ.

Прошедшія формы: *сѣдохомъ*, *плакахомся, обѣсихомъ*, *вопросиша* и причастіе *помянувше,* соотвѣтственно аористамъ Греческаго текста, означаютъ дѣйствіе оконченное. Въ приведенной части псалма излагается религіозно-патріотическое чувство плѣнныхъ евреевъ подъ образомъ единичнаго, конкретнаго случая такого содержанія: Плѣнные евреи въ Вавилонѣ вышли разъ, съ своими арфами, посидѣть при рѣкѣ; сѣли и вдругъ заплакали, отъ того что вспомнился имъ Сіонъ; они и повѣсили свои органы на вербы и отказались играть и пѣть Сіонскія пѣсни на земли чужой, языческой. Въ русскомъ переводѣ: При рѣкахъ Вавилона, тамъ сидѣли мы, и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ. Неоконченный видъ глаголовъ: *сидѣли, плакали* и *вспоминали* представ-

ляетъ описываемое событіе повторяющимся многократно; а въ слѣдующемъ стихѣ: на вербахъ посреди его *повѣсили* мы наши арфы, оконченный видъ глагола *повѣсили* приличенъ единократному дѣйствію. Поэтому на основаніи русскаго перевода трудно составить цѣльное образное представленіе содержанія выше приведенной части 89 псалма.

Возвратное мѣстоименіе *ся* въ древнеславянскомъ языкѣ присоединялось иногда и къ глаголамъ среднимъ и отъ этого происходилъ интересный оттѣнокъ, отличавшій одинъ и тотъ же глаголъ въ соединеніи и безъ соединенія съ мѣстоименіемъ *ся*. Матѳ. 25, 35 и 42. *Взалкахся* бо, и дасте ми ясти; *возжадахся*, и напоисте мя.—Матѳ. 4, 2. И постився (въ Остром. пощься) дній четыредесять и нощій четыредесять, послѣди *взалка*. (Въ Остромир., Галич. и Маріин. Евангеліяхъ числительное имя оба раза записано буквою м. Въ Сазаво-Емаузьскомъ Евангеліи написано: *четыридесяти*). *Взалканіе* Спасителя было свободнымъ подвигомъ; а *взалканіе* и *возжаданіе*, о которомъ упоминаетъ Спаситель въ притчѣ о Страшномъ судѣ, произошло отъ крайней бѣдности и безпомощности, и потому имѣетъ характеръ страдательный. Но въ причастіи это же слово является безъ возвратнаго мѣстоименія: когда Тя видѣхомъ *алчуща*. Матѳ. 12, 1. Въ то время иде Іисусъ сквозѣ сѣянія: ученицы же Его *взалкаша* (въ напрестольномъ Евангеліи *взалкашася*, такъ же въ Галич. и Маріинскомъ, а въ Остромировомъ этого мѣста нѣтъ).

Матѳ. 7, 26, 27. И всякъ слышай словеса Моя сія, и не творя ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песцѣ: и сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и опрошася храминѣ той, и *падеся* (такъ во всѣхъ текстахъ, и даже въ новоисправленномъ): и бѣ разрушеніе ея веліе. Это есть невольное и бѣдственное паденіе. Такъ же неумышленно и непроизвольно, страдательно должны упасть въ яму два слѣпца, если одинъ поведетъ другаго. Матѳ. 15, 14. Слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму *впадетася*. Такъ въ напрестольномъ Евангеліи, въ Галичскомъ и Маріинскомъ, а въ новоисправленномъ сказано: *впадутъ*, т. е. уничтожена и столь выразительная приставка *ся*, и двойственное число перемѣнено на множествен-

ное. Тоже Лук. 6, 39.—Матѳ. 12, 11. Онъ же рече имъ: кто есть отъ васъ человѣкъ, иже имать овча едино, и аще *впадется* въ субботы въ ямы, не иметъ ли е, и изметъ? *Впадется* поставлено въ напрестольномъ Еванг., въ Галичскомъ и Маріинскомъ, а въ новоисправленномъ *впадетъ*. Пс. 36, 24. Егда падетъ, не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его. Это въ новоисправленной Псалтири; въ старопечатной: Егдася *падетъ*, не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его. Въ древнеславянской: Егда *ся падетъ* не разбіется, яко Господь подъиметъ руку его. Пс. 56, 7. Ископаша предъ лицемъ моимъ яму, и *впадоша* въ ню. Это въ новоисправленной; а въ старопечатной и древнеславянской: Ископаша предъ лицемъ моимъ яму, и *впадошася* въ ню. Пс. 140, 10. *Падутъ* во мрежу свою грѣшницы. Это въ новоисправленной, а въ старопечатной и древнеславянской Псалтири: *Впадутся* во мрежу свою грѣшницы.—Во всѣхъ этихъ мѣстахъ паденіе разумѣется невольное, страдательное; напротивъ, когда говорится о паденіи произвольномъ, умышленномъ или сколько-нибудь на то похожемъ, тогда возвратное мѣстоименіе не ставится. Пс. 9, 31. Въ сѣти своей смиритъ его: приклонится и *падетъ*, внегда ему обладати убогими. Это въ новоисправленной Псалтири. Въ старопечатной: Въ сѣти своей смиритъ и, преклонится и *падетъ*, егда удолѣетъ убогимъ. Въ древнеславянской: Въ сѣти своей смиритъ и, преклонится и *падетъ*, егда удолѣлъ будетъ убогимъ.—Здѣсь грѣшнику, нападающему на праведника, приписываются хищническія уловки льва, нападающаго на добычу: это приклоненіе къ землѣ и паденіе на землю суть умышленныя и произвольныя маневры хищника.

Стоитъ замѣтить, что въ Греческомъ текстѣ Евангелія, гдѣ глаголъ *алкати* соединенъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ и гдѣ не соединенъ, одинаково стоитъ дѣйствительная форма глагола. Матѳ. 25, 25 и 42. ἐπείνασα. Мато. 4, 2. ἐπείνασε. Матѳ. 12, 1. ἐπείνασαν.

Мѣстоименіе возвратное *себе* и притяжательное *свой* не ограничиваются только 3-мъ лицемъ, какъ въ латинскомъ sui и suus, но могутъ относиться ко всякому лицу. Такъ наприм. въ Евангеліи мы находимъ: Мѳ. 6, 19 и 20.

Не скрывайте *себѣ* (ὑμῖν) сокровищъ на земли... но скрывайте *себѣ* (ὑμῖν) сокровища на небеси (Маріинское: *небесе,* безъ предлога). Мѳ. 20, 14: Возьми *свое* (въ древнихъ, а въ новоисправленномъ и напрестольномъ *твое)*, въ греческомъ τὸν σὸν) и иди. Мѳ. 25, 14. И пришедъ азъ взялъ быхъ *свое* (τὸ ἐμὸν) съ лихвою. Словечко *ся,* прилагавшееся къ глаголу дѣйствительному, въ славянскомъ языкѣ было самостоятельнымъ винительнымъ падежемъ и шло ко всѣмъ лицамъ во всѣхъ числахъ. Не было надобности говорить, подобно французамъ или нѣмцамъ: хвалю *мя*, хвалиши *тя*, хвалитъ *ся*, хвалимъ *ны*, хвалите *вы*, хвалимъ *ся*, а говорилось: хвалю *ся*, хвалиши *ся*, хвалитъ *ся*, хвалимъ *ся*, хвалите *ся*, хвалятъ *ся* Что это *ся* даже въ позднѣйшихъ передѣлкахъ славянскаго текста удержалось въ значеніи самостоятельнаго мѣстоименія, видно изъ того, что оно ставится прежде глагола (что *ся* вамъ *мнится*) и допускаетъ постановку одного или даже нѣсколькихъ словъ между собою и глаголомъ (*воздастъ* же ти *ся* въ воскрешеніе праведныхъ. Лук. 14, 14). Этой же именно самостоятельностію мѣстоименія *ся* объясняется его единократная постановка при нѣсколькихъ глаголахъ. Лук. 15, 32. *Возвеселити* же *ся* и *возрадовати* подобаше. Въ русскомъ языкѣ этотъ падежъ *ся* въ возвратномъ мѣстоименіи замѣнился родительною формою *себя*, а при глаголахъ обратился въ окончаніе возвратнаго залога. Онъ въ нашемъ языкѣ дѣйствительно есть не болѣе какъ окончаніе, поэтому и не можетъ ни предшествовать глаголу, ни отдѣлиться отъ него ни однимъ словомъ. Русская *субъективность* привела къ тому, что славянское мѣстоименіе *ся* лишено права на отдѣльное мѣсто: пишутъ слитно не только съ глаголами *(возвеселитижеся, молимтися*), но даже съ другими словами: наприм. *чтотися*. Матѳ. 22, 17; *чтожеся*. Мѳ. 21, 28. *Равенся* творя Богу. Іоан. 5, 18. Въ послѣднемъ мѣстѣ мѣстоименіе *ся* и по смыслу имѣетъ самостоятельное значеніе, ибо глаголъ *творя* нельзя перевести въ возвратномъ залогѣ, а въ дѣйствительномъ: *выдавая себя* за равнаго Богу. Подобная, чисто орѳографическая аномалія конечно не вредитъ тексту, но показываетъ невниманіе къ законамъ церковно-славянскаго языка и ведетъ иногда

къ насильственной перестановкѣ словъ, напр. Мо. 22, 42. Въ напрестольномъ Евангеліи: что *ся* вамъ *мнитъ*, а въ ново-исправленномъ: что вамъ *мнится*.

Въ приведенныхъ доселѣ примѣрахъ изъ разныхъ редакцій Псалтири и Евангелія, при сравненіи съ Греческимъ текстомъ, можно усматривать три ступени славянскаго перевода какъ Псалтири, такъ и Евангелія. Для Псалтири это суть: 1) древнеславянская Псалтирь, сохранившаяся въ памятникахъ XII, XIII и XIV вѣка. Въ настоящее время я пользуюсь изданіемъ о. Архимандрита Амфилохія; 2) старопечатная Псалтирь; 3) Псалтирь, исправленная при Патріархѣ Никонѣ и впервые напечатанная отдѣльно въ 1660 г. и въ полной Библіи 1663 года.—Параллельныя этимъ ступенямъ Псалтири три ступени Евангелія составляютъ: 1) древнеславянскій текстъ, сохранившійся въ рукописяхъ XI, XII и XIII вѣка, изъ которыхъ теперь изданы въ свѣтъ Евангеліе Остромирово 1056—7 г., Галичское 1144 года и Маріинское. 2) наше напрестольное Евангеліе; 3) новоисправленное Евангеліе, напечатанное впервые въ Елизаветинской Библіи 1751 г. Это новое исправленіе буквально вошло въ изданіе бывшаго Россійскаго Библейскаго Общества, постоянно перепечатывается въ Евангеліи и въ цѣломъ Новомъ Завѣтѣ на одномъ славянскомъ языкѣ или вмѣстѣ съ русскимъ; оно положено какъ основной текстъ въ Толковомъ Евангеліи Архимандрита Михаила, во всѣхъ толковательныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ и въ катихизисѣ Митрополита Филарета. Словомъ повсюду внѣ церкви въ домашнемъ, учебномъ и научномъ употребленіи получилъ исключительное господство новоисправленный текстъ Евангелія. Изъ этого общаго правила есть одно замѣчательное исключеніе. Въ 1858 году въ Московской Синодальной типографіи напечатано Четверо-Евангеліе на Якутскомъ языкѣ въ четвертую долю писчаго листа, очевидно для домашняго и школьнаго употребленія, такъ какъ въ немъ нѣтъ зачалъ и никакого приспособленія къ церковному чтенію. Въ этомъ изданіи Евангеліе отъ Матѳея напечатано на двухъ языкахъ: Якутскомъ и Славянскомъ (прочія Евангелія напечатаны на одномъ Якутскомъ). И что же? Славянскій текстъ—напрестольный, безъ

всякой перемѣны; даже опечатка, вкравшаяся и повидимому укоренившаяся въ напрестольномъ Евангеліи, находится и тутъ. Именно Матѳ. 26, 60 и 61. Послѣдже же *приступиша* два лжесвидѣтеля рѣста. Здѣсь въ словѣ *приступиша* недостаетъ буквы *в;* нужно *приступивша*, т. е. причастіе усѣченной формы двойственнаго числа. Въ Остромировомъ Евангелии стоитъ: *Приступльша* два лжа свѣдѣтеля, рѣкоста; а въ Греческомъ стоитъ: προσελθόντες δύο ψευδομάρτυρες εἶπον. Не излишне замѣтить, что весь 60 стихъ въ Остромировомъ и другихъ древнихъ Евангеліяхъ читается такъ: И *не обрѣтоша:* и многомъ лжемъ свидѣтелемъ приступльшемъ, послѣдже приступльша два лжа свѣдѣтеля. Въ позднѣйшихъ обѣихъ ступеняхъ читается этотъ стихъ такъ: И *не обрѣтаху:* и многимъ лжесвидѣтелемъ приступльшымъ, *не обрѣтоша,* послѣдже же приступивша (въ новоисправленномъ *приступивше*) два лжесвидѣтеля.—Здѣсь на четырехъ строчкахъ встрѣчается два противорѣчія формъ: *не обрѣтаху—не обрѣтоша*, тогда какъ въ Греческомъ стоитъ одна форма οὐχ εὗρον; *приступльшимъ—приступивше*. Возвращаясь къ Якутско-славянскому изданію Евангелія нужно заключить, что Якутскіе труженики 1850 годовъ (Иннокентій Архіепископъ Камчатскій, миссіонеръ протоіерей Д. В. Хитровъ, нынѣ Преосвященный Діонисій Епископъ Уфимскій и др.) дорожили текстомъ, читаемымъ во время божественной службы и возлежащимъ на святомъ престолѣ во образъ Христа Спасителя, и устояли противъ общаго потока. Матѳ. 7, 25. И сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и нападоша на храмину ту, *и не падеся: основана бо бѣ на камени.* Нужно благодарить Бога за то, что доселѣ удержалось на своемъ мѣстѣ наше напрестольное Евангеліе, когда Псалтирь, столь много читаемая въ церкви и столь любимая народомъ, замѣнена новоисправленною.

Чтобы точнѣе и подробнѣе опредѣлить разность между названными мною тремя ступенями церковно-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія, позволю себѣ еще привести достаточное количество примѣровъ.

Во 1) изъ древне-славянской Псалтири, изданной о. Архимандритомъ Амфилохіемъ. Пс. 1, 3. И *есть* акы дрѣво

сажено въ прѣисходящихъ водъ.... И *все елико* творитъ *поспѣется* ему. Въ старопечатной: И будетъ яко древо сажено прiисходящихъ водъ... И *вся елика* аще творитъ, успѣетъ. Въ новоисправленной: И будетъ яко древо насажденное при исходищихъ водъ, и вся елика аще творитъ, успѣетъ.— Древне-славянское *есть* этого стиха, въ переводъ греческаго ἔσται, встрѣчается въ Остромировскомъ Евангелiи. Матѳ. 6, 21. Идѣже есть сокровище ваше, ту *есть* сердце ваше. А въ напрестольномъ и въ новоисправленномъ Евангелiи: *ту будетъ и сердце ваше.—Все елико* творитъ, поспѣется ему.—Слово *елико* въ древне-славянскомъ встрѣчается большею частiю въ единственномъ числѣ. Пс. 65, 16. Придѣте услышите, скажу вамъ... *елико* сотвори души моей. Въ старопечатной и въ новоисправленной: *елика* сотвори души моей. Псаломъ 73, 3. Елико лукавнова врагъ о святѣмъ твоемъ. Въ старопечатной и новоисправленной: *Елика* лукавнова врагъ во святѣмъ твоемъ. Пс. 77, 3. *Елико* слышахомъ и разумѣхомъ я. Въ старопечатной и новоисправленной: *Елика* слышахомъ и разумѣхомъ. Пс. 85, 9. (Есть впрочемъ и въ древне-славянскомъ переводѣ множественная форма слова *еликiи*. Пс. 70, 20. *Еликы* явилъ еси мнѣ скорби многы и злыя). Встрѣчается и въ новоисправленномъ Евангелiи, какъ неумышленный остатокъ старины, слово *елико* въ единственномъ вмѣсто множественнаго. Iоан. 10, 8. Вси, *елико ихъ* (въ Греч. πάντες ὅσοι) *прiиде* прежде мене, татiе суть и разбойницы. Въ Остромировомъ: *Все елико* ихъ приде.—*Поспѣется ему* похоже на русское *удастся ему*.

Пс. 2, 9. Упасеши я *палицею* желѣзною, яко сосуды скудѣльница сокрушиша я. Такъ же и въ старопечатной Псалтири. Въ новоисправленной: Упасеши я *жезломъ* желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи сокрушиши я. Въ греческомъ: καὶ ποιμανεῖς αὐτὲς τῇ ῥάβδῳ σιδηρᾷ. Новоисправленный переводъ буквально передаетъ греческое слово, а древнiй переводъ очевидно желалъ подобрать слово болѣе сильное, чтобы выразить грозное могущество: *палица* была оружiе изъ твердаго и тяжелаго дерева, довольно длинное, постепенно утолщавшееся и къ концу конически заостренное; палицею можно было бить и колоть. Сдѣланная изъ желѣза,

такая палица должна обратить глиняные горшки въ мелкій дребезги, гораздо сильнѣе чѣмъ *жезлъ*, хотя бы и желѣзный. Но съ другой стороны *жезлъ* болѣе приличенъ пастырю (*упасеши* я жезломъ). Къ этому нужно присоединить, что въ пс. 22, въ которомъ Господь уподобляется пастырю, Ему приписывается, въ стихѣ 4, жезлъ и палица: аще пойду посрѣди сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: *жезлъ* Твой, и *палица* Твоя та мя утѣшиста. Слѣдовательно древне-славянскій переводъ, свободно передавая значеніе греческаго слова, не допустилъ и несообразности.

Пс. 4, 2—4. *Внегда взываxъ*, услыша мя Богъ правды моея.... вскую любите *суетная* и ищете лжа.... Господь услышитъ мя, *егда взову* къ Нему. Въ старопечатной: *внегда воззвахъ*, услыша мя Боже правды моея.... вскую любите суетная и ищете лжи.... Господь услышитъ мя *внегда взову* къ Нему. Въ новоисправленной: *внегда призвати* ми услыша мя Богъ правды моея... вскую любите *суету* и ищете лжи... Господь услышитъ мя *внегда воззвати ми* къ Нему. Въ греческомъ: Ἐν τῷ ἐπικαλεῖσθαι με εἰσήκουσέν μου ὁ θεὸς τῆς δικαιοσύνης μου.... ἵνα τι ἀγαπᾶτε ματαιότητα καὶ ζητεῖτε ψεῦδος.... Κύριος εἰσακούσεταί μου ἐν τῷ κεκραγέναι πρὸς αὐτόν. Здѣсь нужно обратить вниманіе на свободный переводъ греческаго оборота—предлога ἐν съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Этотъ оборотъ весьма часто встрѣчается въ Псалтири и Евангеліи. Въ старославянскомъ переводѣ передается онъ различно: то полнымъ обстоятельственнымъ предложеніемъ съ союзомъ *егда*, рѣже *внегда*, то дѣепричастіемъ, какъ въ выше объясненномъ 1 стихѣ 89 пс., то соотвѣтственнымъ падежемъ отглагольнаго имени; напримѣръ: пс. 9, 23. *Въ гордости* нечестиваго возгарается нищій. Такъ же въ старопечатной. Въ новоисправленной: *внегда гордитися* нечестивому возгарается нищій. Въ греческомъ: ἐν τῷ ὑπερυφανεύεσθαι τὸν ἀσεβῆ ἐμπυρίζεται ὁ πτωχός. Сравни Евангеліе Матѳ. 5, 28. Всякъ иже воззритъ на жену *ко еже вожделѣти* ея (новоисправл., *ей* старопечатное), уже прелюбодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ. Въ древнихъ Евангеліяхъ Галичскомъ и Маріинскомъ: Всякъ иже воззритъ на жену *съ похотію*, уже любы сотвори съ нею въ сердци своемъ. Впрочемъ и въ древне-славян-

скомъ, хотя рѣдко, встрѣчается буквальный переводъ этого оборота. Пс. 9, 4. Внегда возвратится врагу моему вспять. Пс. 50, 6. Яко да оправдишися въ словесѣхъ своихъ и преприши мя (въ старопечатной и въ новоисправленной: *побѣдиши*) *внегда судити* ти.—Въ новоисправленной Псалтири этотъ оборотъ почти всегда передается буквально чрезъ сочетаніе союза *внегда* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и только рѣдко встрѣчается, какъ бы случайно удержавшійся, древній оборотъ; напримѣръ пс. 34, 13. Азъ же, *внегда* они *стужаху* ми, облачахся во вретище, и смиряхъ постомъ душу мою, и молитва моя въ нѣдро мое возвратися.

Пс. 8, 6. *Умьнилъ еси* маломъ чимъ отъ ангелъ. Въ старопечатной и въ новоисправленной: *Умалилъ еси* его малымъ чимъ отъ ангелъ. Въ греческомъ: ἠλάττωσας αὐτὸν βραχύ τι παρ᾽ ἀγγέλων. Этотъ греческій глаголъ происходитъ отъ сравнительной степени ἐλάττων отъ μικρός, и потому въ древнеславянской Псалтири точнѣе переданъ глаголомъ, происходящимъ отъ сравнительной же степени; въ русскомъ лучше бы и ближе къ греческому было сказать: *уменьшилъ*. Дѣйствительно, Господь уменьшилъ человѣка только предъ ангелами и то малымъ чимъ, а безотносительно Онъ его возвеличилъ—славою и честію вѣнчалъ и все покорилъ подъ ноги его; положительная же степень *умалилъ еси* болѣе указываетъ на безотносительное умаленіе.

Пс. 5, 4. Заутра *стану предъ Тобою* и узриши мя. Въ старопечатной и новоисправленной Псалтири: Заутра *предстану Ти,* буквально съ греческаго τὸ πρωῖ παραστήσομαί σοί. Это напоминаетъ Луки 2, 22. Вознесоста его во Іерусалимъ *поставити* его *предъ* Господемъ (въ греческомъ и Остромировомъ втораго *его* нѣтъ). Въ Греческомъ: παραστῆσαι τῷ Κυρίῳ.

Случаи свободной передачи словъ и оборотовъ сравнительно съ греческими также весьма нерѣдки и въ Евангеліи, особенно въ древнѣйшихъ, Остромировскомъ и другихъ. Матѳ. 5, 9. Блажени *смиряющеи*, яко ти сынове Божіи нарекутся. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ, т. е. въ напрестольномъ и новоисправленномъ Евангеліи, поставлено: *миротворцы* буквально съ греческаго: εἰρηνοποιοί. Припомнимъ,

Матѳ. 5, 23 и 24. Аще принесеши даръ твой къ олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя.... и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ. Здѣсь *смирися* значитъ помирись. Стало быть *смиряющеи* въ 9 стихѣ тойже главы, значитъ примиряющіе поссорившихся. Позднѣйшая форма: *смиреніе, смиренъ, смирити,* въ древнѣйшихъ памятникахъ пишется чрезъ *ѣ*. См. Матѳ. 11, 29. Лук. 1, 48; 18, 14.

Лук. 18, 20. *Не лжи свѣдѣтель буди.* Такъ въ древнихъ памятникахъ Остром., Мариинск. и Галичскомъ; а въ напрестольномъ и новоисправленномъ: *не лжесвидѣтельствуи* буквально съ греческаго μὴ ψευδομαρτυρήσῃς.

Евангеліе Іоанна 1, 1—3. Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово. Се бѣ искони у Бога. И тѣмъ вся быша и безъ Него ничтоже не бысть, еже бысть. Такъ въ Остромировомъ Еванг.; въ напрестольномъ и въ новоисправленномъ: Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ греческомъ: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεὸν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος. Οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν θεόν. Πάντα δι αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο ἀδὲ ἕν, ὃ γέγονεν. Древне-славянское слово *искони* въ обѣихъ позднѣйшихъ редакціяхъ разъ замѣнено словомъ *въ началѣ* ради буквальнаго сходства съ греческимъ ἐν ἀρχῇ, а въ другой разъ оставлено безъ измѣненія.—*Сей* αὐτὸς въ началѣ втораго стиха въ древнеславянскомъ поставленъ въ среднемъ родѣ по согласованію съ именемъ средняго рода *Слово*. Но особенно замѣчательно въ третьемъ стихѣ присутствіе отрицательной частицы *не* (и безъ Него ничтоже *не бысть*), которое въ позднѣйшихъ редакціяхъ уничтожено, въ точное соотвѣтствіе греческому тексту. Въ тойже главѣ стихъ 18. Бога никтоже нигдѣже *не* видѣ, съ отрицательнымъ *не*, а въ напрестольномъ и въ новоисправленномъ безъ отрицательнаго *не*: Бога никтоже видѣ нигдѣже. По гречески: θεὸν οὐδεὶς ἑώρακε πώποτε. Подобныхъ мѣстъ очень много въ Остромировомъ Евангеліи. Позднѣйшіе исправители, въ угоду греческому тексту, старались вездѣ это отрицаніе истребить; но все-таки оно осталось въ двухъ-трехъ мѣстахъ новоисправленнаго даже Евап-

гелія. Іоан. 7, 26. И се не обинуяся глаголетъ и ничесоже ему *не* глаголютъ. Въ греческомъ: καὶ οὐδὲν αὐτῷ λέγουσι. Іоан. 18, 20. Отвѣща ему Іисусъ... и тай *не* глаголахъ ничесоже. Въ греческомъ: καὶ ἐν κρυπτῷ ἐλάλησα οὐδέν. Двойное отрицаніе свойственно не одному русскому языку, но и сербскому и болгарскому. Такъ выше приведенные стихи 1 главы Евангелія отъ Іоанна: 3-й стихъ въ Сербскомъ: Све је кроз њу постало, и без ње ништа *није* постало што је постало. Въ Болгарскомъ: Всичко зрѣзъ него станж, и което е станжло, нищо безъ него *не* станж. Стихъ 18. Въ Сербскомъ: Бога нико *није* видио никад. Въ Болгарскомъ: никой никога *не е* видѣлъ Бога. Такимъ образомъ двойное отрицаніе, встрѣчаясь постоянно въ древнеславянскомъ Евангеліи, составляетъ существенную и коренную принадлежность славянскаго языка. Но позднѣйшіе исправители церковно-славянскихъ книгъ постарались изгнать лишнее, по ихъ понятію, отрицаніе въ угоду грекамъ. Воображаю, какъ смущались и волновались греки, усмотрѣвъ *не* въ этихъ двухъ стихахъ Евангелія отъ Іоанна: имъ это казалось безсмыслицей.

Я впрочемъ думаю, что греки напрасно смущались и волновались подобными оборотами: въ нихъ, по моему понятію, вовсе нѣтъ двухъ отрицаній. Отрицаніе есть собственно частица *не*, а *ни* не составляетъ отрицанія, оно напротивъ имѣетъ утвердительное и усиливающее значеніе. Напримѣръ: кто бы *ни* былъ=всякій. Не написалъ *ни* строки =не написалъ даже одной строки. Нѣтъ *ни* копѣйки—нѣтъ даже одной копѣйки. Такимъ образомъ *ни*=даже. То есть, *ни* есть ничто иное какъ *и* въ значеніи *даже,* звукъ *н* есть не болѣе какъ усиленное смягченіе, происшедшее отъ напряженнѣйшаго произношенія звука *и*: и=йи=ни.—А настоящее отрицаніе *не* своимъ повтореніемъ должно произвести утвержденіе; напримѣръ: ты *не* меня *не* видѣлъ, это значитъ, что ты не видалъ кого-то другаго, а меня видѣлъ. Совсѣмъ другое будетъ, если скажемъ: ты *ни* меня не видѣлъ =ты даже и меня не видѣлъ. Если же въ разговорномъ выраженіи: денегъ *ни* копѣйки, *ни* имѣетъ отрицательное значеніе, то оно получило его отъ подразумѣваемаго глагола *нѣтъ*.

Какъ въ латинскомъ и греческомъ, такъ и въ древнеславянскомъ языкѣ прилагательныя склонялись совершенно такъ же, какъ существительныя подобныхъ окончаній; но славянскій языкъ имѣлъ ту особенность, что въ соотвѣтствіе греческому члену, прибавлялъ въ концѣ прилагательныхъ указательное мѣстоименіе: *и*, *я*, *е* въ соотвѣтственныхъ падежахъ. Мало-по-малу эти, въ началѣ раздѣльно стоявшія, части (т. е. прилагательное и указательное мѣстоименіе) постепенно уподоблялись и сливались,—и произошло наконецъ нынѣшнее склоненіе прилагательныхъ, совершенно отличное отъ существительныхъ. Но что̀ теперь въ прилагательныхъ намъ представляется полнымъ и усѣченнымъ окончаніемъ, то въ древности было склоненіемъ опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ, и послѣднее имѣло всѣ падежи, какъ и первое.

Есть еще другое правило общее древнему славянскому языку съ латинскимъ и греческимъ, а именно: сказуемое (въ обширномъ смыслѣ) всегда согласуется въ падежѣ съ подлежащимъ и описуемымъ. Здѣсь подъ подлежащимъ и сказуемымъ я разумѣю двойные падежи, т. е. два винительныхъ и т. д.—первый винительный будетъ подлежащее, а второй—сказуемое. Въ русскомъ языкѣ подобное сказуемое, даже въ именительномъ падежѣ, если означаетъ временное и миновавшее качество или состояніе, всегда выражается творительнымъ падежемъ. Это какой-то описательный творительный падежъ въ родѣ нарѣчія. И такъ какъ онъ имѣетъ самъ по себѣ такое значеніе, независимо отъ этимологическаго соотношенія словъ; то онъ всегда остается неизмѣннымъ; между тѣмъ въ латинскомъ и греческомъ вторые падежи (сказуемое) всегда слѣдуютъ за измѣненіями первыхъ падежей (подлежащее). Тоже самое, классическое свойство принадлежитъ и древнеславянскому языку; напримѣръ: Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, *егоже* обрящетъ *бдяща*. Здѣсь *егоже* относится къ *бдяща* какъ подлежащее къ сказуемому. Если измѣнить дѣйствительный оборотъ въ страдательный, въ такомъ случаѣ получимъ: и блаженъ рабъ, *иже* обрящется *бдя*. При оборотѣ неопредѣленнаго наклоненія съ дательнымъ падежемъ (подобномъ латин-

скому или греческому винительному съ неопредѣленнымъ) подлежащее ставится въ дательномъ и сказуемое согласуется съ нимъ въ падежѣ неопредѣленной (усѣченной) формы; напримѣръ въ эктеніи на литіи: о еже *милостиву* и *благоутѣтливу* быти благому и человѣколюбивому Богу нашему. Ὑπὲρ τῶ ἐλέων, εὐμενῆ, καὶ εὐδιάλλακτον γένεσθαι τὸν ἀγαθὸν καὶ φιλάνθρωπον Θεὸν ἡμῶν.

Тоже различіе опредѣленной и неопредѣленной формы въ склоненіи имѣютъ и причастія; особенно ясно это въ дательномъ самостоятельномъ, гдѣ причастіе занимаетъ мѣсто сказуемаго. Матѳ. глава 8. *Сшедшу Ему* съ горы (ст. 1). *Вшедшу Ему* въ Капернаумъ (ст. 5). *Вльзшу Ему* въ корабль (ст. 23) и пр., и пр. Пс. 103; 23, 24. *Давшу Тебѣ* имъ, соберутъ: *отверзшу Тебѣ* руку, всяческая исполнятся благости. *Отвращшу* же *Тебѣ* лице, возмятутся.

Въ славянскомъ языкѣ это весьма характерно для прилагательныхъ; но существительныя не усвоили того же сліянія съ указательнымъ мѣстоименіемъ, какъ членомъ, что̀ составляетъ общее правило въ болгарскомъ нарѣчіи и частію употребляется въ русскомъ разговорномъ языкѣ: разумѣю приставку *тъ, та, то* къ существительнымъ (*человѣкъ-тъ*, произносится человѣко-тъ, *жена-та*, *дитя-то*). Подобное есть и въ древнемъ текстѣ Евангелія. Напримѣръ, Марк. 3; 24 и 25. И аще цѣсарство на ся раздѣлится, не можетъ стати *цѣсарство то*. И аще домъ на ся раздѣлится, не можетъ стати *домотъ*. Марк. 14, 21. Добро бы ему было, аще не бы родился *человѣкотъ*. Матѳ. 18, 26. Падъ убо *работъ*... Милосердствовавъ же Господь *раба того*. Матѳ. 15, 28. И исцѣлѣ дщи ея отъ того часа (ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης), въ Остромир. *томъ часѣ;* въ Галич. *въ тъ часъ;* въ Маріинскомъ: *вотъ часъ*. Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что: а) постановка мѣстоименія послѣ имени въ славянскомъ языкѣ не зависѣла именно отъ греческаго словорасположенія, б) буква *о* замѣняетъ полугласную *ъ*. Стало быть здѣсь нѣтъ никакого органическаго преобразованія въ родѣ прилагательныхъ.

Слѣдуетъ присовокупить, что греческій членъ предъ прилагательнымъ и причастіемъ, особенно если онъ отдѣ-

ляется отъ своего опредѣляемаго однимъ или нѣсколькими словами, переводится словомъ *иже, яже, еже,* которое въ значеніи члена не измѣняется по падежамъ; напр. въ молитвѣ Василія Великаго по шестомъ часѣ, и *еже* отъ Тебе *свѣтомъ* наставляеми: καὶ τῷ παρὰ σοῦ φωτὶ ὁδηγούμενοι.— При этомъ прилагательное и причастіе всетаки получаютъ опредѣлительное окончаніе. Тропарь предпразднеству Богоявленія: Возвращашеся иногда Іорданъ рѣка милотію Елисеевою.... и бысть ему *сухъ путь иже мокрый.* Καὶ γέγονεν αὐτῷ ξηρὰ ὁδὸς ἡ ὑγρά. Воскресная служба 2-го гласа, канона крестовоскресна 5 пѣсни, 2-й тропарь: Естествомъ человѣческимъ страстенъ и смертенъ былъ еси, *иже безстрастный* (ὁ ἀπαθὴς) невещественнымъ божествомъ... Слѣдующаго канона тойже пѣсни тропарь первый: Облацы веселія сладость кропите... *Иже сый* прежде вѣкъ ὁ ὑπάρχων πρὸ τῶν αἰώνων. Въ Богородичнѣ шестаго часа: Ты *иже* отъ тебе *рождшагося* моли Богородице Дѣво. Τὸν ἐκ σοῦ γεννηθέντα. По этой же причинѣ не склоняется мѣстоименіе *еже,* когда въ значеніи члена ставится предъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ: ектенія изъ литіи. Еще молимся и *о еже услышати* Господу Богу нашему гласъ моленія насъ грѣшныхъ и помиловати насъ. Ἔτι δεόμεθα καὶ ὑπὲρ τοῦ εἰσακοῦσαι Κύριον τὸν Θεὸν φωνῆς τῆς δεήσεως ἡμῶν τῶν ἁμαρτωλῶν, καὶ ἐλέησαι ἡμᾶς.

Итакъ опредѣленность и неопредѣленность прилагательнаго или причастія ясно обозначены въ самой формѣ, а въ существительномъ они не обозначены; поэтому по формѣ прилагательныхъ можно всегда угадать ихъ значеніе подлежащаго или сказуемаго, а въ существительномъ это не всегда легко угадать, безопаснѣе обращаться къ греческому тексту.

Тропарь на девятомъ часѣ: Видя разбойникъ начальника жизни на крестѣ *висяща,* глаголаше: аще не бы *Богъ* былъ *воплощся, иже* съ нами *распныйся,* не бы солнце лучи своя потаило, ниже бы земля трепещущи тряслася. По гречески: Βλέπων ὁ ληστὴς τὸν ἀρχηγὸν τῆς ζωῆς ἐπὶ σταυροῦ κρεμάμενον, ἔλεγεν· εἰμὴ θεὸς ὑπῆρχε σαρκωθεὶς ὁ σὺν ἡμῖν σταυρωθὴς, οὐκ ἂν ὁ ἥλιος τοῦ ἀκτῖνας ἐναπέκρυψεν, οὐδὲ ἡ γὴ σειομένη ἐκυμαίνετο. Итакъ въ этомъ стихѣ *иже съ нами распныйся*—подлежа-

щее, *Богъ* (въ греческомъ безъ члена) *воплощся*—сказуемое. По русски это можно выразить такъ: разбойникъ, видя начальника жизни висящимъ на крестѣ, говорилъ: если бы этотъ съ нами распятый не былъ воплотившимся Богомъ, то солнце не скрыло бы свои лучи и земля не тряслась бы въ трепетѣ.

Тропарь сошествію Святаго Духа: Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже *премудры ловцы* явлей. По гречески: ὁ πανσόφους τῆς ἁλιείς ἀναδείξας. Здѣсь *ловцы*—первый винительный или подлежащее, потому что въ греческомъ стоитъ съ членомъ, а *премудры*—второй винительный или сказуемое. По русски это можно сказать такъ: Благословенъ Ты, Христе Боже нашъ, явившій рыбарей *премудрыми*.

Кондакъ Рожд. Христову: насъ бо ради родися *отроча младо превѣчный Богъ*. По гречески: δι ἡμᾶς γὰρ ἐγεννήθη παιδίον νέον, ὁ πρὸ αἰώνων Θεός. Здѣсь подлежащее—*превѣчный Богъ, отроча младо* есть сказуемое, или родъ *описанія*. По русски можно выразить такъ: ради насъ *предвѣчный Богъ* родился *малымъ младенцемъ*.

Такъ какъ русскій языкъ проложилъ во многихъ случаяхъ свои особыя теченія и русла, такъ напр.: дательный самостоятельный замѣнилъ другими формами обстоятельственныхъ выраженій, вторые косвенные падежи замѣнилъ творительнымъ описательнымъ; то посему обширная область употребленія простаго или неопредѣленнаго прилагательнаго ограничилась только именительнымъ падежемъ при подразумѣваемомъ существительномъ глаголѣ: я (есмь) *старъ*. Точно такъ же сократилось употребленіе простой или неопредѣленной формы причастія, потерявъ различіе чиселъ и родовъ и обратившись въ такъ называемое дѣепричастіе. Но и дательный падежъ неопредѣленной формы прилагательнаго и причастія не совсѣмъ чуждъ русскому языку: по крайней мѣрѣ въ лексиконахъ постоянно выражается значеніе страдательныхъ глаголовъ такъ: *быть любиму*; да и не приходится сказать *быть любимому*, а ужь лучше прямо по-русски: *быть любимымъ*.

Итакъ наше дѣепричастіе, настоящее *дѣлая* и прошедшее *дѣлавъ*, есть не иное что какъ именительный падежъ

причастія простой или неопредѣленной формы; а потому его настоящее мѣсто—когда оно относится къ подлежащему: *воставъ* отъ мертвыхъ, *Іисусъ* явился ученикамъ Своимъ. *Я* пишу *сидя* за столомъ.—Допустимо его употребленіе и при безличномъ глаголѣ, когда оно относится къ логическому подлежащему, подразумѣваемому или даже выраженному въ косвенномъ падежѣ: *мнѣ* трудно писать *стоя*. Но относить дѣепричастіе къ косвенному падежу, когда есть особое подлежащее, или ставить его съ своимъ особымъ подлежащимъ (какъ это свойственно французскому обороту, происшедшему изъ латинскаго ablativus absolutus) было бы противно коренному значенію дѣепричастія, какъ неопредѣленной формы причастія, еще не совсѣмъ забытому въ русскомъ языкѣ (*).

Если славянская форма простаго, т. е. неопредѣленнаго прилагательнаго въ косвенныхъ падежахъ намъ русскимъ представляется странной, то причину такого нерасположенія нужно искать вовсе не въ логической несообразности такихъ формъ или во внутренней ихъ несвойственности русскому языку, а просто въ томъ, что мы отвыкли отъ этихъ формъ, замѣнивши ихъ другими. Такъ Сербы, Болгаре и новые Греки отвыкли отъ неопредѣленнаго наклоненія, замѣнивши его другимъ оборотомъ. Чтобы намъ ясно понять и представить славянское значеніе неопредѣленной формы дѣепричастій въ косвенныхъ падежахъ, намъ нужно переложить ихъ на наши современные употребительные обороты, какъ на привычные и наторѣлые способы выраженія. Приведу примѣръ изъ молитвы Василія Великаго въ повседневной полунощницѣ, начинающейся словами: *Господи вседержителю Боже силъ и всякія плоти...* И даруй *намъ* бодрен-

*) М. В. Ломоносовъ въ своей Россійской грамматикѣ, § 466, говоритъ: «Весьма погрѣшаютъ тѣ, которые, по свойству чужихъ языковъ, дѣепричастіе отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ. Ибо дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ, на которомъ всей рѣчи состоитъ сила: идучи въ школу, встрѣтился я съ пріятелемъ; написавъ я грамотку посылаю за море. Но многіе въ противность сему пишутъ: идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель... что весьма неправильно и *досадно слуху, чувствующему правое Россійское сочиненіе.*

нымъ сердцемъ и трезвенною мыслію всю настоящаго житія нощь прейти, *ожидающимъ* пришествія свѣтлаго и явленнаго дне единороднаго Твоего Сына, Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, воньже со славою *судія* всѣхъ пріидетъ комуждо отдати по дѣломъ его.—Прежде всего здѣсь нужно сдѣлать слѣдующія поправки: вмѣсто *бодреннымъ* сердцемъ сказать: *бодреномъ* сердцемъ, и вмѣсто *ожидающимъ—ожидающемъ*, ибо то и другое причастіе въ греческомъ стоитъ безъ члена, а также слово *судія* безъ члена и потому оно не можетъ быть подлежащимъ, а имѣетъ описательное положеніе. Въ греческомъ это мѣсто читается такъ: Καὶ δώρησαι ἡμῖν ἐν ἀγρύπνῳ καρδίᾳ καὶ νηφούσῃ διανοίᾳ, πᾶσαν τοῦ παρόντος βίου τὴν νύκτα ἡμᾶς διελθεῖν, ἀπεκδεχομένους τὴν παρουσίαν τῆς λαμπρᾶς καὶ ἐπιφανοῦς ἡμέρας... Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐν ᾗ μετὰ δόξης ἐπὶ γῆς Κριτὴς τῶν ἁπάντων ἐλεύσεται, ἑκάστῳ ἀποδοῦναι κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ. Для уясненія себѣ неопредѣленныхъ словъ, даю въ русскомъ переводѣ слѣдующій видъ этому отрывку. И даруй намъ, чтобы *мы* всю ночь настоящей жизни провели съ бодрственнымъ сердцемъ и трезвою мыслію, *ожидая* наступленія свѣтлаго и славнаго дня.... Господа нашего Іисуса Христа, когда *Онъ* со славою придетъ на землю, *какъ Судія* всѣхъ, воздать каждому по дѣламъ его.—Да не *падше* и *облѣнившеся*, но *бодрствующе* и *воздвижени* въ дѣланіи *обрящемся*. По гречески: ἵνα μὴ ἀναπεπτωκότες καὶ ὑπνῶντες, ἀλλὰ γρηγοροῦντες καὶ διεγηγερμένοι ἐν τῇ ἐργασίᾳ τῶν ἐντολῶν αὐτοῦ εὑρεθῶμεν. Дабы мы были найдены (застигнуты) не лежащими и спящими, а бодрствующими и стоящими въ дѣланіи Его повелѣній. Здѣсь *падше, облѣнившеся, бодрствующе, воздвижени*—вторые именительные падежи при страдательномъ оборотѣ, а первый именительный подразумѣвается *мы*.—Дальше въ греческомъ текстѣ стоитъ союзъ καὶ=*и*, а въ нашихъ церковныхъ книгахъ онъ пропущенъ, и ходъ рѣчи, самъ по себѣ сложный (чѣмъ отличаются вообще молитвы Василія Великаго, по обилію мыслей, какъ бы скованныхъ въ одинъ періодъ), затрудняется и запутывается. Итакъ, возстановляя союзъ *и* согласно греческому тексту, продолжаю: И *готови* въ радость и божественный чертогъ славы

Его совнидемъ. По гречески: καὶ ἕτοιμοι εἰς τὴν χαρὰν καὶ τὸν θεῖον νηµφῶνα τῆς δόξης αὐτοῦ συνεισέλθωµεν. И дабы, готовые (т. е. въ состояніи готовности), вошли мы вмѣстѣ съ Господомъ въ радость и божественный чертогъ славы Его.

Я нарочито распространился о вторыхъ (сказуемыхъ) падежахъ и о простой, или неопредѣленной формѣ причастій и дѣепричастій, для того чтобы уяснить себѣ и другимъ, какъ строго и постоянно соблюдаются вышеобъясненныя правила въ древнихъ памятникахъ церковно-славянскаго перевода, и какъ напротивъ часто и нелогично замѣняются эти формы полными или опредѣленными формами соотвѣтственныхъ падежей въ новоисправленномъ Евангеліи. Приведу на то примѣры и доказательства. Луки 2, 46. И бысть по тріехъ днехъ, обрѣтоста Его въ церкви, *сѣдящаго* посредѣ учителей, и *послушающаго* ихъ и *вопрощающаго* ихъ. Въ напрестольномъ, а тѣмъ паче въ Остромировомъ Евангеліи здѣсь причастія всѣ стоятъ въ неопредѣленной формѣ, составляя вторые винительные падежи при глаголѣ *обрѣтоста*. Въ русскомъ переводѣ сказано такъ же: чрезъ три дня нашли Его въ храмѣ, *сидящаго* посредѣ учителей, *слушающаго* ихъ и *спрашивающаго* ихъ. Въ греческомъ текстѣ эти причастія поставлены безъ члена и потому они не могутъ быть опредѣленіемъ слова *Его,* а описываютъ положеніе въ какомъ Пресвятая Дѣва Марія и Іосифъ нашли 12-лѣтняго отрока—Іисуса Христа во храмѣ Іерусалимскомъ. Смѣю думать, что по-русски было бы правильнѣе передать это мѣсто въ такомъ видѣ: чрезъ три дня нашли Его въ храмѣ *сидящимъ* посреди учителей, *слушающимъ* ихъ и *спрашивающимъ* ихъ.—Іоанна 1, 37. И слышаста его оба ученика *глаголющаго*, и по Іисусѣ идоста. Въ напрестольномъ и въ Остромировомъ здѣсь причастіе поставлено въ неопредѣленной формѣ согласно съ греческимъ. Въ русскомъ переводѣ мысль совершенно вѣрно и точно выражена, хотя и очень далекимъ отъ подлинника оборотомъ: услышавъ *отъ Него сіи слова*, оба ученика пошли за Іисусомъ.

Матѳ. 26, 40. И пришедъ ко ученикомъ, и обрѣте *ихъ спящихъ*. Подобная форма *(спящихъ)* ниже въ стихѣ 43, а также Марка 14, 37 и Луки 22, 45.

Іоанна 1, 51. Отселѣ узрите небо отверсто, и ангелы Божія *восходящыя* и *нисходящыя* надъ Сына человѣческаго. Марка 7, 2. И видѣвше нѣкіихъ отъ учениковъ Его нечистыми руками.... *ядущихъ* хлѣбы, ругахуся.—Во всѣхъ этихъ мѣстахъ напрестольное Евангеліе вѣрно имѣетъ неопредѣленную форму причастій, а тѣмъ болѣе Остромирово Евангеліе.

Подобныхъ примѣровъ весьма много и всѣ они не въ пользу новоисправленнаго текста. Изъ этой категоріи приведу еще только два-три примѣра, интересныхъ въ грамматическомъ отношеніи. Матѳ. 15, 32. Милосердую о народѣ семъ, яко уже дни три присѣдятъ Мнѣ, и не имутъ чесо ясти: и отпустити ихъ *не ядшихъ* не хощу, да не како ослабѣютъ на пути. Въ напрестольномъ Евангеліи поставлено: и отпустити ихъ *не ядшя* не хощу. Этому вполнѣ отвѣчаетъ русскій переводъ: отпустить же ихъ *не ѣвшими* не хочу. Въ Остромировомъ Евангеліи: и отпустити *ихъ не ядшь* не хощу. Здѣсь *ихъ не ядшь*—два родительныхъ падежа по причинѣ отрицанія *не хощу*.

Въ дательномъ самостоятельномъ, кромѣ только мужескаго рода единственнаго числа, въ новоисправленномъ Евангеліи вездѣ ошибка, именно употребляется опредѣленной формы причастіе.

Марка 16, 1. *Минувшей субботѣ;* въ напрестольномъ: *минувши субботѣ*: Матѳ. 28, 13. Рцыте яко ученицы Его нощію пришедше украдоша Его *намъ спящымъ;* такъ и въ напрестольномъ, а въ Остромировомъ: *намъ спящемъ*.

Въ примѣръ неправильнаго употребленія, въ позднѣйшихъ текстахъ, особенно въ новоисправленномъ, полной формы сравнительной степени можно привести слѣдующія три мѣста. Марк. 12, 31. *Большая* сихъ ина заповѣдь нѣсть (въ новоисправленномъ). *Больши* сею ина заповѣдь нѣсть (въ напрестольномъ). *Больша* сею *иноа* заповѣди нѣсть (въ древнѣйшихъ текстахъ,—родительный падежъ при отрицательномъ глаголѣ). Матѳ. 13, 32. Еже *малѣйше* убо есть отъ всѣхъ сѣменъ... *болье* отъ всѣхъ зелій есть и бываетъ древо. Такъ въ новоисправленномъ и напрестольномъ Евангеліи, а въ Галичскомъ и Маріинскомъ: еже *мьне* есть всѣхъ

сѣменъ... *боле* зелій есть... Іоан. 5, 14. Ктому не согрѣшай, да не *горше* ти что будетъ... Въ древнихъ текстахъ: Се цѣлъ бысть, ктому не согрѣшай, да не *горе* ти что будетъ.

Матѳ. 13, 25. *Спящымъ* же человѣкомъ пріиде врагъ его. Такъ въ новоисправленномъ и напрестольномъ, а въ древнихъ Евангеліяхъ: *спящемъ* же человѣкомъ. Іоан. 20, 19. И *двереме затвореннымъ*; такъ и въ напрестольномъ, а въ Остромировомъ: и *двереме затворенамъ*. Матѳ. 27, 17. *Собравшымся* же *имъ* рече имъ Пилатъ. Въ напрестольномъ: *собраннымъ* же *имъ*. Въ Остромировомъ: *собраномъ* же *сущемъ имъ*. Въ Галичскомъ и Маріинскомъ: *собравшемъ* же *ся имъ*.—Лук. 24, 5. *Пристрашнымъ* же *бывшымъ* имъ, и *поклоншымъ* лица на землю, рекоста имъ. Такъ въ напрестольномъ и новоисправленномъ Евангеліи, а въ Остромировомъ: *Пристрашнамъ* же *бывшамъ* имъ и *поклоншамъ* лица на землю, рекоста къ нимъ (дательн. падежъ женскаго рода, относится къ женамъ).

Здѣсь привелъ я только по одному примѣру разныхъ категорій неправильнаго примѣненія причастной формы въ дательномъ самостоятельномъ; но подобныхъ случаевъ, особенно въ новоисправленномъ Евангеліи, очень много.

Въ древнеславянскомъ языкѣ были случаи употребленія падежей, которые уже не встрѣчаются въ русскомъ языкѣ; поэтому они отмѣнены въ новоисправленномъ Евангеліи, но въ напрестольномъ многіе изъ нихъ уцѣлѣли. Напр. предложный падежъ, который Буслаевъ вѣрнѣе называетъ *мѣстнымъ*, могъ ставиться и безъ предлога для обозначенія мѣста и времени на вопросъ *гдѣ* и *когда*. Марк. 13, 18. Молитеся, да не будетъ бѣгство ваше *зимѣ* (въ новоисправленномъ: *въ зимѣ*). Лук. 11. 5. Кто отъ васъ имать друга, и идетъ къ нему *полунощи* (въ новоисправленномъ: *въ полунощи*).—Матѳ. 17, 18. И исцѣлѣ отрокъ *томъ часѣ* (въ Галич. и Мар., а въ напрест. и новоиспр. *отъ того часа*, согласно греческому ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης).—Названія городовъ на вопросъ *гдѣ*, безъ предлога ставились въ древлерусскомъ языкѣ, наприм. въ припискѣ къ Остромирову Евангелію, написано: Самъ же Изяславъ князь правляше

столъ отца своего Ярослава *Кыевъ*, а брата своего столъ поручи правити близоку своему Остромиру *Новъгородъ*. А въ текстѣ Евангелія въ подобныхъ случаяхъ ставился вообще предлогъ *въ* (Буслаева, Истор. Грамматика Русскаго языка. § 247 прим.).

Глаголы, сложенные съ предлогомъ *при*, требуютъ обыкновенно мѣстнаго падежа безъ предлога.

Примѣры изъ напрестольнаго Евангелія:

Іоан. 4, 10. Не прикасаются жидове *самарянѣхъ* (въ новоисправленномъ: *самаряномъ*).—Лук. 10, 11. И прахъ прилѣпшій *насъ* (въ новоисправленномъ: *намъ*) отъ града вашего, отрясаемъ вамъ. Марк. 3, 10. Многи бо исцѣли яко же нападати *емъ* (въ новоисправленномъ: *на него*), да ему прикоснутся, елицы имѣяху раны (вмѣсто этого въ Маріинскомъ Евангеліи читается: хотяште прикоснутися *емъ*. елико имѣаху раны).

Марк. 5, 30. Кто прикоснуся *ризахъ моихъ* (въ трехъ древнихъ текстахъ, а въ напрестольномъ и новоисправленномъ Евангеліи: *ризамъ моимъ*).

Глаголъ *хотѣти* принималъ дательный падежъ, какъ и остается нерѣдко въ напрестольномъ Евангеліи, а въ новоисправленномъ вездѣ дательный падежъ замѣненъ родительнымъ. Лук. 5, 36. И никтоже пивъ ветхое, абіе хощетъ *новому*.—Іоан. 15, 7. *Ему же* аще хощете, просите и будетъ вамъ.— Лук. 19, 27. Враги моя оны не хотѣвшыя *мнѣ* (въ новоисправленномъ: иже не восхотѣша *мене*).

Глаголъ *коснути* въ дѣйствительномъ залогѣ принимаетъ винительный лица и винит. съ предлогомъ *въ*.— Марк. 8, 22. И приведоша къ нему слѣпа и моляху и, да *и коснетъ* (Въ напрестольномъ: и моляху его, да его *коснетъ*. Въ новоисправленномъ: да его коснется).—Матѳ. 9, 29. Тогда коснy *я въ очи* (въ Маріинскомъ и Галичскомъ, а въ напрестольномъ и въ новоисправленномъ: прикоснуся *очію ихъ*). Лук. 7, 14. И приступль коснy *въ одръ* (въ напрестольномъ и новоисправленномъ: коснуся *въ одръ*).

Исправители XVIII вѣка вооружились противъ двойственнаго числа, но такъ какъ оно въ Евангеліи встрѣчается весьма часто, то у нихъ какъ будто уставала рука и они

на половину оставили его и на половину измѣнили на множественное число. Отъ этого произошла по мѣстамъ неблаговидная пестрота. Матѳ. 20, 30—34. Повѣствуется о двухъ слѣпцахъ; сначала оставлено двойственное число, далѣе измѣнено во множественное, а заканчивается опять двойственнымъ. Се два *слѣпца сѣдяща* при пути, *слышавша.... возописта глаголюща...* народъ запрещаше *има*, *да умолчита*; *она* же паче *вопіяста глаголюща....* и вставъ Іисусъ возгласи *я* и рече, что хощета да сотворю *вама? Глаголаста* Ему: Господи, (далѣе идетъ множественное число) да *отверзутся* очи *наша*. Милосердовавъ же Іисусъ прикоснуся очію *ихъ*: и абіе *прозрѣша очи ихъ*, (конецъ въ двойственномъ числѣ) и по Немъ *идоста*. Это мѣсто въ напрестольномъ Евангеліи читается такъ: Господи, да *отверзется* очи *наю....* прикоснуся *очію има*: и абіе *прозрѣста има очи* и по Немъ *идоста*. Въ Остромировомъ Евангеліи также вездѣ послѣдовательно стоитъ двойственное число, но есть другія особенности: вмѣсто *прещаше* сказано: *запрети*, согласно греческому аористу ἐπετίμησεν; вмѣсто *вопіяста* поставлено: *зваста* ἔκραζον. Это напоминаетъ пс. 5, 2. Глаголы моя внуши, Господи, разумѣй *званіе* мое. Въ Греческомъ: σύνες τῆς κραυγῆς μϑ. Вмѣсто *вставъ—ставъ* (στᾶς), что лучше идетъ къ положенію дѣла, ибо Спаситель шелъ, а не сидѣлъ; въ русскомъ переводѣ вѣрно сказано: *остановившись*. Вмѣсто *прозрѣста—отверзостася*. Былъ ли въ виду варіантъ греческаго текста, или поставлено такъ въ соотвѣтствіе предъидущему выраженію: *да отверзется очи наю*. Въ греческомъ: καὶ εὐθέως ἀνέβλεψαν αὐτῶν οἱ ὀφθαλμοί.

Матѳ. 7, 13 и 14. Внидите узкими враты: яко *пространная врата* и *широкій путь вводяй* въ пагубу и мнози суть *входящіи имъ*. *Что узкая врата* и *тѣсный путь* вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже *обрѣтаютъ его*.—Въ Остромировомъ Евангеліи: Внидите узкими враты: яко *пространа* врата и *широкъ* путь *вводяй* въ пагубу, и *мнози* суть *входящеи* ими. *Коль узка* врата и *тѣсенъ* путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже *и* обрѣтаютъ. Во 1) *врата* и *путь* въ обоихъ случаяхъ подлежащее (ἡ πύλη, ἡ ὁδὸς), *вводяй* въ пагубу, *вводяй* въ животъ опредѣленіе (ἡ ἀπάγουσα

въ обоихъ случаяхъ). Во 2) *пространа, широкъ, узка, тьсенъ*—сказуемыя, въ греческ. текстѣ безъ члена: πλατεῖα ἡ πύλη, καὶ εὐρύχωρος ἡ ὁδὸς ἡ ἀπάγουσα εἰς τὴν ἀπώλειαν, καὶ πολλοί εἰσιν οἱ εἰσερχόμενοι δι' αὐτῆς. Τί στενὴ ἡ πύλη, καὶ τεθλιμμένη ἡ ὁδός ἡ ἀπάγουσα εἰς τὴν ζωὴν, καὶ ὀλίγοι εἰσὶν οἱ εὑρίσκοντες αὐτήν.

Въ греческомъ языкѣ и πύλη *врата*, и ὁδὸς *путь*—женскаго рода единственнаго числа: ἡ ἀπάγουσα по формѣ можетъ относиться и къ вратамъ и къ пути, но по мѣсту и по смыслу ближе относится къ пути. Ἀπάγω значитъ *отвожу, увожу*—это дѣло пути, а врата только *вводятъ* εἰσάγει, въ славянскомъ поэтому не точно стоитъ *вводяй*. *Входящіи* по гречески: οἱ εἰσερχόμενοι относится собственно къ вратамъ; поэтому въ Остромировомъ совершенно вѣрно поставлено: *ими;* а въ позднѣйшихъ редакціяхъ это неправильно отнесено къ *пути*, ибо путь доводитъ только до воротъ, а врата вводятъ. Во второй половинѣ стиха вѣрно поставлено: *обрѣтаютъ его*. Узкій и неторный путь вѣчной жизни, чуть-чуть виднѣющійся среди широкихъ распутій міра, трудно найти; но когда онъ найденъ, то онъ самъ уже доведетъ до воротъ царствія небеснаго. Восклицательный оборотъ: *коль узка врата*, въ Остромировомъ Евангеліи выразительнѣе нежели *яко*. Однимъ словомъ это мѣсто въ древнеславянскомъ переводѣ выражено стройнѣе и картиннѣе, чѣмъ въ новѣйшихъ передѣлкахъ.

Предположительно-условная форма въ церковно-славянскомъ языкѣ составляется изъ прошедшей причастной формы и, въ видѣ вспомогательнаго глагола, изъ прошедшей формы *быхъ*, второе и третіе лице—*бы*, множественное число: *быхомъ, бысте, быша*. Господи, *аще* не *быхомъ имѣли* святыя Твоя молитвенники, и благостыню Твою милующую насъ: како *смѣли быхомъ*, Спасе, пѣти Тя, Его же славословятъ непрестанно ангели. Изъ великаго повечерія. Въ греческомъ: Κύριε, εἰ μὴ τοὺς Ἁγίους σου εἴχομεν πρεσβευτὰς, καὶ τὴν ἀγαθότητά σου συμπαθοῦσαν ἡμῖν, πῶς ἐτολμῶμεν Σωτὴρ ὑμνῆσαι σε, ὃν εὐλογοῦσιν ἀπαύστως Ἄγγελοι. Здѣсь слѣдовательно *святыя Твоя* и *благостыню Твою*—первые винительные падежи при глаголѣ *имѣли*, а *молитвенники* и *милующую*

(вѣрнѣе было бы *милующу*)—вторые винительные. *Не быхомъ имѣли, смѣли быхомъ* предположительно-условная форма перваго лица множественнаго числа. По-русски можно такъ сказать: Господи, если бы мы не имѣли святыхъ Твоихъ молитвенниками и благость Твою сострадающею намъ; то какъ осмѣлились бы мы воспѣвать Тебя, Спасе, котораго непрестанно блáгословляютъ ангелы.

Іоанна 8, 39. Аще чада Авраамля *бысте были*, дѣла Авраамля *бысте творили*.

Матѳ. 11, 21. Горе тебѣ Хоразине, горе тебѣ Виѳсаидо, яко *аще* въ Тирѣ и Сидонѣ *быша* силы *были* бывшія въ васъ, древле убо во вретищи и пепелѣ *покаялися быша*. Подобный оборотъ и ниже въ стихѣ 23.

Пс. 50, 18. Въ древнеславянской Псалтири. Яко *аще бы восхотѣлъ* жертвѣ, *далъ* убо *быхъ*. Въ старопечатной: яко аще *бы восхотѣлъ* жертвѣ, *далъ быхъ* убо. Въ новоисправленной: яко аще *бы* восхотѣлъ *еси* жертвы, *далъ быхъ* убо. Здѣсь *бы* есть второе лице отъ глагола *быхъ*, и сочетаніе *бы восхотѣлъ* уже само въ себѣ заключаетъ второе лице предположительно-условной формы; но такъ какъ слово *еси* есть 2-е лице настоящаго времени, и въ сочетаніи съ причастной формой *восхотѣлъ* (восхотѣлъ еси) составляетъ прошедшее изъявительнаго наклоненія; то приставка къ одному и тому же слову *восхотѣлъ* двухъ противорѣчивыхъ глаголовъ *бы* и *еси* для церковно-славянскаго языка положительно невозможна. Такое сочетаніе ни разу не встрѣчается въ Псалтири и Евангеліи средней ступени, не говоря уже о древнихъ; оно впервые появилось въ новоисправленныхъ Псалтири и Евангеліи, когда подлинное значеніе словъ *бы* и *еси* было забыто и эти глаголы для русскаго человѣка сдѣлались не болѣе какъ частицами. Въ новоисправленномъ Евангеліи подобный оборотъ встрѣчается нѣсколько разъ. Іоанна 11, 21. Рече же Марѳа ко Іисусу: Господи, аще *бы еси* здѣ *былъ*, не бы братъ мой умерлъ. Такой же точно оборотъ ниже въ 32 стихѣ. Лук. 19, 48. И не обрѣтаху, что *бы сотворили* ему. Это въ новоисправленномъ Евангеліи, а въ напрестольномъ: что *сотворятъ* ему (такъ же въ Маріинскомъ и Галичскомъ). Матѳ. 15, 5. Даръ, *имъ же бы*

отъ мене *пользовался еси*. Въ напрестольномъ Евангеліи: даръ *еже аще* отъ мене *пользовался еси*. Но особенно нескладна вышла поправка въ концѣ Евангелія отъ Іоанна: яже аще *бы* по единому писана *быша*, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ. Здѣсь дважды повторяется одинъ и тотъ же глаголъ—въ единственномъ числѣ *бы* и во множественномъ *быша*. Приличнѣе было бы сказать: *яже аще быша по единому писана были*, подобно выше приведенному Матѳ. 11, 21 и 23. Но тамъ говорится о давно прошедшихъ событіяхъ и въ греческомъ глаголъ стоитъ въ прошедшемъ времени, а у Іоанна предположеніе высказывается о настоящемъ для него времени и въ греческомъ глаголъ поставленъ въ настоящемъ времени. Поэтому предпочтеніе нужно отдать тексту напрестольнаго Евангелія, въ которомъ говорится: яже *аще* по единому *писана бываютъ*.

Въ склоненіи и управленіи числительныхъ именъ древнеславянскій языкъ отличался строгою послѣдовательностію, которая видна въ древнѣйшихъ спискахъ Евангелія, а начиная съ XVI вѣка болѣе или менѣе видъ числительныхъ именъ въ Евангеліи измѣнился въ направленіи къ русскому языку. Матѳ. 25, 16—21. Притча о талантахъ по Остромировому Евангелію: Шедъ же пріимый пять талантъ дѣла о нихъ и пріобрѣте *другую пять* талантъ. Такожде же и иже два, пріобрѣте *другая два*. И пріимый единъ шедъ *раскопа землю* и скры сребро господина своего. По мнозѣ же времени приде господинъ рабъ тѣхъ, и стязася о словеси съ ними. И приступль пріимый пять талантъ, принесе *другую пять талантъ*, глаголя: Господи, пять талантъ ми еси предалъ, се *другую пять талантъ* пріобрѣтохъ ими. Рече ему Господь его: добрый рабе благый и вѣрне, о малѣ бѣ вѣренъ, надъ многы тя поставлю: вниди въ радость Господа своего.—Напрестольное Евангеліе къ этомъ мѣстѣ совершенно согласно съ новоисправленнымъ. Не выписывая все подъ рядъ, приведу здѣсь только разнствующія мѣста. Шедъ пріемый пять талантъ..... сотвори *другія пять* талантъ.... пріемый же единъ шедъ вкопа его въ землю и скры сребро господина своего.—Въ упрекъ Остромирову тексту можно поставить, въ 21 стихѣ, прилагательное *добрый* вмѣсто на-

рѣчія *добрѣ*=εὖ; то же находимъ и въ Галичскомъ и Маріинскомъ спискахъ. Но за то прочія разности составляютъ по-истинѣ преимущество древнѣйшаго текста. Обращу здѣсь вниманіе на 18 стихъ: пріимый же единъ (талантъ) шедъ *вкопа его въ землю* (такъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ) и скры сребро господина своего. Два эти выраженія *вкопа его въ землю* и *скры сребро* господина своего—тождественны, выражаютъ одну и ту же мысль, и слѣдовательно одно изъ нихъ лишнее. Но здѣсь, въ первомъ выраженіи слово *его* вставлено произвольно, его нѣтъ въ греческомъ текстѣ: ὤρυξεν ἐν τῇ γῇ. Глаголъ ὀρύσσω значитъ *копаю, вырываю, вскапываю, выкапываю, просверливаю* отъ ὄρυξ—*остроконечное желѣзо, вообще остроконечное орудіе для вырѣзыванія и просверливанія*. Выраженіе ἐν τῇ γῇ *въ землѣ*, показываетъ мѣсто, гдѣ человѣкъ остріемъ выкапываетъ яму. Дѣло представляется такъ: рабъ, получившій одинъ талантъ, пошелъ, вырылъ въ землѣ яму и въ ней зарылъ деньги своего господина. Тутъ нѣтъ тождесловія; а этотъ смыслъ и выраженъ въ Остромировскомъ текстѣ: *раскопа землю и скры сребро господина своего*.

Іоан. 6, 13. Собраша и исполниша два на десяте коша укрухъ отъ *пяти хлѣбъ* ячныхъ (въ Маріинскомъ, а въ напрестольномъ и новоисправленномъ: отъ *пяти хлѣбъ* ячменныхъ. Матѳ. 17, 1. И бысть по *шести день* (въ Галич. и Маріин., а въ позднѣйшихъ редакціяхъ: и по *днехъ шестихъ*. Подобное Іоанн. 20, 26 по *осми день*—по *днехъ осмихъ*. Марк. 9, 2 и по *шести день* (въ Маріинск., а въ позднѣйшихъ: по *шести днехъ*. Матѳ. 25, 1. Тогда уподобися царствіе небесное *десяти дѣвъ* (въ древнихъ текстахъ, въ позднѣйшихъ: *десятимъ дѣвамъ*. (Слѣдов. числительныя *пять* и слѣдующіе до *десяти*, склоняются и сочиняются какъ существительныя одинаковаго съ ними окончанія). Но въ позднѣйшихъ редакціяхъ, форма по *шести днехъ* по крайней мѣрѣ русская, а формы: *пятихъ, шестихъ, десятимъ*—измышленныя по аналогіи числительныхъ множественной формы: *три, четыре*.

Составныя числительныя. Іоан. 11, 9. Въ новоисправленномъ Евангеліи: не *двана десять* ли *часовъ* во дни. Въ напре-

стольномъ: не *два* ли *на десять часа* еста во дни. Въ Остромировомъ: не *двѣ* ли *на десяте годинѣ* есте въ дни. Луки 2, 42—44. И егда бысть *двою на десяте лѣту* восходящемъ имъ во Іерусалимъ по обычаю праздника и кончавшемъ дни, возвращающемъ же ся имъ, оста Отрокъ во Іерусалимѣ: и не чу Іосифъ и Мати Его: мнивша же И въ дружинѣ суща, идоста дне путь и искаста Его въ рожденіи и въ знаніи (въ древнихъ текстахъ, такъ и въ напрестольномъ, а въ новоисправл. *двоюнадесять лѣтъ*). Лук. 3, 23. И тъ бѣ Іисусъ яко тремъ десятемъ лѣтъ (въ Галич. и Маріин., въ напрестольномъ: *лѣтомъ тридесять*, въ новоисправл. *лѣтъ тридесять*). Іоан. 2, 20. Рѣша же Іудее: *четырми десяты и шестію лѣтъ* создана бысть церкы си (такъ въ древнихъ текстахъ, а въ позднѣйшихъ: *четыредесять и шестію лѣтъ* создана бысть церковь сія). Лук. 2, 36. И та вдова до *осми десять и четыръ лѣтъ* (въ древнихъ текстахъ, а въ позднѣйшихъ: и та вдова яко лѣтъ *осмьдесять и четыре*). Слѣдов. составныя числительныя въ древнемъ языкѣ не сливались въ одну сложную форму и сочинялись согласно окончаніямъ своихъ составныхъ частей.

Опредѣленіе числительныхъ. Матѳ. 28, 16. *Едины* же *на десяте ученикъ* идоша въ Галилею въ гору, аможе повелѣ имъ Іисусъ. Слово *едины=единъ+и*, т. е. опредѣленное числительное, согласно греческому οἱ ἕνδεκα. Это опредѣленіе подобно прилагательному; но въ косвенныхъ падежахъ удерживаетъ формы неопредѣленнаго числительнаго *единъ*. Марк. 16, 14. Послѣди же возлежащемъ имъ *единому на десяте* явися (такъ во всѣхъ, древнихъ и новѣйшихъ текстахъ). Лук. 24, 33. И воставша въ тъ часъ возвратистеся во Іерусалимъ, и обрѣтоста совокупльша ся *единого на десяте* и иже бяху съ нимп. Здѣсь, согласно греческому εὗρον συνηθροισμένους τοὺς ἕνδεκα, при глаголѣ *обрѣтоста* два винительныхъ: первый—*единого на десяте*, второй—*совокупльшася* (единственнаго числа). Въ новѣйшихъ же редакціяхъ. Матѳ. 28, 16: *единіи* же *на десяте ученицы*. Лук. 24, 33. въ напрестольномъ: обрѣтоста *совокуплены единонадесяте*, а въ новоисправленномъ: *совокупленыхъ единонадесяте*. Подобное формѣ *едины на десяте* встрѣчается еще

опредѣленіе числительнаго *десять*. Матѳ. 20, 24. И слышавше, *десятии* негодоваша о *обою* брату, καὶ ἀκούσαντες οἱ δέκα ἠγανάκτησαν περὶ τῶν δύο ἀδελφῶν; такъ въ Галич. и Маріинскомъ, а въ Остромировомъ этого мѣста нѣтъ. Въ позднѣйшихъ: и слышавше *десять*. Неопредѣленное *два*, опредѣленное *оба;* поэтому *два на десяте* — неопредѣленно, *оба на десяте*—опредѣленно. Марк. 3, 14. И сотвори *два на десяте*, да будутъ съ Нимъ и да посылаетъ я проповѣдати. Матѳ. 10, 1. И призва *оба на десяте ученика своя*. Въ позднѣйшихъ текстахъ: *оба на десять ученики своя*. Матѳ. 11, 1. Егда соверши заповѣдая *обѣма на десяте ученикома своима*. Такъ во всѣхъ Евангеліяхъ, даже и въ новоисправленномъ. Матѳ. 10, 2. Обѣма на десяте ученикома имена суть се. Такъ въ Галичскомъ и Маріинскомъ, а въ позднѣйшихъ: *двана десятихъ* же *апостоловъ* имена суть сія. Видна въ древнихъ текстахъ послѣдовательность, а въ новыхъ шаткость и перемѣнчивость.

Іоанна 20, 1. По Остромирову: Въ *единый* же *суботы* Марія Магдалыни приде заутра, еще сущи тмѣ, на гробъ. Ниже 19 стихъ: сущу же поздѣ въ тъ день въ *единый суботы*. Луки 24, 1. Въ *единый* же *суботы* зѣло рано придоша жены на гробъ. Марка 16, 2. И зѣло заутра въ *единый суботы* придоша на гробъ въсіявшу солнцу. А ниже въ стихѣ 9: Воскресъ Іисусъ *въ первый суботы* явися прежде Маріи Магдалыни. Матѳ. 28, 1. Въ вечеръ суботный, свитающу *первому суботы* приде Марія Магдалыни и другая Марія видѣтъ гроба.

Въ позднѣйшихъ редакціяхъ *), въ напрестольномъ и въ новоисправленномъ Евангеліи, во всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстахъ сказано: *во едину отъ субботъ*; а Марка 16, 9. въ *первую субботу*. Слѣдовательно въ новѣйшихъ редакціяхъ числительное имя согласуется съ словомъ *суббота*. Въ греческомъ во всѣхъ мѣстахъ стоитъ числительное въ женскомъ родѣ: τῇ μίᾳ τῶν σαββάτων, между тѣмъ σάββατον суббота—средняго рода. Очевидно, числительное имя согла-

*) Въ Галичскомъ и Маріинскомъ Евангеліяхъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ числительное *первый* поставлено въ женскомъ родѣ; только Марка 16, 9, въ обоихъ Евангеліяхъ стоитъ въ *первый суботъ*.

совано съ подразумѣваемымъ словомъ ἡμέρα день; поэтому древнеславянскій текстъ правильно поставилъ числительное имя въ мужескомъ родѣ, а позднѣйшіе исправители не правы потому еще, что слово σάββατον, чаще во множественномъ числѣ σάββατα, въ Евангеліи означаетъ или собственно субботній день или цѣлую седмицу, а нарицательно отдѣльнаго дня недѣли не означаетъ. Древне-славянскій текстъ слово *суббота* принимаетъ въ смыслѣ седмицы, когда говоритъ, *первый суботы* (т. е. день), *единый* (т. е. день) *суботы* *).

Присоединю свои наблюденія надъ названіями дней недѣли. Въ Еврейскомъ языкѣ, на основаніи исторіи творенія міра, дни недѣли назывались по счету, начиная съ воскресенья, такимъ образомъ: *день одинъ* (это наше воскресенье), *день вторый*, *третій*, *четвертый*, *пятый*, *шестой*, послѣдній день *шабасъ—суббота*,—въ Еврейскомъ значитъ *отдыхъ*, *покой*. Въ арабско-мусульманскомъ языкѣ названія дней недѣльныхъ составлены также изъ числительныхъ именъ и въ томъ же порядкѣ, какъ у евреевъ: *день одинъ*, *день два* и т. д. до пятаго дня; затѣмъ шестой день вмѣсто такого названія именуется *джумага*, значитъ собраніе или сборная молитва, которая одинъ разъ въ недѣлю въ этотъ именно день и совершается. *Джумага* для магометанъ есть главный день въ недѣлѣ, но какъ бы ради неприкосновенности библейскаго преданія, послѣднимъ самымъ высшимъ по мѣсту днемъ въ недѣлѣ осталась суббота—*сябть*. Отъ арабовъ-магометанъ тѣ же названія усвоили арабы-христіане. Въ персидскомъ названія недѣльныхъ дней составляютъ буквальный переводъ съ арабскаго; персидскія названія, быть можетъ чрезъ Бухарію, перешли къ нашимъ Казанскимъ татарамъ и частію къ другимъ инородцамъ. Въ греческомъ

*) Въ Остромировомъ Евангеліи постоянно пишется *сѫбота*. Это слово сдѣлалось изъ множественнаго σάββατα, какъ русское *грамота* изъ γράμματα. Въ рукописи Соловецкой библіотеки Казанской Дух. Академіи № 615, харатейный октоихъ лист. 58, въ 4 ирмосѣ воскреснаго канона 5 гласа и въ тѣхъ же ирмосѣ и канонѣ 1-го гласа, лист. 44 на оборотѣ, имя *Аввакумъ* написано амбакꙋмъ. Двѣ *виты* разлагаются на *мб*,—*самбота*; *ам* превратилось въ ѫ—сѫбота; а такъ какъ ѫ=у, то у насъ сдѣлалось *субота*, т. о. живое народное произношеніе вѣрнѣе грамматическаго написанія, ибо одно *б* скрылось въ *у*.

языкѣ удержалась также еврейская система, только первый день недѣли называется Господнимъ ἡ Κυριακὴ, но по счету онъ занимаетъ первое мѣсто, а потому слѣдующіе за нимъ дни называются по счету: ἡ δευτέρα (собственно: *второй*, а по нашему понедѣльникъ), ἡ τρίτη (третій), ἡ τετάρτη (четвертый), и ἡ πέμπτη (пятый, это нашъ четвертокъ), затѣмъ пятница называется ἡ παρασκευὴ, а суббота σάββατον. Такимъ образомъ весь востокъ усвоилъ еврейскую систему счета и наименованія недѣльныхъ дней. На западѣ у языческихъ Римлянъ недѣльные дни назывались и считались по семи планетамъ: день Солнца (воскресенье), Луны, Марса, Меркурія, Юпитера, Венеры и Сатурна. У римскихъ христіанъ, воскресенье называется dominica; затѣмъ прочіе дни недѣли, начиная съ понедѣльника, называются: feria secunda, tertia и т. д. Все это есть буквальный переводъ съ греческаго.

Въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкѣ усматривается замѣчательная самостоятельность въ пониманіи и названіи недѣльныхъ дней. Греческій *Господній день* названъ въ церковно-славянскомъ, а также въ польскомъ и чешскомъ языкѣ, *Недѣля*; это собственно синонимъ субботы. Въ субботу Господь почилъ отъ всѣхъ дѣлъ яже сотворилъ; въ субботу евреямъ Господь запретилъ заниматься дѣлами и работами: такъ и славяне главнѣйшій и важнѣйшій день седмицы назвали *недѣланіемъ*, т. е. прекращеніемъ всѣхъ житейскихъ занятій. И какъ въ ветхомъ завѣтѣ суббота замыкала и какъ бы вѣнчала рядъ дней седмицы: такъ славяне на этомъ важнѣйшемъ, послѣднемъ мѣстѣ поставили свою христіанскую субботу—*недѣлю*, выше субботы ветхозавѣтной, и затѣмъ рядъ начали съ слѣдующаго дня. Изъ названій: *вторникъ*, *четвертокъ*, *пятница*, ясно видно, что въ церковно-славянскомъ счисленіи первое мѣсто принадлежитъ *Понедѣльнику*. Въ народномъ, или русскомъ языкѣ словомъ *недѣля* обозначается цѣлая седмица, какъ въ Евангеліи словомъ *Суббота*, а главнѣйшій день недѣли русскій народъ назвалъ *Воскресеньемъ*, выразивъ чрезъ это вѣрное и точное свое пониманіе христіанско-церковнаго значенія его въ кругу недѣльныхъ службъ. Такое удачное и без-

примѣрное названіе можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Русскіе искони усердно посѣщали церковь Божію, а когда что нибудь препятствовало имъ присутствовать при церковномъ Богослуженіи, они келейно вычитывали службы церковныя по Слѣдованной Псалтири, которая заключаетъ все необходимое для христіанина. Вся служба *недѣли* (по нашему воскреснаго дня) говоритъ о воскресеніи Христовомъ; это должно было произвести на русскую мысль болѣе сильное впечатлѣніе, нежели отдаленная и чисто книжная еврейская идея. А самое слово *воскресеніе* могло подсказываться слѣдующимъ образомъ. На утрени въ воскресномъ канонѣ въ припѣвѣ: Слава Господи, святому воскресенію Твоему, и въ крестовоскресномъ канонѣ въ припѣвѣ: Слава Господи честному кресту Твоему и воскресенію, слово *воскресеніе* повторяется *тридцать два раза*.

Самостоятельность и вѣрность сужденія нашихъ предковъ въ предметахъ религіозныхъ и богослужебныхъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ названій богослужебныхъ книгъ: *Часовникъ*, *Служебникъ*, *Требникъ*, *Молитвенникъ*, *Святцы*. Имя съ окончаніемъ *никъ* означаетъ собраніе предметовъ, а также книгу, въ которой заключаются свѣдѣнія о предметѣ, называемомъ корнемъ слова, напримѣръ: *травникъ*—собраніе травъ, или книга, въ которой описываются травы лечебныя. Къ такому отдѣлу именъ относятся: *Требникъ*—собраніе церковныхъ требъ, *Служебникъ*—собраніе службъ церковныхъ, *Молитвенникъ*—собраніе молитвъ, *Часовникъ*—собраніе часовъ. Названія: *Служебникъ* и *Требникъ* доселѣ остаются безъ перемѣны, а названія: *Молитвенникъ* и *Часовникъ* измѣнились въ *Молитвословъ* и *Часословъ*; къ нимъ присоединился *Мѣсяцесловъ*. Это, очевидно, буквальное переложеніе греческихъ словъ: Εὐχολόγιον, Ὡρολόγιον, Μηνολόγιον. Сюда относится *Аѳѳологіонъ* сіесть цвѣтословъ.

Надо замѣтить, что вторая половина въ этихъ словахъ происходитъ не отъ λόγος *слово*, но отъ λέγω въ значеніи *собирать* *); и потому *Евхологіонъ* будетъ значить: *собраніе*

*) Можно думать, что изъ этого же источника произошло *сословіе*. На утрени седмой недѣли по Пасхѣ находимъ: «канонъ святымъ отцемъ, его же краестрочіе: *Первое воспою сословіе пастырей*». Въ греческомъ: τὸν

молитвъ=молитвенникъ, *Оролоγіонъ—собраніе часовъ*=часовникъ, *Минолоγіонъ—собраніе мѣсяцевъ*, или какъ озаглавлено въ приложеніи къ церковно-богослужебному Апостолу, *Соборникъ двунадесяти мѣсяцей*; по-русски это называется *Святцы*, ибо содержитъ перечень святыхъ.—Названія *Требникъ*, *Служебникъ* потому безъ сомнѣнія удержались въ заглавіи церковныхъ книгъ, что не нашлось имъ соотвѣтствующихъ греческихъ словъ, изъ которыхъ можно бы составить: *Требословъ*, *Службословъ*. Если допустить нѣкоторое основаніе названіямъ *Часословъ* и *Мѣсяцесловъ*, то *Молитвослову* дано названіе совсѣмъ чужое. У грековъ *Евхолоγіонъ* заключаетъ Служебникъ и Требникъ вмѣстѣ. Позволю себѣ присовокупить, что нашего такъ называемаго Молитвослова нѣтъ въ числѣ церковныхъ книгъ. Въ послѣднихъ имѣются: часословъ, канонникъ, святцы; все это—части Слѣдованной Псалтири. Нашъ сокращенный молитвословъ, столь сильно распространенный вездѣ по школамъ, и не имѣетъ никакого характера церковности; это есть скорѣе христоматія новоисправленнаго церковнаго языка, въ ней собрано всего понемногу, но по ней ученики народныхъ школъ не могутъ приготовиться и прочитать въ церкви ни часовъ, ни шестопсалмія, ни даже 33-го псалма; помѣщенные здѣсь стихиры, тропари и т. п. не обозначено, на какой поются гласъ. Словомъ эта книжица придумана повидимому людьми, чуждыми православныхъ церковныхъ впечатлѣній. Полезнѣе было бы для народныхъ школъ—Псалтирь, Часословъ, если бы его частію сократить, частію дополнить, дабы ученики по нему могли вполнѣ прочитать часы и все читаемое во всенощную

πρῶτον ὑμνῶ σύλλογον τῶν ποιμένων. Многія слова въ славянскомъ языкѣ произошли путемъ буквальнаго переложенія съ греческаго, наприм., συγκατάβασις *снисхожденіе*, εὐσπλαγχνία *благоутробіе*, εὐλογέω *благословляю*, εὐχαριστέω *благодарю*, ἀδελφόκτονος *братоубійственный*, χειράγω *руковожу*, κακοῦργος *злодѣй*, φθοροποιὸς *тлетворный*, ζωοποιὸς *животворный*, ἀχειροποιὸς *нерукотворенный*, ἐνωτίζω *внушить* (ἐς ὠτὸς *ухо*), ὀκλοπρεπῶς *раболѣпно*, ὅλως *весьма*. Октоиха, воскр. служба 1-го гласа, канона крестовоскреснаго 6-й пѣсни тропарь 1-й. Умъ сый безстрастенъ, сказано. «и всему мнѣ непреложенъ *весьма* соединися, да спасеніе всему мнѣ падшему подастъ распинаемъ». καὶ ὅλῳ μοι ἀτρέπτως ὅλως ἥνωται, ἵνα σωτηρίαν ὅλῳ μοι τῷ πέσοντι ὀρέξῃ σταυρούμενος.

и во время литургіи, и сокращенный Октоихъ, который бы заключалъ только воскресныя службы, да и изъ нихъ только то, что обыкновенно читается въ приходскихъ церквахъ за всенощной и литургіей. *)

Укажу слѣды, въ новоисправленномъ Новомъ Завѣтѣ, древне-славянскаго перевода. Іоанна 20, 30. Яже не суть писана *въ книгахъ сихъ*—ἃ οὐκ ἔστι γεγραμμένα ἐν τῷ βιβλίῳ τούτῳ. Въ посланіи къ Галатамъ 6, 11. Видите, колицѣми *книгами* писахъ вамъ рукою моею, ἴδετε πηλίκοις ὑμῖν γράμμασιν ἔγραψα τῇ ἐμῇ χειρί. Γράμματα—litterae одно письмо; т. е. смотрите, какое обширное письмо написалъ я вамъ своею рукою. Филип. 4, 3. Съ Климентомъ и съ прочими споспѣшниками моими, ихъ же имена *въ книгахъ* животныхъ. Въ греческомъ: ἐν βίβλῳ ζωῆς. Апок. 3, 5. Не имамъ отмыти имене его *отъ книгъ животныхъ*; ἐκ τῆς βίβλου τῆς ζωῆς. Апок. 13, 8. Имже не написана суть имена *въ книгахъ животныхъ* Агнца заколенаго отъ сложенія міра. ἐν τῇ βίβλῳ τῆς ζωῆς τοῦ ἀρνίου. Апок. 21, 27. Но токмо написанныя *въ книгахъ животныхъ* Агнца. ἐν τῷ βιβλίῳ τῆς ζωῆς τοῦ ἀρνίου. Здѣсь по гречески вездѣ стоитъ слово въ единственномъ числѣ. Въ древнеславянскомъ языкѣ, какъ видно изъ Остромирова Евангелія, слово *книгы* имѣло и для единственнаго числа форму множественнаго, напримѣръ: Матѳ. 1, 1. *Книгы* рожьства (βίβλος γενέσεως) Іисусъ Христова. Луки 4, 16 и 20. И приде въ Назаретъ, въ немъже бѣ воспитанъ: и вниде по обычаю своему въ день суботьный въ сборище и воста чистъ (читать, родъ супина). И вдашя Ему *книгы* (βιβλίον) Исаіи пророка: и разгнувъ *книгы*, обрѣте мѣсто, идѣже бѣ написано: Духъ Господень на Мнѣ, его же ради помаза Мя, благовѣститъ (супинъ) нищимъ посла Мя и исцѣлитъ сокрушеныя сердцемъ: проповѣдати плѣньникомъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе: отпустити сокрушеныя въ отраду: проповѣдати лѣто Господне пріятно. И согнувъ *книгы*, вдавъ слузѣ, сѣде: и всѣмъ въ сборищи очи бѣаста зрящи нань.—Слово *книгы* употреблялось и въ смыслѣ *писаніе* γραφή, γραφαί, γράμματα.

---

*) Учебные Часословъ и Октоихъ для начальныхъ сельскихъ училищъ, теперь уже существуютъ въ печати.

Іоанна 7, 38 и 42. Вѣруяй въ Мя, якоже *книгы* рекоша, рѣкы отъ чрева Его истекутъ воды живы.—Не *книгы* ли рекоша, яко отъ сѣмене Давидова и отъ Виѳлеемскаго градца, идѣже бѣ Давидъ, придетъ Христосъ? Здѣсь въ обоихъ стихахъ по гречески стоитъ: ἡ γραφὴ; въ позднѣйшихъ редакціяхъ Евангелія *писаніе*. Іоанна 7, 15. И дивляхуся Іудее глаголюще: како сей *книги* (γράμματα) вѣсть не учився? Въ Остромировомъ: како убо сь умѣетъ *книгы* не учився? Это очевидно остатокъ древнѣйшей редакціи, къ которой относятся слѣдующія наприм. мѣста, уже измѣненныя при позднѣйшихъ исправленіяхъ. Іоанна 5, 39. По Остромирову: Испытайте *книгы* (ἐρευνᾶτε τὰς γραφὰς), яко вы мните въ нихъ имѣти живота вѣчнаго. *Тамъ* же ст. 47: Аще ли того *книгамъ* (τοῖς ἐκείνου γράμμασιν) вѣры не емлете, како моимъ глаголомъ вѣру имете? Въ обоихъ этихъ стихахъ, въ позднѣйшихъ редакціяхъ стоитъ слово: *писанія*.

2 Коринѳ. 6, 16. Вы есте *церкви* Бога жива. Въ греческомъ: ὑμεῖς γὰρ ναὸς θεοῦ ἐστε ζῶντος. Такое же по гречески выраженіе 1 Коринѳ. 3, 16. Не вѣсте ли, яко *храмъ* Божій есте? Здѣсь слово *церкви*=древнеславянск. *церкы*, а въ старопечатномъ неправильно измѣнено въ *церкви*. Іоан. 2, 20 въ Остромировомъ: Создана бысть *церкы си*, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ: *церковь сія*, т. е. вмѣсто именительнаго падежа поставленъ винительный, какъ теперь въ русскомъ.

Іоанна 17, 9. Азъ о сихъ молю, не *о всемъ мірѣ* молю, но о тѣхъ, ихже далъ еси Мнѣ, яко Твои суть. Въ греческомъ: ἐγὼ περὶ αὐτῶν ἐρωτῶ, οὐ περὶ τοῦ κόσμου ἐρωτῶ. Іоан. 21, 25. Ни самому *мню всему міру* вмѣстити пишемыхъ книгъ. Въ греческомъ: οὐδὲ αὐτὸν οἶμαι τὸν κόσμον χωρῆσαι τὰ γραφόμενα βιβλία. Въ томъ и другомъ случаѣ слово *весь* есть не болѣе, какъ приставка къ слову *міръ*, для означенія вселенной; по словамъ одного глубокаго знатока славянскихъ нарѣчій (М. П. П.), сочетаніе *весь міръ* и теперь еще употребляется въ нѣкоторыхъ живыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Іоан. 18, 36. Въ Остромировомъ Евангеліи: Отвѣща Іисусъ: царьство мое нѣсть отъ міра сего: аще отъ міра сего бы было царьство мое, *слугы моа* убо *подвизалыся* быша, да не преданъ быхъ былъ іудеомъ. Такъ и въ Галичскомъ

и въ Маріинскомъ.—Здѣсь причастіе *подвизалыся* поставлено въ женскомъ родѣ множественнаго числа; согласовано оно съ именемъ *слуги*, какъ и мѣстоименіе притяжательное мож. а имя *слуги* принято въ женскомъ родѣ по окончанію своему. Луки 10, 13. Горе тебѣ Хоразинъ, горе тебѣ Видьсаида; яко аще въ Тирѣ и Сидонѣ быша силы былы бывшаа въ ваю, древле убо въ врѣтищти и попелѣ сѣдяште покаалися быша. Подобное Матѳ. 11, 21 и 23. Эта форма женскаго рода *былы*, *пребылы* находится въ Евангеліяхъ Галичскомъ и Маріинскомъ, а въ Остромировомъ этихъ стиховъ вовсе нѣтъ. Эти примѣры женскаго рода множественнаго числа для спрягаемаго причастія напоминаютъ намъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ спрягаемое причастіе измѣнялось совершенно одинаково съ именемъ и неопредѣленнымъ (усѣченнымъ) прилагательнымъ. Наприм. причастіе *былъ* имѣло во множественномъ числѣ муж. *были*, средняго *была*, женскаго рода *былы* *). Русскій языкъ, вопреки имени и прилагательному, удержалъ во множественномъ числѣ спрягаемаго причастія правильную, древнеславянскую форму именительнаго падежа мужескаго рода, распространивъ ее на средній и женскій родъ. Позднѣйшія редакціи Евангелія излагаютъ эти стихи почти такъ же, но разсматриваемая форма подобна русской формѣ: слуги мои убо подвизалися быша. Аще... быша силы были...

Іоан. 19, 3. Въ новоисправленномъ .Евангеліи: И глаголаху: радуйся, царю Іудейскій: и біяху Его по *ланитома*. Такъ и въ напрестольномъ Евангеліи. Буква *о* въ дательномъ множественнаго и двойственнаго числа характеризуетъ имена мужескаго рода, а именамъ женскаго рода свойственна буква *а*. Въ Остромировомъ Евангеліи правильно: по *ланитама*.

Закончу выписки мѣстъ изъ различныхъ редакцій Евангелія приведеніемъ еще двухъ только характерныхъ мѣстъ изъ новоисправленнаго Евангелія.

---

*) Грамматика церковно славянскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Составлена А. Х. Востоковымъ. 1863 г. стр. 88.

Іоанна 8, 14. Отвѣща Іисусъ и рече имъ: аще Азъ свидѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое: яко вѣмъ, откуду пріидохъ и камо иду: вы же не вѣсте, откуду прихожду и камо гряду. Слово *гряду* значитъ иду сюда, какъ греческое ἔρχομαι, и латинское venio. Поэтому въ концѣ приведеннаго стиха выраженіе: *откуду прихожду и камо гряду*, слова *прихожду* и *гряду*, какъ синонимическія, по смыслу тождественныя, представляютъ явную несообразность. Такъ однако стоитъ и въ напрестольномъ Евангеліи, а въ Остромировомъ читаемъ: отвѣща Іисусъ и рече имъ, аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ Самомъ, свидѣтельство Мое истинно есть: яко вѣмъ, *откуду придохъ*, и *камо иду:* вы же не вѣсте, *откуду гряду* и *камо иду*. Какъ въ языкахъ классическихъ и европейскихъ имѣются самостоятельные глаголы, обозначающіе направленіе—*идти туда* или *сюда*, напримѣръ по гречески πορεύομαι—ἔρχομαι, по латыни vado—venio, по французски aller—venir, по нѣмецки gehen—kommen: такъ и въ древнеславянскомъ языкѣ различіе это выражалось самостоятельными глаголами—*иду* и *гряду*. Слово *гряду* въ русскомъ языкѣ давно уже изчезло и осталось одно слово *иду*, которое для опредѣленія направленія принимаетъ предлоги или нарѣчія. Что касается до глагола *прихожду*, то въ славянскомъ языкѣ онъ имѣетъ то же значеніе, какъ и глаголъ *хожу*, т. е. означаетъ дѣйствіе повторяющееся. Такъ напримѣръ Іоанна 5, 7. О 38-лѣтнемъ разслабленномъ. Отвѣща Ему недужный... егда же *прихожду* азъ, инъ прежде мене слазитъ. Здѣсь поставлено *прихожду* для выраженія, что это дѣйствіе многократно повторялось въ продолженіи тридцати осьми лѣтъ. Изъ этого можно заключить, что слово *прихожду* въ позднѣйшихъ редакціяхъ 14 стиха 8 главы Іоанна неумѣстно. Здѣсь опять можно припомнить, что уже выше я сказалъ, что русскій языкъ въ образованіи оконченнаго и неоконченнаго вида глаголовъ совершенно отошелъ отъ древне-славянскаго языка.

Іоанна 18, 1. И сія рекъ Іисусъ, изыде со ученики Своими на онъ полъ потока Кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, *въ оньже* вниде Самъ и ученицы Его. Такая орѳографія *въ оньже*, *въ онь* получила право гражданства во всѣхъ изда-

ніяхъ священныхъ и церковныхъ книгъ, по явному недоразумѣнію. *Въ онь* разлагается такимъ образомъ: *во*—предлогъ, *н* изображаетъ тотъ самый вставочный звукъ, который присоединяется къ мѣстоименію *онъ* послѣ предлога; отъ мѣстоименія осталась только буква *ь*—сокращеніе *и*, винительный падежъ. Слѣдовательно надо писать не *въ онь*, а *во нь*; въ Елизаветинской Библіи пишется *вонь* такъ же, какъ *нань*.

Приступлю теперь къ заключительнымъ выводамъ.

Три ступени церковно-славянскаго текста Псалтири и Евангелія представляютъ несомнѣнно одинъ и тотъ же переводъ, но только съ своими каждый чертами и особенностями по языку. Древнѣйшій текстъ, сохранившійся въ памятникахъ XI—XIII столѣтій, отличается грамматическою послѣдовательностію славянскаго языка, достаточной свободой и самостоятельностію въ отношеніи греческихъ словъ и оборотовъ: переводъ очевидно старался передать смыслъ греческаго подлинника не по буквѣ, а по духу, вѣрно, но въ тоже время не рабски и буквально, а соблюдая законы и формы славянской рѣчи. Средній текстъ, составившійся главнымъ образомъ въ Московскій періодъ, преслѣдуетъ, какъ нарушенія и неправильности, и старается истребить всѣ отступленія древняго перевода отъ буквальнаго и формальнаго склада греческаго текста. Эта работа производилась учеными греками, начиная съ преподобнаго Максима, слѣдовательно задолго до Патріарховъ, и кончая исправленіемъ книгъ, произведеннымъ при Патріархѣ Никонѣ. Новѣйшее исправленіе, начатое по повелѣнію Императора Петра Перваго и оконченное при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ изданіемъ полной Библіи въ 1751 году, принявъ за основаніе Московское изданіе Библіи 1663 года, старалось направить формы и обороты языка къ русской рѣчи. Мое личное впечатлѣніе относительно Елизаветинской Библіи подтверждается слѣдующимъ отзывомъ о ней Академика Сухомлинова: «Она представляетъ послѣднюю редакцію славянскаго перевода библейскихъ книгъ, въ которой церковно-славянскій языкъ является въ самомъ позднемъ его періодѣ, когда всего ярче обозначилось вліяніе на него языка русскаго». Такимъ образомъ,

древняя ступень церковно-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія отличается чистотою и самостоятельностію славянскаго языка безъ ущерба, какъ смѣю думать, смысла и сущности дѣла; средняя ступень можетъ быть названа огреченіемъ, а новѣйшая ступень—обрусѣніемъ славянскаго перевода. Хотя наше напрестольное Евангеліе и старопечатная Псалтирь стоятъ между древнѣйшимъ переводомъ и новоисправленной редакціей, но впрочемъ они гораздо ближе къ послѣдней, нежели къ первому.

Теперь возникаетъ вопросъ относительно древнѣйшаго славянскаго перевода: откуда взялся этотъ переводъ и въ какое время онъ сдѣланъ?

Въ предисловіи къ изданію Библіи 1751 года излагается какъ бы исторія церковно-славянскаго перевода. Сначала приводятся слова Константина Острожскаго, изъ предисловія къ его изданію Библіи: «Отъ благочестиваго и въ православіи изрядно сіятельнаго Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Московскаго... Богоизбраннымъ мужемъ Михаиломъ Горабурдою, писаремъ великаго княжества Литовскаго, съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошенную, сподобихомся пріяти совершенную Вивлію съ греческаго языка множае пятисотъ лѣтъ на славенскій преведенную, еще при великомъ Владимірѣ, крестившемъ землю русскую».—«Отъ сихъ вкратцѣ Острожскимъ княземъ реченныхъ (продолжаютъ составители предисловія уже отъ себя) мощно видѣти, яко славенскій священныя Библіи съ греческаго языка преводъ начало свое имѣетъ еще отъ самаго великаго князя Владиміра святаго: который преводъ аще бы нынѣ былъ, съ его самаго о немъ разсуждати, каковъ былъ, безъ прекословія лучше было бы. Но толикое сокровище около 580 лѣтъ убереженое, по толикихъ лѣтѣхъ, увы гибели невозвратныя! потеряно.

Изъ этого, безъ сомнѣнія, мѣста на страницѣ III введенія въ Описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки. Отдѣлъ первый. Священное писаніе.—выведено такое заключеніе. «Еще въ прошедшемъ столѣтіи, когда занимались пересмотромъ и исправленіемъ славянской Библіи, признано было, что первоначальный переводъ священныхъ книгъ, совершенный трудами свят. Кирилла и

Меѳодія, утраченъ». Такое заключеніе напрасно. Издатели Елизаветинской Библіи, какъ мы видѣли выше, основались на словахъ Константина Острожскаго, не подвергнувъ ихъ провѣркѣ; о переводѣ св. Кирилла и Меѳодія и помину нѣтъ; переводъ возводится ко временамъ великаго Владиміра, крестившаго землю русскую. Представляется при Святомъ Владимірѣ уже переведенною полная Библія; только въ словахъ Константина Острожскаго не выяснено, самый-то списокъ совершенной Виблін, доставленный ему отъ Царя Ивана Васильевича, современенъ ли Владиміру Святому или позднѣе, но только точный и исправный. А издатели 1751 года прямо называютъ его «сокровищемъ убереженнымъ около 580 лѣтъ (т. е. до 1581 года, въ которомъ напечатана Острожская Библія), и жалѣютъ о невозвратной гибели этого списка. Ученые описатели славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки заявляютъ, что сличеніе Острожской Библіи съ полными списками Библіи показало, что посланный Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Константину Острожскому списокъ былъ одинаковъ съ тремя сохранившимися въ Синодальной библіотекѣ; а эти списки написаны: одинъ въ 1499 году, другой въ 1558 году, третій въ XVI столѣтіи безъ означенія года. Отсюда видно, что исправители Библіи XVIII ст., при всей ихъ классической и богословской учености, были слабы и неопытны въ филологіи славянской.

Не только князь Константинъ Острожскій, но и издатели Библіи 1751 года не вспомнили о первыхъ просвѣтителяхъ славянскаго рода, преподобныхъ Кириллѣ и Меѳодіи, которые, по сказанію современныхъ жизнеописателей, перевели всѣ книги Священнаго Писанія кромѣ Маккавейскихъ; а что они перевели Псалтирь и Евангеліе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, судя по важности и необходимости этихъ книгъ въ православномъ Богослуженіи. Личность великаго князя Владиміра, даже въ язычествѣ своемъ любимаго героя народныхъ сказаній, а еще болѣе ознаменовавшагося крещеніемъ земли русской,—эта великая и святая личность какъ будто заслонила собою даже славянскихъ апостоловъ: не даромъ издатели Библіи Острожской и Ели-

заветинской отнесли ко времени святаго Владиміра первоначальный переводъ славянской Библіи.

Возвращаюсь къ своему вопросу о происхожденіи существующаго церковно-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія, измѣняя его въ слѣдующій: нельзя ли приписать славянскимъ первоучителямъ преп. Кириллу и Меѳодію ту древнѣйшую редакцію славянскаго перевода Псалтири и Евангелія, какая сохранилася въ рукописяхъ XI—XIII вѣковъ? Мнѣ кажется, что по всей справедливости можно. Покойные А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ на страницѣ V выше помянутаго введенія говорятъ: «Книга псалмовъ несомнѣнно дошла до насъ въ древнѣйшемъ переводѣ», а на страницѣ 62 того же тома «Описанія». Томъ I. О переводѣ псалмовъ въ рукописяхъ полной Библіи они говорятъ: «Переводъ весьма древній, какъ это съ перваго взгляда показываютъ уцѣлѣвшія и въ сихъ недревнихъ спискахъ грамматическія формы, слова и частію правописаніе». Затѣмъ (стран. 63) они дѣлаютъ о немъ такой отзывъ: «Этотъ древній текстъ чистъ, ясенъ, вѣренъ греческому подлиннику, хотя не рабски ему слѣдуетъ; по-мѣстамъ допускается нѣкоторая свобода въ переводѣ для ясности или сообразности съ славянскою рѣчью. Исправленія его въ спискахъ № 1—3 (т. е. XVI вѣка) большею частію показываютъ желаніе сгладить таковыя отступленія отъ греческой буквы».

Относительно славянскаго перевода Евангелія тѣ же ученые изслѣдователи на IX и X страницахъ своего введенія говорятъ слѣдующее: «Для того, чтобы сравненіе списковъ (Евангелія и Апостола) между собою могло опираться на болѣе прочномъ основаніи, надлежало поставить во главу сравниваемыхъ списковъ такіе, которые находились бы въ возможной близости къ первоначальному тексту на славянскомъ языкѣ. Такимъ спискомъ для Евангелія принятъ Остромировъ, хотя и не полный: потому что расположенъ по чтеніямъ церковнымъ, которыя, послѣ Пятидесятницы, полагаются въ немъ только на дни субботніе и воскресные». Если далѣе и сказано, что «сличеніе Синодальныхъ списковъ Евангелія съ Остромировымъ, и между собою, открыло значительныя между ними разности», то эти разности въ

текстѣ произошли, по словамъ тѣхъ же изслѣдователей,— «нѣкоторыя отъ разныхъ чтеній греческихъ, иныя отъ замѣны однихъ словъ другими въ намѣреніи сдѣлать священный текстъ болѣе яснымъ и вразумительнымъ, другія наконецъ отъ смѣшенія и ошибокъ переписчиковъ». Если исключить послѣднія, которыя вообще легко узнаются и исправляются чрезъ сравненіе славянскихъ списковъ между собою и съ греческимъ подлинникомъ; то прочихъ разностей останется такъ сравнительно мало, что они нисколько не помѣшаютъ видѣть во всѣхъ древнихъ спискахъ Евангелія одинъ переводъ. Во всякомъ случаѣ по всѣмъ признакамъ орѳографическимъ и грамматическимъ Остромирово Евангеліе несомнѣнно носитъ печать почти кореннаго родоначальника славянскаго языка и всѣхъ славянскихъ нарѣчій; особенно замѣчательны и драгоцѣнны его *юсы*, которые ставятъ его въ связи и на ряду съ языками классическими и въ средоточіи славянскихъ нарѣчій.

Могъ ли языкъ современный преп. Кириллу и Меѳодію имѣть болѣе древній видъ? Съ другой стороны могъ ли безслѣдно пропасть великій трудъ незабвенныхъ «учителей словенскому языку». Преп. Кириллъ и Меѳодій совершили свой переводъ къ концу IX столѣтія, Остромирово Евангеліе написано въ половинѣ XI вѣка: разстояніе времени—съ небольшимъ полтораста лѣтъ. Надо припомнить, какъ чтили въ Болгаріи св. братьевъ: если дѣло ихъ въ Паннонiи было пріостановлено, а впослѣдствіи, быть можетъ, и уничтожено завистью и нетерпимостью нѣмецкаго духовенства; то въ Болгаріи, какъ драгоцѣнность, должны были сохраняться священные и богослужебные переводы преп. Кирилла и Меѳодія. Сочиненія классическихъ авторовъ, греческихъ и латинскихъ, напечатаны, вѣроятно, съ очень позднихъ рукописей, но всѣ не обинуясь и не ошибаясь вѣрятъ ихъ подлинности по сочиненію и языку. Критика владѣетъ чутьемъ своего рода—распознавать подлинное отъ поддѣльнаго, не смотря на множество разностей и погрѣшностей, какія безъ сомнѣнія находились въ разныхъ спискахъ классическихъ писателей. И греческій текстъ Новаго Завѣта и всей Библіи принятъ церковью и наукой, напечатанный по спискамъ

сравнительно позднимъ, и въ разныхъ изданіяхъ и авторитетныхъ рукописяхъ представляетъ тоже нѣкоторыя разности; но это не мѣшаетъ признать его подлинность. Почему жѐ мы усомнились бы признать, напримѣръ, текстъ Остромирова Евангелія за переводъ самихъ Кирилла и Меѳодія, когда и по времени они не далеко отстоятъ другъ отъ друга, и по грамматическимъ формамъ, складу и орѳографіи Остромировскій текстъ отзывается глубокою древностію?

Кромѣ голословнаго извѣстія современниковъ и жизнеописателей пр. Кирилла и Меѳодія о переводѣ ими почти всѣхъ священныхъ книгъ, ни отъ самихъ, ни отъ современныхъ и вообще близкихъ по времени къ нимъ лицъ не осталось какихъ-либо подробныхъ указаній о переводѣ, о способѣ и характерѣ перевода, или отрывковъ его. Но мнѣ представляется важнымъ и интереснымъ взглядъ почти современнаго Кириллу и Меѳодію славянскаго переводчика Іоанна экзарха Болгарскаго, изложенный имъ въ предисловіи къ Шестодневу (Іоаннъ экзархъ Болг. Калайдовича. 131).

«Да никакоже, братья, не зазирайте, говоритъ Іоаннъ, аще къде обрящете неистый глаголъ, небонъ (=ибо) разумъ ему есть положенъ тождемощьнъ, сице бо и Діонисій святый глаголетъ, рекый: есть неплодьно, мню якоже и криво, иже не силѣ и разуму внимати, но глаголомъ. И се нѣсть свое, еже божествьная хотятъ розумѣти, но иже гласы нагыи вницаютъ, и сія даже до слуху не минююща, вънѣ сдерьжимы, и не хотящимъ вѣдѣти, что съ глаголъ назнаменуетъ, како ли сподоба и инѣми тождемогущиими глаголъми и являющимъ сказати? прилежащемъ же къ стухіямъ и къ письменьмъ неразумныимъ и съкладомъ и глаголомъ невѣдомымъ, неминующемъ внушеный разумъ, но внѣ о устьнахъ и о слусѣхъ имъ шумящемъ: яко нѣсть подоба четверьнуму чисмени (=числу) дъвашьды дъвое вѣщатися или другое чьто, еже многами частьми словеси тоже являющемъ.

Молю же вы, почитающая книгы сия, молити Бога за мя грѣшьника съ добромысльемъ, и вънимания почитания творити, и пращати мя, идежде мняще мя различь глаголы преложьша: не бо равьнѣ ся можетъ присно полагати

елиньскъ языкъ въ инъ прѣлагаемъ, и всякому языку въ инъ прѣлагаему тожде бываетъ. Небонъ иже глаголъ въ иномъ языцѣ красьнъ, то въ друзѣмъ некрасьнъ; иже въ иномъ страшьнъ, то въ друзѣмъ нестрашьнъ; иже въ иномъ честьнъ, то въ друзѣмъ нечестьнъ. И еже имя мужьско, то въ иномъ женьско, якоже се гречьскы: ватрахос и потамосъ, словѣньскы: жаба и рѣка; и пакы: таласа, имера, анатоли гречьскы женьская имена, а словѣньскы мужьская: море, день, въстокъ; и пакы глаголемъ елинскы: панъта та езни, а словѣньскы: вси языци. Не бо есть льзѣ весьде съмотрити елиньска глагола, но разума нуждя блюсти; придетъ бо другоици мужьско имя гречьскы, а словѣньскы женьско, да прѣложьше мужьскомъ именьмъ, якоже лежитъ гречьскы, на велику исказу придетъ прѣложенье. Мало же сицѣхъ глаголъ обрѣтается, обаченъ суть. Да мы и другоици оставльше истовое слово, разумъ истовый тождемогущъ положихомъ: небонъ (=ибо) разума ради прѣлагаемъ книгы сия, а не точью глаголъ истовыихъ радьма, хотяще милость прияти отъ Господа нашего Іисуса Христа, ему же слава, честь съ безначальныимъ Отцемъ и Пресвятыимъ Духомъ, и ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь».

Эти знаменитыя слова Іоанна экзарха Болгарскаго, излагающія его переводную методу, можно по-русски приблизительно передать слѣдующимъ образомъ:

Отнюдь, братья, не зазирайте, если гдѣ найдете отдѣльное слово не точное, за то смыслъ его положенъ равносильный. Такъ и св. Діонисій говоритъ: безплодно, а даже, думаю, и криво,—обращать все вниманіе не на силу и смыслъ, но на отдѣльныя слова. Это свойственно не тѣмъ, которые хотятъ уразумѣть Божественное писаніе, а тѣмъ, которые все вниманіе устремляютъ на голые звуки, и притомъ даже и до слуха не проходящіе, а остающіеся во внѣ. Они не хотятъ знать, что означаетъ данное слово, или какъ его можно передать другими равносильными и объясняющими словами. Они заботятся только о буквахъ и начертаніяхъ безъ значенія, о невѣдомыхъ складахъ и реченіяхъ, которые не проходятъ въ слухъ и умъ, а шумятъ въ воздухѣ около ихъ рта и ушей. Какъ будто число *четыре* нельзя

выразить словами *дважды-два*, или иначе какъ-нибудь, ибо рѣчь можетъ одно и тоже выразить разными способами.

И такъ, прошу васъ, читающихъ эту книгу, благожелательно молиться Богу за меня грѣшника, читать со вниманіемъ и прощать меня, гдѣ представится вамъ, что я переложилъ разными словами; ибо греческій языкъ при переводѣ на другой языкъ не всегда можетъ буквально выражаться, что бываетъ и со всякимъ языкомъ при переложеніи на другой. Иное слово въ одномъ языкѣ красиво, а въ другомъ не красиво; иное въ одномъ страшно, а въ другомъ не страшно; иное въ одномъ почтенно, а въ другомъ не почтенно. Иное имя въ одномъ языкѣ мужескаго рода, а въ другомъ женскаго; напримѣръ, по гречески: *ватрахосъ* и *потамосъ*, а по славянски: *жаба* и *рѣка;* опять: *таласа*, *имера*, *анатоли* въ греческомъ женскаго рода, а въ славянскомъ мужескаго: *море, день*, *востокъ*; и еще, по гречески мы говоримъ: *панта та эѳни*, а по славянски—*вси языци*. Итакъ нельзя вездѣ смотрѣть на отдѣльныя греческія слова, а нужно соблюдать смыслъ. Иногда встрѣтится по гречески имя мужескаго рода, а по славянски женскаго: если перевести въ мужескомъ родѣ, какъ стоитъ по гречески, то переводъ придетъ въ большое искаженіе. Правда, такихъ словъ находится мало, но все же они есть. Посему мы иногда, оставивши истовое слово, положили истовый равносильный смыслъ. Ибо мы перелагаемъ эту книгу ради смысла, а не ради только истовыхъ словъ, желая получить милость отъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и честь со безначальнымъ Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Словомъ, Іоаннъ экзархъ Болгарскій настаиваетъ на переводѣ по смыслу, а не по буквѣ (иначе де можетъ прійти великое искаженіе смыслу подлинника). Это замѣчаніе древне-славянскаго переводчика весьма сочувственно и понятно для переводчиковъ Казанскаго Братства Святителя Гурія. Тѣ же самыя основныя понятія изложены въ Высочайше утвержденныхъ въ 1868 году правилахъ объ изданіи православныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ, предписанныхъ въ руководство Братству.

Ожидавшіяся Іоанномъ Болгарскимъ возраженія соотечественниковъ противъ его отступленій отъ греческаго текста я представляю себѣ примѣнительно къ здѣшнему положенію вещей.

Въ Казанскомъ краѣ есть мѣста, гдѣ живутъ въ близкомъ между собою сосѣдствѣ разноплеменные инородцы: татары съ чувашами, татары съ черемисами, татары съ вотяками. Въ такихъ мѣстахъ инородцы легко и хорошо усваиваютъ языкъ сосѣдей, особенно чуваши, вотяки и черемисы усваиваютъ татарскій языкъ какъ родной. И такъ какъ самые языки инородческіе, по значенію своихъ формъ, по управленію и расположенію словъ, вообще по построенію рѣчи, весьма сходны между собою, съ другой стороны бытъ и понятія здѣшнихъ инородцевъ вообще почти одинаковы; то замѣчается такое общее явленіе, что чувашинъ или вотякъ, или черемисинъ точь-въ-точь сопоставляетъ свой языкъ съ татарскимъ, т. е. каждому своему слову считаетъ соотвѣтствующимъ одно опредѣленное слово татарское, каждому падежу или времени и обороту считаетъ соотвѣтствующимъ именно такой, а не другой, падежъ или форму или оборотъ. И дайте одинъ татарскій отрывокъ прочитать и переложить нѣсколькимъ такого рода, напримѣръ, вотякамъ, они всѣ переложатъ механически и одинаково. Въ такомъ видѣ я представляю себѣ и положеніе славянъ въ Греческой имперіи во времена Іоанна Болгарскаго: живя вмѣстѣ съ греками, славяне должны были владѣть практически греческимъ языкомъ, а такъ какъ славянскій языкъ относится къ одной съ греческимъ группѣ—индо-европейскихъ языковъ, то я и думаю, что славяне, подобно здѣшнимъ инородцамъ, пригоняли свой языкъ къ греческому слово въ слово, падежъ въ падежъ и т. д.

Такъ вели дѣло, разумѣется, люди простые, въ простой, обыденной рѣчи; и грамотные и даже отчасти образованные славяне, обучаясь по греческимъ книгамъ за неимѣніемъ своихъ, также привыкали механично и буквально, всегда однообразно, перелагать греческіе слова и обороты на славянскій языкъ. Но въ твореніяхъ богословскихъ, научныхъ и литературныхъ изложеніе далеко выходило за уровень обы-

денной рѣчи, и ходъ и оттѣнки мыслей не исчерпывались элементарными, однообразно-формальными пріемами размышленія. Мужи, обладавшіе, подобно Іоанну экзарху Болгарскому, высокимъ научнымъ и богословскимъ образованіемъ, понимали самыя сложныя и трудныя мѣста священныхъ и свѣтскихъ твореній во всей глубинѣ и тонкости, непосредственно, живо и ясно представляли себѣ изложенныя по гречески мысли или событія. И поелику они вполнѣ владѣли славянскимъ языкомъ какъ роднымъ, то ясно и глубоко понимаемые ими греческіе тексты свободно и рельефно отливались въ формы славянскаго языка. Отсюда естественно должна была происходить свобода и самостоятельность въ переводѣ съ греческаго языка на славянскій у такихъ ученыхъ и образованныхъ переводчиковъ, какъ Іоаннъ Болгарскій.

Считаю правильнымъ распространить переводческія воззрѣнія Іоанна Болгарскаго на преподобныхъ Кирилла и Меѳодія. Они были почти современники, по крайней мѣрѣ въ одну и ту же эпоху византійской образованности. Преподобный Кириллъ, прозванный философомъ, былъ безъ сомнѣнія не менѣе образованъ и ученъ, чѣмъ Іоаннъ экзархъ Болгарскій. Слѣдовательно тѣ разумныя мысли, какими руководствовался въ своихъ переводческихъ трудахъ Іоаннъ экзархъ Болгарскій, не могли быть недоступными и неизвѣстными для преподобнаго Кирилла. Съ другой стороны мнѣ по опыту извѣстно, что когда переводъ дѣлается предъ глазами иородцевъ, при постоянномъ ихъ содѣйствіи и вниманіи, при живомъ представленіи крайней необходимости для нихъ этого перевода, а также мѣры и особенности ихъ пониманія и развитія; тогда переводъ, какъ бы естественно, выходитъ практичнѣе, примѣнимѣе, живѣе и толковѣе. Полагаю, что преподобные Кириллъ и Меѳодій должны были болѣе вдохновляться въ переводномъ дѣлѣ въ Панноніи, перелагая самыя потребныя и жизненныя религіозныя и богослужебныя книги, и окруженные славянами, жадно принимавшими отъ нихъ духовное христіанское просвѣщеніе,—должны были, говорю, вдохновляться несравненно болѣе, чѣмъ Іоаннъ экзархъ Болгарскій, который переводилъ книги большею частію науч-

наго содержанія, и вѣроятно въ своемъ уединеніи. Словомъ, я настаиваю на томъ, что преподобные Кириллъ и Меѳодій въ своихъ церковно-славянскихъ переводахъ руководствовались тѣми же мыслями, какія случайно записалъ въ своемъ предисловіи Іоаннъ экзархъ Болгарскій.

Эти самыя мысли и переводческіе пріемы мы видимъ осуществленными въ древнѣйшей редакціи церковно-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія. Въ немаломъ количествѣ выше приведенныхъ мѣстъ есть на это ясныя доказательства, и я старался, подготовительно, въ своихъ разъясненіяхъ и замѣчаніяхъ на то или другое мѣсто, обращать вниманіе читателей на характерныя черты и особенности; повторю въ видѣ напоминанія одно мѣсто. Пс. 2, 9. Упасеши я *палицею желѣзною* τῇ ῥάβδῳ σιδηρᾷ, *яко сосуды скудельничи сокрушиши я*. Такъ какъ здѣсь сравненіемъ съ разбитыми въ дребезги глиняными горшками выражается сокрушительная сила и власть, предоставленная Господомъ поставленному отъ Него надъ Сіономъ Царю; то буквальное переложеніе греческаго ῥάβδος, т. е. слово *жезлъ* показалось переводчику *нестрашнымъ*, и онъ замѣнилъ его словомъ *палица*; это боевое и очень сильное орудіе. Это можетъ послужить примѣромъ на выше приведенныя слова Іоанна Болгарскаго: «иже въ иномъ страшенъ, то въ друзѣмъ не страшенъ».—Іоанна 10, 14. Азъ есмь пастырь добрый: и знаю Моя и знаютъ Мя Моя (во всѣхъ редакціяхъ). Въ греческомъ здѣсь стоитъ оборотъ страдательный καὶ γινώσκομαι ὑπὸ τῶν ἐμῶν, по-славянски нужно бы сказать такъ: и *знаемъ есмь* Моими. Здѣсь измѣненъ залогъ. Марк. 16, 16. Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ (такъ во всѣхъ текстахъ). По гречески: ὁ πιστεύσας καὶ βαπτισθεὶς σωθήσεται, ὁ δὲ ἀπιστήσας κατακριθήσεται. Здѣсь причастія обращены въ изъявительныя наклоненія съ мѣстоименіемъ относительнымъ. Матѳ. 7, 6. Не дадите *святаю* псомъ (въ трехъ древнихъ текстахъ, а въ напрестольномъ и новоисправленномъ: *святая* псомъ. Μὴ δῶτε τὸ ἅγιον τοῖς κυσί).—Матѳ. 16, 8. Что мыслете въ себѣ, яко *хлѣбъ* не взясте (въ позднѣйшихъ: *хлѣбы*. ὅτι ἄρτους οὐκ ἐλάβετε). Перемѣна падежа.—Марк. 16, 8. И ни-

кому же ничесоже *не* рѣша. καὶ οὐδενὶ οὐδὲν εἶπον. Прибавлено отрицаніе, коего нѣтъ въ греческомъ. И вотъ подобныхъ и другихъ разнообразныхъ отступленій, примѣры которыхъ мы привели выше, въ древне-славянскомъ переводѣ Псалтири и Евангелія—весьма много *).

---

*) Нѣтъ у меня подъ руками древнѣйшаго текста покаянной молитвы Ефрема Сирина, но по своей самостоятельности, весьма древнимъ представляется мнѣ слѣдующее выраженіе старопечатнаго Часовника: Господи и Владыко животу моему, духъ унынія и небреженія, сребролюбія и празднословія *отжени отъ мене*. Въ нашемъ текстѣ читается: Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія *не даждь ми*. По гречески: Κύριε καὶ Δέσποτα τῆς ζωῆς μου, πνεῦμα ἀργίας, περιεργίας, φιλαρχίας καὶ ἀργολογίας μή μοι δῶς. Нашъ новоисправленный текстъ вѣрнѣе передаетъ названія перечисленныхъ пороковъ и дурныхъ навыковъ, но сравнительно съ буквальнымъ переложеніемъ съ греческаго μή μοι δῶς—*не даждь ми*, прошеніе: *отжени отъ мене* представляется выразительнѣе. Замѣчательно, въ арабскомъ переводѣ, употребляющемся въ церковномъ богослуженіи у православныхъ христіанъ Сиріи, въ молитвѣ преподобнаго Ефрема Сирина на мѣстѣ нашего *не даждь ми* стоитъ: *атыкни—освободи меня*. Арабскій глаголъ *атака* значитъ отпустить раба на волю. Духъ злыхъ привычекъ по старопечатному тексту представляется въ видѣ льва или пса, нападающаго на человѣка,—и онъ проситъ, чтобы Господь отогналъ отъ него сего лютаго звѣря; по арабскому переводу этотъ духъ представляется тираномъ, поработившимъ себѣ человѣка,—и онъ проситъ Господа освободить его изъ этого рабства. Идеи того и другаго текста очень близки между собою, и мнѣ кажется подобная идея по меньшей мѣрѣ благоприличною; ибо кающемуся человѣку свойственно смотрѣть на грѣхъ, какъ на свою вину, которую Господь можетъ отпустить и простить, или какъ на враждебную и губительную силу, привлеченную однако къ себѣ имъ же самимъ, отъ которой Господь силенъ освободить человѣка. Быть можетъ греческое выраженіе: μή μοι δῶς, само даетъ поводъ къ такому представленію; тогда эта особенность могла бы идти въ примѣръ Іоаннова правила: «иже въ иномъ честенъ, то въ друзѣмъ не честенъ».—Императорской Публичной Библіотеки Часословецъ XIV вѣка (Q. п. I № 8 л. 17). Господи Владыко живота моего, духъ унынія, небреженія, празднословія, тщеславія, сребролюбія, славолюбія *отжени отъ мене*. Импер. Публичн. Библіотеки Псалтирь съ возслѣдованіемъ XV вѣка (F. п. I № 28). Господи и владыко живота моего, духъ унынія и небреженія, сверпословія и празднословія, тщеславія, сребролюбія и славолюбія, любоначальства *не дай же ми, Господи*. Кстати скажу, что судя, по крайней мѣрѣ, по старопечатному Часовнику, прежніе Московскіе, до-Никоновскіе справщики и книжники были еще довольно сдержанны въ отношеніи священныхъ текстовъ, но въ молитвахъ, тропаряхъ и друг. церковныхъ, не боговдохновенныхъ произведеніяхъ они позволяли себѣ вставки и прибавки, иногда назидательныя, напримѣръ въ молитвѣ: *Иже на всякое время* послѣ словъ: «помышленія исправи, мысли очисти»,

Итакъ въ священныхъ и богослужебныхъ книгахъ мы доселѣ имѣемъ безсмертный трудъ первыхъ просвѣтителей славянскихъ преподобныхъ Кирилла и Меѳодія, только обезображенный нѣкоторыми постепенно наслоившимися измѣненіями, сперва въ греческомъ, а потомъ въ русскомъ направленіи; но и сквозь позднѣйшую подмалевку ясно виднѣются подлинныя, несомнѣнныя черты первоначальнаго текста.

Вѣрю, что многія книги можно возстановить по древнимъ рукописямъ въ ихъ древнѣйшемъ церковно-славянскомъ текстѣ. Какъ это сдѣлать, не умѣю и не рѣшаюсь предрѣшать, но только полагаю необходимымъ, чтобы были изданы Евангеліе, Псалтирь, Пятокнижіе Моисеево, которое, по словамъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, (введенія V) «представляетъ въ переводѣ слѣды глубокой древности и, съ вѣроятностію, должно быть отнесено къ остаткамъ первоначальнаго перевода Священнаго Писанія на Славянскій языкъ», и вообще все, что осталось въ древнѣйшихъ памятникахъ отъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Изданіе должно быть по сущности точное и вѣрное, но не похожее ни на изданіе Псалтири Архимандрита Амфилохія, ни даже на Остромирово Евангеліе, изданное Академикомъ Востоковымъ, т. е. не должно оно воспроизводить всѣ описки и погрѣшности древнихъ рукописей, но съ критическимъ выборомъ заключать только вѣрное и правильное, словомъ быть подобно учебнымъ изданіямъ латинскихъ и греческихъ классиковъ.

Теперь представляется вопросъ: желательно ли и полезно ли возстановить древне-славянскій текстъ, или напротивъ,

---

прибавлено: *разумъ ущьломудри и изтрезви;* а во многихъ мѣстахъ допустили исправленія и измѣненія явно ошибочныя, не справившись съ греческимъ текстомъ, а наобумъ. Такъ напримѣръ по Канонѣ за единоумершаго стихъ: Со духи праведныхъ скончавшихся, въ старопечатномъ Часовникѣ читается такъ: Со духи праведными *скончавшагося* душу раба твоего, Спасе, покой. По гречески: μετὰ πνευμάτων δικαίων τετελειωμένων τὴν ψυχὴν τοῦ δούλου σου Σώτερ ἀναπαυσον.—Здѣсь слово *скончавшійся* значитъ: достигшій полнаго совершенства, и относится къ праведникамъ или къ праведнымъ духамъ, а никоимъ образомъ не къ усопшему рабу Божію, котораго отпѣваютъ. Такъ какъ въ просторѣчіи слово *скончался* употребляется въ значеніи *умеръ*, то старые справщики отнесли это слово къ *умершему*.—Въ этомъ стихѣ замѣчательно противоположеніе словъ *духъ* и *душа*.

текстъ церковно-богослужебный долженъ подвергнуться исправленію и поновленію?

Обратимъ вниманіе на религіозную практику у разныхъ народовъ, чтобы имѣть твердое фактическое основаніе къ разсужденію по предложенному сейчасъ вопросу. Индусы держатъ Веды на древнемъ Санскритскомъ языкѣ; Евреи читаютъ Библію на древнемъ Еврейскомъ языкѣ; Магометане къ какому бы народу и языку ни относились, а Коранъ и свои молитвословія непремѣнно читаютъ на Арабскомъ языкѣ; Копты совершаютъ Богослуженіе на Коптскомъ языкѣ, хотя они давно его забыли и теперь не понимаютъ; Несторіане и Мароните богослужебныя свои книги имѣютъ на Сирскомъ языкѣ и проч., проч.; Греки, которыхъ нынѣшній языкъ отошелъ отъ древняго языка Библіи и св. Отцевъ, хранятъ священныя и богослужебныя книги въ томъ самомъ видѣ, какъ унаслѣдовали ихъ отъ первыхъ временъ, не думаютъ и никогда не рѣшатся наложить руку на древній текстъ, чтобы приблизить его къ своему новому языку.—Итальянцы, которыхъ языкъ есть не болѣе какъ видоизмѣненіе Латинскаго, тоже не дѣлали попытки приноровить Вульгату къ своему нынѣшнему языку Итальянскому. Ботъ только Нѣмцы.... Но о нихъ послѣ, а теперь сведемъ итогъ вышеприведеннаго и безъ нихъ почти вселенскаго опыта. Есть, стало быть, въ природѣ человѣка такой законъ, по которому пока народъ твердою мыслію и усерднымъ сердцемъ держитъ свою вѣру, дотолѣ любитъ свои религіозныя книги сохранять въ ихъ первоначальномъ видѣ и благоговѣйно хранитъ эту древность, какъ святыню. И посмотримъ, какою вообще религіозною твердостію и національною непоступностію ознаменовались тѣ именно народы, которые свято сохраняютъ свои древнія книги: Евреи, Магометане, Индусы и Ламайцы, Копты и Сирійцы, Греки и Армяне и проч. Нужно произойти коренному перевороту въ вѣрѣ, т. е. нужно, чтобы народъ оставилъ свою прежнюю вѣру и вмѣсто ея принялъ другую, тогда вмѣстѣ съ вѣрою оставляются и прежнія, древнія религіозныя книги. Насъ можетъ смущать примѣръ Германцевъ—этого передоваго въ наукѣ и цивилизаціи племени, во многомъ, если не во всемъ, служащаго для насъ

образцомъ и руководствомъ. Но если ближе вникнуть въ Германскій опытъ, то можно убѣдиться, что и Германцы не составляютъ исключенія изъ рода человѣческаго. Въ IV вѣкѣ было переведено Евангеліе на Готскій языкъ и безъ сомнѣнія употреблялось Готами, а быть можетъ и нѣкоторыми другими Германцами; но католичество съ своей латынью отстранило переводъ Ульфилы и живое преданіе о немъ между Германцами давно пресѣкло и погасило. Лютеръ уже не могъ воспользоваться древнимъ Готскимъ переводомъ и языкомъ, а долженъ быть вновь перевести священныя книги на современный ему Саксонскій языкъ. Въ то же время своей реформаціей онъ отсѣкъ нѣмецкій народъ отъ римскихъ догматовъ и обрядовъ и положилъ начало новому ученію и устройству церковному. Такъ какъ при томъ латинскій языкъ былъ въ сущности и основѣ чуждъ Германскому племени, то нѣмцы приняли Лютерову Библію. Переводъ этотъ сдѣланъ сравнительно недавно, но и за это время языкъ Лютеровой Библіи отчасти устарѣлъ и находится къ нынѣшнему литературному нѣмецкому языку (по словамъ одного ученаго нѣмца) въ такомъ же приблизительно отношеніи, какъ языкъ Ломоносова къ языку современныхъ намъ русскихъ писателей. Теперь есть новые нѣмецкіе переводы Библіи и Евангелія, но нѣмцы, во всемъ другомъ прогрессивные, въ богослужебномъ и церковномъ употребленіи доселѣ содержатъ переводъ Лютера и, напримѣръ, ни одинъ нѣмецъ вмѣсто Лютерова Vater unser, который по складу и расположенію словъ ближе подходитъ къ латинскому тексту, не рѣшится въ Бо́гослуженіи и молитвѣ пользоваться другими переводами, по нѣмецки болѣе складными и правильными. Стало быть и у нѣмцевъ существуетъ религіозный консерватизмъ. Это и естественно. Какъ первыя дѣтскія впечатлѣнія кладутъ самыя глубокія основы нравственной и душевной жизни человѣка и остаются на всю жизнь милы и дороги; такъ и первоначальные священные и богослужебные тексты навсегда остаются дороги и священны для народа, такъ какъ отъ ихъ впечатлѣній и вліяній возникли первыя начала самой живой, именно религіозной стороны духовной жизни народа.

Древне-славянскій переводъ священныхъ и богослужеб-

ныхъ книгъ, сдѣланный такими просвѣщенными и компетентными мужами, какъ преподобные Кириллъ и Меѳодій, былъ очень близокъ къ живому языку нашихъ предковъ временъ Владиміра и долженъ былъ поэтому производить на нихъ глубокое и сильное впечатлѣніе. Вліянію древне-славянскаго перевода нужно приписать и проникновеніе въ народъ христіанскихъ, богослужебныхъ и церковныхъ понятій, на что нѣкоторое указаніе мною сдѣлано выше. Вліяніе того же перевода и вообще славянскаго языка, какъ церковнаго и богослужебнаго, отразилось на самомъ языкѣ русскомъ. Въ нашемъ языкѣ вообще священные и религіозные предметы и понятія выражаются словами или формами славянскими. Русскій человѣкъ хотя и потерялъ звательный падежъ, но не можетъ дѣлать обращеніе къ Богу иначе, какъ посредствомъ славянскаго звательнаго падежа: *Господи Боже*, *Господи Іисусе Христе*. Мы называемъ церковныя одежды *облаченьемъ*, священническій фелонь—*ризою*,—слова цѣликомъ славянскія; славянская форма: *матерь*, для Божіей Матери, *чаша*, *лжица*, *копіе* и т. д. Даже звуки славянскіе удержались въ нѣкоторыхъ, относящихся къ религіозной области, словахъ; такъ напримѣръ: буква *г* вообще произносится по-русски какъ латинская *g*, но удерживаетъ свое славянское произношеніе въ словѣ *Господь*, а отсюда и въ словѣ *господинъ*, также въ словѣ *благій*; у насъ даже два какъ бы разныхъ слова: *благой* и *бладой*.

Разъ пришло мнѣ на мысль слѣдующее соображеніе на основаніи собственныхъ моихъ и частію чужихъ впечатлѣній. Въ 1853 году въ Великую Субботу, когда въ Іерусалимскомъ храмѣ собирается громадное число поклонниковъ со всѣхъ сторонъ и страшная бываетъ тѣснота и давка, я принужденъ былъ пройти, или вѣрнѣе былъ проведенъ греческимъ монахомъ, въ алтарь чрезъ Царскія двери. Доселѣ не могу забыть того смущенія совѣсти, съ какимъ я прошелъ чрезъ этотъ запрещенный для мірянина входъ; и это было какимъ-то непосредственнымъ чувствомъ безъ всякихъ догматическихъ и обрядовыхъ соображеній. Привыкъ русскій человѣкъ въ церкви во время Богослуженія стоять лицемъ къ иконостасу и нелѣпо бы стоять спиной или бо-

комъ: и въ частномъ домѣ, когда захочетъ онъ помолиться, непремѣнно обращается къ святой иконѣ и смущается, если не находитъ ея; и это вовсе не иконослуженіе, а просто привычное обращеніе къ иконамъ во время молитвы. Привыкъ видѣть русскій человѣкъ, какъ священникъ, по уставу, предъ литургіей, становится предъ Царскими вратами и, читая молитвы, творитъ поклоны сначала прямо на Царскія врата, потомъ на-право на икону Спасителя, потомъ на-лѣво на икону Божіей Матери; наконецъ кланяется на правый клиросъ и на лѣвый клиросъ и отходитъ въ алтарь. Точно такъ же и всякій русскій человѣкъ, войдя въ церковь, творитъ по три поклона съ крестнымъ знаменіемъ на святыя иконы прямо противъ себя, потомъ правѣе, потомъ лѣвѣе; наконецъ, обратившись къ народу, кланяется на право и на лѣво и становится на свое мѣсто. Поэтому же, и входя въ свой или чужой домъ, русскій человѣкъ сначала молится на икону, а потомъ уже раскланивается и здоровается съ домашними. Такъ русскій человѣкъ усвоилъ церковный обрядъ и перенесъ его въ свое жилище и въ свою домашнюю жизнь. Что такое наша домашняя молитва? Это есть часть церковнаго Богослуженія. Въ старину почти всякій (да и теперь многіе), по крайней мѣрѣ въ праздничные и воскресные дни, если не могъ присутствовать въ церкви при Богослуженіи, дома исполнялъ соотвѣтственныя службы по Слѣдованной Псалтири. Наши утреннія и вечернія молитвы—отрывокъ или часть такъ называемаго правила для готовящихся ко Святому Причащенію. Молитва Господня вошла въ церковное Богослуженіе въ такомъ видѣ, что поется или читается въ церкви до славословія; славословіе обращено, съ нѣкоторымъ распространеніемъ, въ священническій возгласъ, на который чтецъ или пѣвчіе отвѣчаютъ *аминь*. И въ частной молитвѣ мы читаемъ или поемъ молитву Господню также безъ славословія, какъ бы предоставляя въ умѣ священнику сдѣлать возгласъ.

Посѣщая съ малолѣтства церковь, мы привыкли видѣть церковную обстановку: алтарь, престолъ, священнослужителей въ церковныхъ облаченіяхъ, святое Евангеліе, святую Чашу, при выносѣ которой діаконъ возглашаетъ: «со стра-

хомъ Божіимъ и вѣрою приступите». Съ этой именно обстановкой и съ этими вещами мы привыкли соединять священное и Божественное значеніе. Если бы въ святочныя игрища какой-нибудь легкомысленный или наглый одѣлся въ священническія ризы, если бы священный сосудъ поставили на столъ, чтобъ пить изъ него квасъ или что-либо другое; это произвело бы непосредственное и жестокое оскорбленіе религіозному чувству русскаго человѣка. Можно представить нравственную пытку православной набожной старушки, когда ея сынъ, фанатикъ штунды, сѣлъ, въ поруганіе, на икону—благословеніе ея матери. Такое же священное и религіозное значеніе имѣетъ для русскаго человѣка и славянскій языкъ, который мы постоянно слышимъ въ церкви и на которомъ мы обыкли молиться. Вотъ почему непріятно слушать, когда иные употребляютъ славянскіе слова и обороты въ обыкновенной рѣчи и праздной болтовнѣ. Полагаю, что русскому человѣку такъ же странно и несимпатично было бы слушать Богослуженіе на русскомъ языкѣ, какъ странно было бы смотрѣть, если бы священникъ сталъ совершать литургію, вмѣсто церковной ризы, въ обыкновенной одеждѣ мірянина.

Если въ книгахъ священныхъ и богослужебныхъ, по которымъ совершается наше Богослуженіе и молитва, долженъ быть языкъ славянскій, то безъ сомнѣнія это долженъ быть чистый славянскій языкъ и правильный, однимъ словомъ древній, т. е. такой, какимъ его слѣдуетъ представлять на основаніи самыхъ старинныхъ памятниковъ.

Мы уже видѣли, что русскій языкъ получилъ особое направленіе и такъ далеко отошелъ отъ древне-славянскаго типа, что изъ соединенія его съ церковно-славянскимъ ничего не можетъ выйти органическаго и стройнаго, а выйдетъ смѣсь, подобная тому, когда памятникъ древней архитектуры обезобразятъ новыми аляповатыми украшеніями. Если нужно пояснить содержаніе и смыслъ священныхъ или богослужебныхъ книгъ, для этого можетъ служить пособіемъ переводъ чисто русскій, какъ у западныхъ народовъ католическаго исповѣданія есть Евангеліе на своемъ родномъ языкѣ, а Богослуженіе совершается непремѣнно на языкѣ Латинскомъ.

Но мы вовсе не въ такомъ находимся отношеніи къ древне-славянскому языку, въ какомъ хотя бы даже французы къ языку Латинскому. Всякій русскій человѣкъ, если постоянно ходитъ въ церковь и внимательно слушаетъ, что̀ по славянски читаютъ и поютъ во время Богослуженія, свободно пойметъ и Остромирово Евангеліе или Болонскую Псалтирь. Остромировъ текстъ такъ же понятенъ, какъ нашъ новоисправленный или напрестольный, но только лучше и стройнѣе ихъ обоихъ. Вотъ напримѣръ, какъ излагается призваніе первыхъ Апостоловъ Петра, Андрея, Іакова и Іоанна, Матѳ. 4, 18—22, по Остромирову Евангелію. Ходя же при мори Галилейстѣмъ, видѣ два брата, Симона нарицаемаго Петра, и Андрея брата ему, вмѣтающа мрежѧ въ море, бѣста бо ловьца. И рече има: идѣта по мнѣ, и сотворю вы ловьца человѣкомъ. Она же абіе оставльша мрежѧ, по немъ идоста. И прѣшедъ оттуду, узрѣ ина два брата, Іакова Зеведеева, и Іоанна брата ему, въ корабли съ Зеведеомъ отцемъ ею, завязающа мрежѧ своя и възва я. Она же, абіе оставльша корабль и отца своего, по немъ идоста.—Въ позднѣйшихъ обоихъ текстахъ это мѣсто излагается такъ: Ходя же при мори Галилейстѣмъ видѣ два брата, Симона глаголемаго Петра, и Андрея брата его, вметающа мрежи въ море, бѣста бо рыбаря. И глагола има: грядита по мнѣ (δεῦτε ὀπίσω μϑ), и сотворю вы ловца человѣкомъ. Она же абіе оставльша мрежи, по немъ пдоста (ἠκολούθησαν αὐτῷ). И прешедъ оттуду, видѣ ина два брата, Іакова Зеведеева, и Іоанна брата его, въ корабли съ Зеведеомъ отцемъ ею, завязующа мрежи своя, и воззва я. Она же абіе оставльша корабль и отца своего, по немъ идоста.—Пересмотримъ разности по порядку представленнаго текста. *Нарицаемаго* Петра—*глаголемаго* Петра. По гречески: τὸν λεγόμενον Πέτρον; подобнымъ образомъ Матѳ. 1, 16. Изъ нея же родися Іисусъ, по Остромировому—*нарицаемый*, а по позднѣйшимъ нашимъ текстамъ *глаголемый*, по гречески ὁ λεγόμενος, Христосъ. *Нареченіе* относится къ собственному имени. Матѳ. 1, 25. И нарече имя ему Іисусъ. По гречески: καὶ ἐκάλεσε τὸ ὄνομα αὐτῦ Ἰησῦν. *Петръ* и *Христосъ*—не собственныя имена, а прозваніе и достоинство или должность,

и въ греческомъ наименованіи имени обозначено другимъ глаголомъ. Но въ греческомъ языкѣ буквальный смыслъ этихъ названій ясенъ и извѣстенъ, а для славянина даже IX вѣка эти названія обратились въ собственныя имена. Мы говоримъ: *Іисусъ Христосъ,* вмѣсто просто *Іисусъ,* и всегда называемъ Апостолъ *Петръ*, а не Апостолъ *Симонъ*. Подобное соображеніе могло расположить древне-славянскаго переводчика употребить здѣсь слово *нарещи*, какъ будто предъ собственнымъ именемъ.—И Андрея брата *ему,* и Іоанна брата *ему*—дательный принадлежности вмѣсто *его;* но дательный падежъ и въ новѣйшихъ редакціяхъ стоитъ въ выше приведенномъ мѣстѣ Матѳ. 1, 25. И нарече имя *ему* Іисусъ; по-гречески καὶ ἐκάλεσε τὸ ὄνομα αὐτῦ Ἰησοῦν. Бѣста бо *ловьца*, а у насъ поставлено *рыбаря*, по первое слово соотвѣтствуетъ дальнѣйшему выраженію: *и сотворю вы ловьца человѣкомъ*, и напоминаетъ тропарь сошествію Святаго Духа: Иже премудры *ловцы* явлей.... и тѣми *уловлей* вселенную. Въ греческомъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ стоитъ слово ἁλιεῖς; въ новѣйшихъ обѣихъ редакціяхъ Евангелія это соотвѣтствіе нарушено: бѣста *рыбаря*, сотворю *ловца*—нескладно. *Идѣта по мнѣ—грядита по мнѣ*. Первое соотвѣтствуетъ слѣдующему выраженію: *по немъ идоста*, а второе буквальное переложеніе греческаго δεῦτε. Но мнѣ кажется, что въ греческомъ и славянскомъ дѣло представляется въ различномъ видѣ: греческое выраженіе должно быть передано по-русски, по моему понятію, такъ: подите сюда и станьте за Мной, т. е. обозначаетъ первый моментъ присоединенія Апостоловъ къ Іисусу Христу. Славянское *идѣта по мнѣ=идите за мной*, т. е. идите и вы туда, куда Я пойду: показываетъ самое послѣдованіе Христу во всемъ его продолженіи. *Узрѣ—видѣ*. *Узрѣ*, тоже самое слово Луки 15, 20: *Узрѣ* его отецъ его и милъ ему бысть. Однимъ словомъ въ древне-славянскомъ текстѣ это мѣсто изложено стройнѣе и послѣдовательнѣе, а понятностію ничѣмъ не хуже нашихъ обоихъ текстовъ.

Пока вѣра отцевъ хранится свято и благоговѣйно, пока древнія священныя книги читаются усердно и внимательно, дотолѣ древнія слова и формы чрезъ это самое постоянно

освѣжаются въ памяти и удерживаютъ почти такую же живость и непосредственность представленія, какъ и живой народный языкъ. Напримѣръ: *рече Господь своимъ ученикомъ*, это для насъ такъ же непосредственно понятно, какъ и русское выраженіе: *сказалъ Господь своимъ ученикамъ*. Всякія формы можно поддержать чрезъ постоянное повтореніе. Если школьное и научное изученіе можетъ отдѣльныхъ людей вести къ твердому усвоенію иностраннаго или мертваго языка; то религіозное и молитвенное употребленіе священнаго языка дѣлаетъ его любезнымъ и близкимъ къ сердцу цѣлаго народа. И наоборотъ можно всякую форму языка забыть, стоитъ только вывести ее изъ употребленія. Но разъ забывши, уже трудно будетъ возстановить снова. Полезно ли намъ, нужно ли намъ обречь на погибель свой коренной древне-славянскій языкъ, когда онъ еще сохраняетъ въ нашей памяти и въ нашемъ сердцѣ довольно жизни и твердости.

Церковно-славянскій языкъ постепенно подвергался разнымъ измѣненіямъ, которыя отъ времени до времени подвигали его все дальше и дальше отъ его первоначальнаго вида. Покойный Академикъ Востоковъ раздѣлялъ церковно-славянскій языкъ на три періода: древній, средній и новый. «Древній языкъ, говоритъ онъ, заключается въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе. Онъ непримѣтно сливается съ языкомъ среднимъ XV и XVI столѣтія, а за симъ уже слѣдуетъ новый славянскій или языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ». А въ грамматикѣ Перевлѣсскаго *) (откуда я заимствовалъ эти слова Востокова) пояснено: «Такое измѣненіе въ славянскомъ языкѣ продолжалось вплоть до напечатанія новоисправленныхъ книгъ въ Россіи. Съ появленіемъ ихъ, онъ остается неприкосновеннымъ и неизмѣннымъ, принявъ и усвоивъ русскую редакцію, которая установлена и утверждена полною теоріею въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (1619)».

При всемъ уваженіи къ научному авторитету Востокова и не смотря на распространенность грамматики Перевлѣс-

*) См. Славянская грамматика П. Перевлѣсскаго. Изд. 10.—1879 г. стр. 1 и 2.

скаго, рѣшаюсь въ данномъ случаѣ высказать свой взглядъ. Церковно-славянская орѳографія нынѣшнихъ богослужебныхъ книгъ, установленная Мелетіемъ Смотрицкимъ, основывается не на происхожденіи и природѣ словъ, чего отъ XVII столѣтія и требовать нельзя, но на соображеніяхъ произвольныхъ и формальныхъ и частью въ подражаніе греческой грамматикѣ. Какъ въ греческомъ языкѣ нарѣчія качества, происходящія отъ прилагательныхъ на ος, оканчиваются на ως, такъ и въ славянскомъ стали различать нарѣчіе отъ прилагательнаго *омегой: благо*—прилагательное, *благω*—нарѣчіе. Омегой въ греческомъ языкѣ различается также, въ мужескихъ именахъ втораго склоненія, родительный падежъ множественнаго числа отъ винительнаго падежа единственнаго числа: такъ въ славянскомъ языкѣ стали отличать омегой дательный падежъ множ. числа отъ творительнаго единств. числа: *человѣкомъ* и *человѣкѡмъ*. Вообще большое примѣненіе въ новѣйшей церковно-славянской орѳографіи получила идея различенія: частей рѣчи, падежей и чиселъ, а также нахожденіе буквы въ началѣ или въ срединѣ и концѣ слова. Гласныя буквы тожественныя, но различнаго начертанія: оу и ѹ, є и ѥ, о и ѻ, или разныя, но теперь одинаково произносящіяся, какъ: ꙗ и ѧ, *) искусственно распредѣлены по мѣстамъ. Въ началѣ, когда только что появилось церковно-славянское письмо, оно точно отвѣчало произношенію, ибо азбука преподобнаго Кирилла выражала всѣ славянскіе звуки. Когда же стало теряться и измѣняться древнее произношеніе, тогда правильное употребленіе буквъ долго поддерживалось добросовѣстностью древнихъ переписчиковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе нарушали древнюю орѳогра-

*) ꙗ и ѧ суть двѣ совершенно разныя буквы, которыя въ древности имѣли разное произношеніе, но позднѣе ѧ получило на русской почвѣ произношеніе тоже какъ ꙗ. Механическое помѣщеніе одной буквы въ началѣ, а другой—въ срединѣ и концѣ слова совершенно произвольно и не основательно. Слѣдуетъ за ними оставить орѳографическую постановку, подобно буквамъ ъ и ѣ, которыя тоже произносятся одинаково, но имѣютъ опредѣленное мѣсто грамматически; напримѣръ: моѧ будетъ винительный падежъ множественнаго числа мужескаго и женскаго рода: грѣхи моѧ, немощи моѧ, а моꙗ средняго рода; беззаконія моꙗ и также именительный и звательный падежъ женскаго рода единственнаго числа: душе моꙗ.

фію; печатаніе повидимому сильнѣе измѣняло книги, нежели списываніе. Мелетій Смотрицкій окончательно уничтожилъ древнюю орѳографію своею искуственною системою, которая водворила мнимую правильность. Истинная и вѣрная орѳографія церковно-славянскаго языка сохранилась въ древнѣйшихъ памятникахъ, подобныхъ Остромирову Евангелію.

Теперь скажу нѣсколько словъ относительно трехъ періодовъ церковно-славянскаго языка, назначенныхъ Академикомъ Востоковымъ, которые близко подходятъ къ моимъ тремъ ступенямъ, по характеру и по времени. Языкъ живетъ въ устахъ народа и можетъ органически измѣняться только народомъ, который имъ говоритъ. Можно представить себѣ разные періоды Русскаго напримѣръ языка, насколько можно исторически прослѣдить его измѣненія по памятникамъ и наконецъ по живому употребленію народа. Какъ скоро языкъ перестаетъ жить въ устахъ народа и замыкается въ письменныхъ памятникахъ, онъ теряетъ способность къ органическому развитію и перерожденію, становится мертвымъ. Измѣненія мертваго языка, какъ я себѣ представляю, могутъ состоять только въ ошибкахъ и искаженіяхъ, или произвольныхъ измѣненіяхъ разныхъ рукописей. Это и будетъ исторія рукописей даннаго языка, а не самого языка. Въ V и VI вѣкѣ греческіе писцы, не знакомые съ языкомъ классическимъ, постоянно смѣшивали гласныя и двугласныя, получившія впослѣдствіи одинаковое произношеніе, напримѣръ: αι и ε; ι, η, υ, οι, ει *). Но можно ли принять это за періодъ греческаго языка? Въ послѣдующіе вѣка, когда классическое образованіе возстановилось у грековъ Византійской имперіи, эти ошибки и искаженія были отброшены. И измѣненія, какія церковно-славянскій языкъ потерпѣлъ въ теченіе вѣковъ, произошли не путемъ органическимъ, а чрезъ постоянно накоплявшіяся въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ искаженія и измѣненія переписчиковъ, или произвольныя, ненаучныя измышленія справщиковъ. И потому всѣ измѣненія церковно-славянскаго перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ, въ отношеніи

*) См. отчетъ о 23 присужденіи наградъ Графа Уварова. Стр. 55 и 56.

языка, имѣютъ приблизительно одно значеніе съ вышеупомянутыми искаженіями греческихъ рукописей V и VI вѣка. Итакъ долженъ быть только *одинъ* церковно-славянскій языкъ—древній, а такъ называемые средній и новый славянскіе языки не имѣютъ даже права на такое названіе. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать это языкомъ, когда въ нѣсколькихъ строкахъ вы видите противорѣчіе формъ?

Нужно принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что церковно-славянскій переводъ не есть нашъ собственный трудъ и не наша исключительная собственность. Онъ принадлежитъ всѣмъ славянскимъ племенамъ не только православнымъ, но и иныхъ исповѣданій. Когда Востоковъ напечаталъ Остромирово Евангеліе, Ганка въ Прагѣ, сохранивши въ немъ всю орѳографію, сдѣлалъ учебное изданіе для своихъ чешскихъ и католическихъ слушателей. Кстати замѣчу, что и въ нашихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ какіе читаются и изучаются славянскіе тексты?—Всѣ древніе, и во главѣ ихъ Остромирово Евангеліе. А нашъ новоисправленный Завѣтъ ни въ гимназіяхъ, ни въ университетахъ не можетъ имѣть никакого употребленія, потому что не имѣетъ никакого научнаго значенія и интереса. Научныхъ интересовъ и примѣненій нельзя устранять отъ богослужебныхъ нашихъ книгъ. Господь сказалъ: «ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ». Слѣдовательно практическіе результаты и примѣненія не только не противорѣчатъ религіозному назначенію, напримѣръ, церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ, но могутъ служить нѣкоторой повѣркой и косвеннымъ оправданіемъ ихъ существеннаго достоинства.

Повторю,—церковно-славянскій переводъ православныхъ богослужебныхъ книгъ принадлежитъ всѣмъ славянамъ, а православные Сербы и Болгаре по нашимъ книгамъ должны молиться и совершать Богослуженіе. Чѣмъ больше станемъ мы приспособлять и приближать церковный текстъ къ своему русскому языку, тѣмъ болѣе затруднять будемъ пониманіе его для другихъ славянскихъ народовъ. Справедливо ли это? А если православные славяне пожелаютъ и найдутъ средства издать для себя богослужебныя книги древнѣйшаго

текста, какъ болѣе для нихъ понятнаго и болѣе авторитетнаго, будетъ ли желательно и пріятно для насъ такое разъединеніе? Не лучше ли намъ стремиться къ тому, чтобы возвратиться подъ сѣнь славянскихъ Апостоловъ? А чтобы приготовить возможность такого возвращенія, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, оставивши церковно-богослужебныя книги statu quo, теперь же издать древне-славянскій текстъ по крайней мѣрѣ Псалтири и Евангелія, и затѣмъ постепенно издавать древнѣйшій текстъ другихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, на сколько сохранилось ихъ въ древнихъ памятникахъ. Вчитавшись въ нихъ, мы пріобрѣтемъ вкусъ къ древне-славянскому языку и полюбимъ его; и мы всѣ, и русскіе и славяне, и православные и старообрядцы, соединимся въ одномъ текстѣ, созданномъ трудами преподобныхъ Кирилла и Меѳодія.

Примѣчаніе къ страницѣ 48, строки снизу 10—5. Луки 24, 33. И воставша въ тъ часъ возвратистеся во Іерусалимъ, и обрѣтоста совокупльша ся единого на десяте и иже бяху съ ними, глаголюща. Второй винительный (совокупльша ся и дальше—глаголюща) съ буквою а, какъ винительный единственнаго числа. Эта форма находится въ Евангеліи Остромировомъ, не только въ изданіи Востокова (какъ опечатка), но и въ подлинномъ кодексѣ. А въ Галичскомъ и Маріинскомъ оба эти причастія оканчиваются на ѧ. Это написаніе вѣрнѣе, но и Остромировское не лишено основанія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣкоторыя данныя для исторіи исправленія церковно-славянскаго перевода Евангелія.

I.

Первымъ виднымъ опытомъ исправленія церковно-славянскаго перевода Евангелія представляется Новый Завѣтъ Св. Алексія, Митрополита Московскаго, собственноручный списокъ котораго хранится въ Чудовомъ монастырѣ. Въ «Описаніи славянскихъ рукописей Московской Сѵнодальной библіотеки» (отд. I стр. 290) объ этомъ трудѣ говорится въ такомъ сопоставленіи. По обозрѣніи списковъ Евангелія А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ, въ видѣ общихъ выводовъ, присоединили замѣчанія въ нѣсколькихъ пунктахъ. Въ концѣ 2-го пункта они, по моему мнѣнію преувеличенно, заявляютъ, что «разнообразіе списковъ Евангелія въ XIV в. увеличилось до чрезвычайности». И затѣмъ, въ 3-мъ пунктѣ, продолжаютъ: «*вѣроятно*, это разнообразіе списковъ, не дозволявшее въ сомнительныхъ случаяхъ остановиться ни на какомъ чтеніи съ достовѣрностью, и желаніе читать слово Христово въ переводѣ болѣе удостовѣрительномъ, побудили Св. Алексія, Митрополита всероссійскаго, заняться вновь переложеніемъ съ греческаго всѣхъ книгъ ново-завѣтныхъ, въ полномъ видѣ, не по церковнымъ чтеніямъ. Но не этому труду назначено было исправить распространившееся поврежденіе. Совершенный келейно, онъ не оставилъ видимаго вліянія на улучшеніе списковъ». За ними тоже самое и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повторяетъ Митрополитъ Макарій въ своей Исторіи Русской церкви (т. IV, стр. 279).

«*Всего опроятнѣе,* говоритъ онъ, что изъ сознанія этихъ-то недостатковъ Св. Митрополитъ Алексій рѣшился самъ исправить или вновь передѣлать съ Греческаго весь Новый Завѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ сохранившійся его автографъ, хотя переводъ Св. Евангелія, совершенный келейно, и не оставилъ видимаго вліянія на улучшеніе тогдашнихъ списковъ Евангелія и Апостола.»

Слѣдовательно, единственный источникъ, чтобы составить понятіе объ этомъ трудѣ Св. Алексія, представляетъ собою этотъ собственноручный его списокъ, при томъ безъ обозначенія времени его написанія, и кромѣ него нѣтъ никакихъ актовъ и записей о переводѣ Святителя, о времени и способѣ его исполненія. За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ Горскій съ Невоструевымъ и Митрополитъ Макарій и могли лишь *предположительно* судить о побужденіяхъ и цѣляхъ Св. Алексія при исправленіи имъ Новаго Завѣта. И сужденіе ихъ значительно ослабляется еще собственнымъ ихъ замѣчаніемъ: «но не этому труду назначено было исправить распространившееся повреждение. Совершенный келейно, онъ не оставилъ видимаго вліянія на улучшеніе списковъ».

Неутомимый издатель Галичскаго Четверо-евангелія 1144 года, о. Архимандритъ Амфилохій въ своихъ сличеніяхъ приводитъ всѣ отличія изъ Новаго Завѣта Св. Алексія, безъ малѣйшихъ пропусковъ, и подробно характеризуетъ самый трудъ его. Такъ въ предисловіи къ этому своему изданію онъ говоритъ: «этотъ Новый Завѣтъ Св. Алексія Митрополита весьма замѣчателенъ по его исправленію. Ни одного стиха не оставлено имъ безъ исправленія и притомъ по Греческому рукописному Евангелію». А въ III т. того же изданія на стр. 371 о. Архимандритъ Амфилохій о трудѣ Св. Алексія замѣчаетъ: «изъ него каждый образованный и знающій Греческій языкъ можетъ усмотрѣть, какъ онъ прекрасно зналъ Греческій языкъ. Вездѣ онъ старался буквально переводить. Нѣкоторыя слова, чтобы буквальнѣе перевесть, самъ составлялъ. Напр. вмѣсто *успѣкнуть*, ἀποκεφαλαιῶσαι, онъ свой глаголъ составилъ согласно буквальности Греческаго глагола: *отглавити;* ἀπὸ значитъ: *отъ* и: κεφαλαιῶσαι *главить*, отъ κεφαλή *глава*».

Пересмотрѣвъ въ сказанномъ изданіи о. Архимандрита Амфилохія исправленія Св. Алексія, можно составить представленіе о самомъ способѣ этого труда. Представляется, что Св. Алексій имѣлъ предъ собой славянскій списокъ Евангелія и Греческую рукопись; онъ сличалъ послѣдовательно, стихъ за стихомъ и слово за словомъ, славянскій переводъ съ Греческимъ текстомъ и что находилъ буквально сходнымъ между ними, вносилъ въ свой списокъ, а всѣ отмѣны, т. е. слова и обороты, въ которыхъ выразилась славянская самостоятельность древнихъ переводчиковъ, замѣнялъ собственнымъ, буквальнымъ переложеніемъ съ Греческаго. Для поясненія сказаннаго представлю нѣсколько сличительныхъ примѣровъ изъ прежняго перевода (сходнаго съ нынѣшнимъ текстомъ), изъ исправленій Св. Алексія и изъ Греческаго текста. Мѳ. 1, 22: *да сбудется реченное*, у Св. Алексія: *да исполнится*, въ Греческомъ ἵνα πληρωθῇ. 2, 9. *И се абіе звѣзда идяше предъ ними, дондеже пришедши ста верху*, у Св. Алексія: *предъидяше имъ..... пришедъ*, по гречески: καὶ ἰδοὺ ὁ ἀστὴρ προῆγεν αὐτοὺς, ἕως ἐλθὼν ἔστη ἐπάνω. 2, 13; *Да погубитъ е,—погубити е*, τοῦ ἀπολέσαι αὐτό. 3, 7;—*многи фарисеи и саддукеи—многи отъ фарисей и саддукей*, πολλοὺς τῶν φαρισαίων καὶ σαδδουκαίων. 3, 14: *азъ требую тобою креститися—азъ требъ имамъ*, ἐγὼ χρείαν ἔχω. 4, 3: *искуситель—искушаяй*, ὁ πειράζων. 4, 5: *тогда и поятъ.... и постави—поимаетъ и поставляетъ*, παραλαμβάνει καὶ ἵστησιν. 4, 20 и 22. *по немъ идоста—послѣдоваста ему*—ἠκολούθησαν αὐτῷ. 5, 1 (древн.) *яко сѣдъ—сѣдшу ему*, καθίσαντος αὐτοῦ. 5, 9: *блажени смиряющеи—миротворцы*—οἱ εἰρηνοποιοί. Марк. 16, 16: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ—иже вѣровавъ и крестившся, спасется, невѣровавый же осужденъ будетъ:* ὁ πιστεύσας καὶ βαπτισθεὶς σωθήσεται. ὁ δὲ ἀπιστήσας κατακριθήσεται. Присовокуплю (по указанію о. Архимандрита Амфилохія) вышеприведенный глаголъ *отглавити*, которымъ замѣнено слово *успѣти* въ слѣдующихъ мѣстахъ Евангелія: Мѳ. 14, 10. Марк. 6, 16 и 28; Лук. 9, 9.

Итакъ основой труда Св. Алексія былъ прежній пере-

водъ Новаго Завѣта, а его исправленія являются многочисленными краткими вставками, разсѣянными по всему тексту. Что касается Греческой рукописи, съ которой Св. Алексій правилъ свой списокъ, то она повидимому не отличалась особой вѣрностью, судя по нѣкоторымъ неточностямъ исправленій. Напр. Мѳ. 1, 20: въ древнихъ переводахъ стоитъ: *рождшее бо ся въ ней отъ Духа есть Свята*, въ Греческомъ: τὸ γὰρ ἐν αὐτῇ γεννηθὲν, у Св. Алексія написано: *еже бо въ ней бывшее*. Мѳ. 11, 30: *иго бо мое благо*, χρηστὸς, у него читается: *помазано*. Лук. 1, 28: *Радуйся благодатная*, κεχαριτωμένη, у Св. Алексія—*обрадованная*. Вѣроятно, въ Греческой его рукописи стояло въ приведенныхъ мѣстахъ: вмѣсто γεννηθὲν—γενηθὲν, вмѣсто χρηστὸς—χριστὸς, вмѣсто κεχαριτωμένη—κεχαρησμένη. Присовокуплю къ этому замѣчаніе самого о. Архимандрита Амфилохія вслѣдъ за вышеприведенными словами (т. III, стр. 371). Онъ продолжаетъ: «есть кой-гдѣ не точныя буквальныя слова: напр. μηκύνηται, растетъ, Марк. IV, 27, онъ перевелъ: *не движется*. Частицу: μὴ онъ отставилъ, а далѣе онъ читалъ: κινηται; быть можетъ этотъ глаголъ по гречески такъ по древнему правописанію и написанъ. Но такихъ значеній не много.»

Приведенные примѣры, которыми характеризуются всѣ исправленія Св. Алексія, достаточно опредѣляютъ цѣль и характеръ этихъ исправленій: они имѣютъ только грамматическое значеніе и направлены къ наиточнѣйшему буквальному переложенію Греческаго священнаго текста на славянскій языкъ. Послѣ этого понятно, отъ чего «сей трудъ остался безъ видимаго вліянія на исправленіе славянскаго текста Евангелія». Дѣйствительно, если бы онъ былъ внушенъ высшими заботами богословскаго и церковнаго значенія, въ такомъ случаѣ Св. Алексій, какъ всероссійскій Митрополитъ, ввелъ бы свой исправленный текстъ въ церковное употребленіе, и распространилъ бы его во множествѣ копій, а между тѣмъ собственноручный списокъ его остался одинокимъ.

Столь же мало достойно вѣроятія разсужденіе Филарета Архіепископа Черниговскаго (Обзоръ Русской духовной литературы, изданіе 3-е. С. Петербургъ. 1884 г.

стр. 73), что «Новый Завѣтъ Св. Алексія былъ написанъ въ 1355 году, когда онъ былъ въ Константинополѣ и слѣдовательно имѣлъ удобство видѣть лучшіе списки греческаго текста для перевода.» Мы видѣли, что греческій текстъ Св Алексія не былъ безукоризненной вѣрности. Подобныя рукописи, вѣроятно, не рѣдки были тогда и въ Россіи, гдѣ были Митрополиты и Архіереи изъ природныхъ грековъ, Князья покупали много старинныхъ книгъ греческихъ дорогою цѣною (напр. Ростовскій Князь Константинъ Всеволодовичъ † 1213 года: однѣхъ греческихъ книгъ онъ имѣлъ болѣе тысячи, которыя частію купилъ самъ, частію получилъ въ даръ отъ Патріарховъ. Ист. Росс. Соловьева 88): Св. Алексію не было надобности искать лучшихъ рукописей Новаго Завѣта въ Константинополѣ. Потомъ, Св. Алексій отправлялся въ Царь-градъ въ 1354 г. для поставленія въ Митрополита всероссійскаго и пробылъ тамъ около года; въ 1356 г. онъ еще былъ приглашенъ въ Царь-градъ для разрѣшенія притязаній на всероссійскую митрополію Романа, и пробылъ тамъ менѣе года. Написать своею рукою весь Новый Завѣтъ съ непрерывнымъ, самымъ тщательнымъ сличеніемъ славянскаго перевода съ Греческимъ текстомъ— трудъ обширный, который не могъ быть исполненъ въ такое короткое время, да и мысль Святителя была, вѣроятно, озабочена тогда своимъ поставленіемъ и судьбою отечественной церкви. Присовокуплю еще, что авторъ «Обзора,» по всей вѣроятности, годъ 1355 какъ время писанія Новаго Завѣта Св. Алексіемъ, заимствовалъ изъ Словаря о писателяхъ духовнаго чина, Митрополита Евгенія, гдѣ подъ именемъ Епифаній Славинецкій (на стр. 190—197) приведена цѣликомъ современная Епифанію записка о его личности и дѣятельности по переводу священныхъ книгъ. Въ этой запискѣ о Новомъ Завѣтѣ Св. Алексія сказано, что онъ «писанъ въ лѣто 6863, до смерти его за 23 лѣта.» Годъ этотъ — произвольный, а Преосвященный Филаретъ, пріурочивая его къ поѣздкѣ Святителя Алексія въ Константинополь, самъ уже дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ. Между тѣмъ 1355 годъ не совсѣмъ точно сходится со временемъ пребыванія Св. Алексія въ Константинополѣ.

Св. Алексій, какъ совершенно вѣрно и документально замѣтилъ о. Архимандритъ Амфилохій, «прекрасно зналъ Греческій языкъ.» Онъ зналъ его основательно и грамматично. Такое знаніе могло быть пріобрѣтено многолѣтнимъ изученіемъ Греческаго языка не только практическимъ способомъ чрезъ устную бесѣду съ греками, но и литературнымъ, чрезъ изученіе греческихъ книгъ священныхъ и святоотеческихъ. Гдѣ же и когда Св. Алексій могъ научиться Греческому языку?

Обратимся къ исторіи жизни Св. Алексія. Родился онъ къ концу XIII в. въ Москвѣ и нареченъ Елевѳеріемъ. Отецъ его Ѳеодоръ занималъ мѣсто въ числѣ знатнѣйшихъ бояръ и пользовался такою благосклонностью Князя Даніила Александровича, что воспріемникомъ его первенца Елевѳерія былъ сынъ Князя Іоаннъ Даниловичъ Калита. «При счастливыхъ способностяхъ Елевѳерій еще въ дѣтствѣ «изучился всей граматѣ» и въ ранней юности «всѣмъ книгамъ извыче.» На двѣнадцатомъ году родители замѣтили въ немъ необыкновенную перемѣну: онъ сдѣлался молчаливъ, оставилъ дѣтскія игры, непрестанно упражнялся въ чтеніи книгъ, любилъ постъ и молитву. Съ пятнадцати лѣтъ о томъ только и помышлялъ, какъ бы поступить въ монастырь. Двадцати лѣтъ дѣйствительно вступилъ въ Московскій Богоявленскій монастырь и при постриженіи получилъ новое имя Алексія. Въ обители молодой инокъ со всѣмъ жаромъ предался иноческимъ подвигамъ и вмѣстѣ своимъ любимымъ занятіямъ книгами, такъ что «всяко писаніе ветхаго и новаго завѣта пройде.» Такъ провелъ Алексій болѣе двадцати лѣтъ: слава о его добродѣтеляхъ распространялась болѣе и болѣе и достигла Великаго Князя Московскаго Симеона и Митрополита Ѳеогноста, которые оба сильно полюбили его. Св. Ѳеогностъ (природный грекъ) повелѣлъ ему, не смотря на его нежеланіе, переселиться изъ обители въ митрополичій домъ, сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ и поручилъ ему управленіе всѣми церковными дѣлами и судами Двѣнадцать лѣтъ и три мѣсяца трудился Алексій въ этомъ почетномъ званіи и пріобрѣлъ еще болѣе расположенность и Князя и Митрополита» и пр. (Ист. Р. церкви т. IV. кн. I, стр. 32—34).

Припомнимъ, что во 2-й половинѣ XIV в. св. Стефанъ, просвѣтитель зырянъ, выучился Греческому языку въ Ростовскомъ монастырѣ. Объ этомъ монастырѣ между прочимъ извѣстно, что въ немъ на лѣвомъ клиросѣ пѣли по гречески. Замѣчу, что объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ только разъ, мимоходомъ, упомянуто въ житіи Ордынскаго царевича Петра. Вотъ подлинный текстъ житія: «Пріиде (царевичъ Петръ) со Владыкою (Архіепископомъ Кирилломъ) въ Ростовъ и видѣ церковь украшенну златомъ и жемчюгомъ и драгимъ каменіемъ, аки невѣсту украшенну, въ ней пѣнія доброгласная, яко же ангельская: бѣ бо въ церквѣ святыа Богородица тогда лѣвый крилосъ грѣческыи пояху, а правый—рускыи (Тамъ же стр. 339—340). Очевидно, это свѣдѣніе о греческомъ пѣніи въ Ростовѣ записано только ради впечатлѣнія юнаго царевича, а само по себѣ не имѣетъ какого либо нарочитаго характера, какъ о явленіи обыденномъ и общеизвѣстномъ на Руси. Могло и въ Московскихъ монастыряхъ совершаться также греческое пѣніе и могли быть въ числѣ братіи природные греки. Не безъ выбора же поступилъ въ Богоявленскій именно монастырь Св. Алексій, выдающеюся чертою котораго была книжная любознательность. Въ этомъ монастырѣ онъ и долженъ былъ пріобрѣсти основательное, книжное знаніе Греческаго языка. И такъ какъ онъ въ этой обители прошелъ всякое писаніе ветхаго и новаго завѣта, а въ славянскомъ переводѣ Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, могъ прочитать въ дѣтствѣ, особенно съ 12 года, когда онъ непрестанно упражнялся въ чтеніи книгъ, то въ Богоявленскомъ монастырѣ онъ уже долженъ былъ обратиться преимущественно къ книгамъ греческимъ. Когда Св. Алексій твердо усвоилъ грамматическія формы и составъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній въ Греческомъ языкѣ, ему при чтеніи греческаго Евангелія естественно бросились въ глаза многочисленныя отступленія, въ грамматическомъ отношеніи, славянскаго перевода. И пришло ему на мысль послѣдовательно сличить славянскій переводъ съ греческимъ текстомъ. Святая тишина обители и благочестивые послѣ службы церковной досуги расположили любознательнаго подвижника писать въ особомъ свиткѣ,

вышеобъясненнымъ способомъ и порядкомъ, буквально исправленный съ Греческаго свой текстъ,—такъ и составился постепенно новый списокъ всего Новаго Завѣта. Не можетъ быть, чтобы Св. Алексій не цѣнилъ и не оберегалъ прежняго перевода Евангелія, который долженъ былъ быть ему дорогъ и по первымъ дѣтскимъ впечатлѣніямъ и по художественной правильности славянскаго языка, но въ настоящемъ случаѣ его вниманіе было сосредоточено на Греческомъ текстѣ, и онъ хотѣлъ на своемъ родномъ языкѣ, съ возможною буквальностью, воспроизвести греческія слова и выраженія, чтобы живѣе и непосредственнѣе понять и почувствовать внѣшнія красоты и тонкіе оттѣнки Греческаго текста. Напр. самодѣльное и для русскаго слуха довольно странное слово *отглавити* могло интересовать только идеей своего греческаго состава: *отглавити*—отъ главы отдѣлить, т. е. тѣло лишить головы, которая по объему хотя гораздо меньше всего остальнаго тѣла, но вмѣщаетъ въ себѣ центры, заправляющіе всѣми дѣятельностями тѣлеснаго организма. Наше русское слово *обезглавить*=сдѣлать безъ головы, рисуетъ только внѣшнюю картину. Заключу, художественно-филологическая идея есть не только господствующая въ исправленіяхъ Св. Алексія, но и исключительная; догматической же и церковной точки зрѣнія въ нихъ не замѣтно. Словомъ, Новый Завѣтъ Св. Алексія есть дѣло его юношеской научной любозна[redacted]ности, которому самъ онъ не придавалъ высшаго з[redacted] и не назначалъ его для исправленія распростра[redacted]ся будто бы въ XIV вѣкѣ поврежденій въ славянс[redacted]переводѣ священнаго текста.

II.

Въ XVII столѣтіи возбуждена была попытка исправленія текста Славянской Библіи ученымъ Епифаніемъ Славинецкимъ.

Въ современной запискѣ, напечатанной въ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина Митрополита Евгенія (стр. 190—197) въ статьѣ объ Епифаніи Славинецкомъ, говорится о его дѣятельности по переводу священныхъ книгъ слѣдую-

ющее: «Сей іеромонахъ Епифаній, живый сый въ царствующемъ градѣ Москвѣ..... читаше книгу Библію, Ветхій и Новый Завѣтъ Еллинскій печатный, седмдесятыми преводники преведенный, спущая съ славенскою Библіею въ Острозѣ градѣ и на Москвѣ печатанными, испытуя и толкованія святыхъ отецъ на нѣкая реченія и разумѣнія, глаголаше во многихъ слухи, наипаче честныхъ и властелей мужей благоумныхъ и доброразсудныхъ, яко грѣхъ великій есть намъ словеномъ, православнымъ христіаномъ, и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, совершенно добре знающихъ Еллинскій и отчасти Славенскій, и укоряющихъ ны, яко не имамы Библіи добре преведенныя, паче же въ священномъ Евангеліи премногая суть погрѣшенія..... И тако мало по малу мудраго и православнаго сего Епифанія словеса доидоша въ слухи и самого благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, что въ славенской Библіи премногая суть погрѣшенія въ реченіихъ и разумѣніи, не отъ хитрости, но отъ простоты и невѣдѣнія, и несогласіе величайшее съ Еллинскимъ седмдесятыхъ преводниковъ, преведшихъ древле при Птоломеѣ Филадельфѣ Египестѣмъ царѣ съ Еврейскаго на Еллинскій діалектъ.»

Собранный по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича освященный соборъ благословилъ «преводити Библію всю вново ему іеромонаху Епифанію съ книгъ греческихъ самыхъ седмдесятыхъ преведенія, во Франкфортѣ печатанныхъ въ десть лѣта 1597, и съ другихъ въ Лондиніи печатанныхъ лѣта 1600 и иныя изданія лѣта 1587». Пособіемъ для перевода служили: греческая рукопись на пергаменѣ 551 года по Рождествѣ Христовомъ, также Новый Завѣтъ собственаго перевода и рукописанія Св. Алексія, «писанный въ лѣто 6863 (1355 г.) до смерти его за 23 лѣта» и другое Евангеліе Цареградскаго перевода 1383 г.

Епифаній Славинецкій пользовался большою извѣстностію и уваженіемъ за свою ученость и обширныя знанія въ языкахъ Латинскомъ и Греческомъ. Поэтому его рѣшительное заявленіе о недостаткахъ славянскаго перевода Библіи было принято такъ усердно и единодушно и дѣло

переложенія Библіи съ греческаго поручено было его главному руководству. Попеченіе объ удобствахъ переводчиковъ принялъ на себя управляющій патріаршествомъ Павелъ, Митрополитъ Сарскій и Подонскій, который помѣстилъ ихъ въ своемъ загородномъ домѣ. Но черезъ два года скончался Павелъ, а вскорѣ послѣ него умеръ и Епифаній, переведшій только Новый Завѣтъ, но неуспѣвшій еще его повѣрить начисто (И. А. Чистовича, исправленіе текста славянской Библіи предъ изданіемъ 1751 г. Пр. Об. 1860. Т. I, стр. 480).

Была ли Епифаніемъ письменно изложена его переводческая система подобно тому, какъ изложилъ свою систему Іоаннъ, экзархъ Болгарскій (выше 63—65),—я не знаю, но взгляды Епифанія на сей предметъ ясно выразились въ переводѣ его символа вѣры и въ примѣчаніяхъ на оный. Привожу ихъ здѣсь вполнѣ изъ сочиненія г. Гезена: «Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры.» Спб. 1884 г. стр. 126 и далѣе.

Символъ православныя вѣры, переведеный отцемъ іеромонахомъ Епифаніемъ съ греческаго.

Вѣрую во единаго Бога Отца, вседержителя, творца небесе и земли, видимыхъ же всѣхъ и невидимыхъ.

И во единаго Господа Іисуса Христа Сына Божіего, единороднаго, изъ Отца рожденаго прежде всѣхъ вѣковъ.

Свѣтъ изъ свѣта, Бога истиннаго изъ Бога истиннаго, рожденаго, не сотворенаго, единосущнаго Отцу, чрезъ его же вся быша.

Ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія низшедшаго изъ небесъ, и воплотившагося изъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшагося.

Укрестованаго же за ны при Понтіи Пилатѣ, и страдавшаго и погребеннаго и воставшаго въ третій день по писаніемъ.

И восшедшаго на небеса и сѣдящаго изъ десныхъ Отца.

И паки грядущаго судити живыя и мертвыя, его же царствія не будетъ конецъ.

И въ Духа Святаго, изъ Отца исходящаго, съ Отцемъ и Сыномъ съпокланяемаго и съславимаго, глаголавшаго чрезъ пророки.

Во едину святую каѳолическую и апостольскую церковь.
Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ.
Ожидаю востанія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.

Тогожде отца Епифанія и правила на отмѣны реченій св. Сѵмвола.

Творца небесе и земли, сице написася по правилу греческому убо и славенскому же глаголющу сице: двою существительну различныхъ вещей стекающуся, другое ихъ въ родительномъ полагаемо бывати обыче. Яко *отецъ будущаго вѣка*, сице *творца небесе*. Инако же переведшіи изблудиша отъ обою правилу.

Изъ Отца, *изъ свѣта*, *изъ Духа*, *изъ небесъ*, *изъ десныхъ*, сице написася по правилу греческому убо и славенскому глаголющу сице: *у*, *отъ*, *изъ*, ли *съ*, *до*, родительному сочиняются; глаголющіи же тожде быти весьма *изъ* и *отъ*, да вопросятъ философіи и тая научитъ я, кое есть разнство между *изъ* и *отъ* сущее? Ἐκ греческое не знаменуетъ ѡ̓ сочиняющееся винительному падежу. Убо ниже въ славенскомъ писатися лѣпо есть *ѡдесную*. Таже, въ греческомъ родительный падежъ множественнаго числа δεξιῶν, славенски же *десныхъ*. Тѣмже аще бы предлогъ сей ѡ̓ приложился греческому δεξιῶν, сице бы преложилося не *одесную*, но *одесная*. Судящіи же да судятъ, что есть лучше, еда *одесная* или *изъ десныхъ*, яко же есть въ греческомъ. Греческое ἐκ δεξιῶν τοῦ πατρὸς прилагательнѣ пріемлемое преводится сице: *изъ десныхъ Отца*, по правилу глаголющу сице: прилагательная существительнѣ употребляемая нравомъ существительныхъ родителенъ притяжутъ, яко *въ сіе нужди пріидохомъ*. Аще ἐκ δεξιῶν пріемлется существительнѣ, убо сице преводится: *изъ десницъ Отца* по правилу глаголющу: двою существительну, убо во св. Символѣ имать положитися или *изъ десныхъ* Отца или *изъ десницъ Отца* по моему знанію: инакоже знающіе да полагаютъ еже знаютъ.

Чрезъ его же вся быша и *глаголавшаго чрезъ пророки*. Написася по сему правилу: *чрезъ* и *сквозѣ* винительному предыдутъ, яко *чрезъ мене*, тако *чрезъ пророки*. Отвергующіи же славенское *чрезъ* отвергуютъ греческое διὰ

сказуемое *чрезъ*, отвергующе же διὰ и *чрезъ*, растлѣваютъ св. Символъ отверженіемъ и отъятіемъ отъ него сія частици *чрезъ*.

Изъ небесъ писася выше, правило 2.

Укрествованаго. Аще *пяло* или *распяло* тожде есть еже *крестъ*, тожде есть *распятаго* и *укрествованаго*. Аще же *пяло* или *распяло* не есть тожде еже *крестъ*, убо ниже есть тожде *распятаго* и *укрествованаго*. Тѣмже убо аще *пяло* или *распяло* разнствуетъ отъ *креста*, убо и *распятый* отъ *укрествованаго* разнствуетъ. Судящіи же да разсудятъ праведно, или тожде или не тожде быти *распятаго* и *укрествованаго*. И аще тожде, да положатъ еже хощутъ. Аще же не тожде, да отложатъ убо *распятаго*, пріимутъ же *укрествованаго*, согласующеся греческому сущему: яко писаша святіи отци движиміи Духомъ Святымъ.

Тожде рещи подобаетъ о еже *чаю* и *ожидаю*.

Судити живыя и мертвыя, сице написася по правилу греческому убо и славенскому: глаголи дѣйство или прискрну вещь знаменующіи, винительному сочиняются, яко *чти отца твоего*, тако *суди живыя и мертвыя*. Оттуду *судити живыя и мертвыя*. Инако же преведшіи изблудиша изъ пути обою правилу.

Его же царствія не будетъ конецъ. Сице написася по правилу убо греческому же и славенскому: бываетъ многажды именительному глаголомъ опредѣленнымъ послѣдовати, яко *живетъ безпечаленъ*, тако *не будетъ конецъ*. Инако же преведшіи изблудиша отъ обою правилу.

Ожидаю востанія мертвыхъ подобно *творца небесе и земли* по правилу 1.

Вмѣсто собственнаго сужденія о переводческихъ пріемахъ Епифанія Славинецкаго, приведу здѣсь слѣдующій отзывъ Филарета Архіепископа Черниговскаго (Обзоръ духовной литературы. Изд. 3-е. 1884 г. стр. 239).

«Въ собственныхъ сочиненіяхъ Епифанія, говоритъ онъ, языкъ Славянскій—обработанный, ясный, правильный, чистый, прекрасный церковный языкъ, но въ переводахъ совсѣмъ другое, и это отъ того, что при переводахъ онъ слишкомъ строгій буквалистъ, прежде и болѣе всего забо-

тившійся о вѣрности буквѣ подлинника. Переводы его буквально вѣрны, но темны и мало вразумительны, такъ что иного въ нихъ нельзя понять безъ подлинника».

Этотъ переводъ Символа вѣры былъ помѣщенъ въ Православномъ Исповѣданіи Петра Могилы (Московской Синодальной Библіотеки рукопись № 195 на л. 79), съ такимъ заглавіемъ: «Повелѣніемъ благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича... и благословеніемъ всего освященнаго собора между патріаршества, искуснѣйшій и мудрѣйшій мужъ въ Еллинскомъ и Славянскомъ языцѣхъ, къ тому не токмо въ грамматикѣ и философіи, но и самыя Θеологіи глубинъ извѣстный знатель, согласіемъ и совѣтомъ святыя Θеологіи учителя, во многихъ языцѣхъ мудрѣйшаго разсудителя Преосвященнаго Лигарида Митрополита Газскаго, пречестный господинъ отецъ Епифаній іеромонахъ, обитаяй въ пречестнѣй обители чуда Архистратига Михаила и великаго Архіерея Алексѣя Митрополита, всея Россіи чудотворца, отъ слова до слова, изъ Еллинскаго діалекта на Славянскій истинно и достовѣрно по правиламъ грамматики Греческой и Славянской Символъ православныя вѣры преложи сице».

Въ другомъ спискѣ Православнаго Исповѣданія № 196 на листѣ 143, помѣщенъ Символъ вѣры также по переводу Епифанія и съ тѣмъ же заглавіемъ, только съ исключеніемъ словъ, относящихся къ Паисію Лигариду (Горскаго и Невоструева. Описаніе слав. рукописей М. Синодальной Библіотеки II, 2, 594 и 602).

Судя по рѣшительному и настойчивому характеру Епифанія и общему увлеченію его ученостью можно заключать, какой опасности подвергался въ то время Славянскій текстъ Библіи.

Очеркъ главнѣйшихъ склоняемыхъ формъ мѣстоименій, существительныхъ, прилагательныхъ и причастій въ древнеславянскомъ языкѣ.

Къ странице (33—41). Въ русскомъ языкѣ вообще, а еще болѣе въ языкѣ литературномъ подъ вліяніемъ искусственныхъ правилъ грамматики, въ склоненіи именъ находится значительная смѣшанность и непослѣдовательность; въ древне-славянскомъ же склоненіи господствовала правильность и строгое соотвѣтствіе. Подъ вліяніемъ русскаго языка формы склоненій подверглись большой порчѣ въ позднѣйшихъ редакціяхъ славянскаго Евангелія, особенно же въ новоисправленной, Елисаветинской, редакціи. Поэтому рѣшаюсь нѣсколько подробнѣе изложить здѣсь главнѣйшія склоняемыя древне-славянскія формы, группируя ихъ по внѣшнему, звуковому виду.

I группа—мѣстоименія личныя и возвратное.

Мѣстоименія азъ, ты, себе.

Единственное.

И.	азъ	ты	
Р.	мене	тебе	себе
Д.	мѣнѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си
В.	мя	тя	ся
Т.	мѣною	тобою	собою
М.	мѣнѣ	тебѣ	себѣ

Двойственное.

И.	вѣ	вѣ, ва
В.	на	ва
Р.	нею	вею
Д.	нама	вама

Множественное.

И.	мы	вы
Р.	насъ	васъ
Д.	намъ	вамъ
В.	ны	вы
Т.	нами	вами
М.	насъ	васъ

II группа—мѣстоименія указательныя и неопредѣленныя.

Образцомъ могутъ служить: тъ, то, та для твердаго окончанія, а для мягкаго окончанія: и, ѥ, ꙗ.

Единственное.

	муж.		сред.		женск.	
И.	тъ	и (и_же)	то	ѥ (ѥ_же)	та	ꙗ (ꙗ_же)
Р.	того	ѥго	того	ѥго	тоѭ	ѥѭ
Д.	тому	ѥму	тому	ѥму	той	ѥй
В.	тъ	и	то	ѥ	тѫ	ѩ
Т.	тѣмь	имь	тѣмь	имь	тоѭ	ѥѭ
М.	томь	ѥмь	томь	ѥмь	той	ѥй

Двойственное.

И.В.	та	ꙗ (ꙗ_же)	тѣ	и (и_же)	тѣ	и (и_же)
Р.М.	тою	ѥю	тою	ѥю	тою	ѥю
Д.Т.	тѣма	има	тѣма	има	тѣма	има

Множественное.

И.	ти	и (и_же)	та	ꙗ (ꙗ_же)	ты	ѧ (ѧ_же)
Р.	тѣхъ	ихъ	тѣхъ	ихъ	тѣхъ	ихъ
Д.	тѣмъ	имъ	тѣмъ	имъ	тѣмъ	имъ
В.	тъı	ѧ	та	ꙗ	тъı	ѧ
Т.	тѣми	ими	тѣми	ими	тѣми	ими
М.	тѣхъ	ихъ	тѣхъ	ихъ	тѣхъ	ихъ

Изъ сравненія оказывается, что склоненіе обоихъ мѣстоименій въ сущности одинаково; вся разность происходитъ отъ вліянія мягкихъ гласныхъ. Гласныя мягкія стоятъ на мѣстѣ твердыхъ гласныхъ въ соотвѣтствіи, которое приводится къ слѣдующимъ немногимъ правиламъ. Гласнымъ твердаго окончанія соотвѣтствуютъ слѣдующія мягкія:

ъ	а	о	и	ы	ѣ
и (ь)	ꙗ	ѥ	и	а	и

Такимъ образомъ на мѣстѣ твердыхъ окончаній: *ого*, *ому*, *омъ*, *оя*, *ою*, *ой* ставятся мягкія окончанія: *его*, *ему*, *емъ*, *ея*, *ею*, *ей*; на мѣстѣ твердыхъ окончаній: *ъмъ*, *ъма*, *ъхъ*, *ъми* ставятся мягкія окончанія: *имъ*, *има*, *ихъ*, *ими*; на мѣстѣ твердыхъ ѫ, ѧ, ѻ ставятся мягкія ь, іа, ѣ; на мѣстѣ твердаго окончанія ы въ именительномъ и винительномъ падежахъ ставится и.

По образцу *тъ*, *та*, *то* склоняются мѣстоименія: *самъ*, *инъ*, *единъ*, *онъ* (краткая форма отъ *оный*), *къ* (къто), *вьсякъ*, *коликъ*, *толикъ*.

По образцу *и*, *е*, *я*, склоняются слова: *иже*, *еже*, *яже*, *съ* (сей), *се*, *си; мой*, *твой*, *свой*, *чій*, *нашь*, *вашь*, *чь* (чьто), *вьсь*. Нужно только замѣтить въ склоненіи приведенныхъ словъ слѣдующія особенности:

Въ мѣстоименіи *вьсь* падежи именительный, родительный, дательный, винительный, творительный женскаго, и мѣстный единственнаго числа, именительный и винительный множественнаго числа относятся къ склоненію мягкаго окончанія; а творительный падежъ мужескаго и средняго единственнаго числа, родительный, дательный, творительный и мѣстный множественнаго числа относятся къ склоненію твердаго окончанія.

Чьто, кромѣ правильныхъ формъ, имѣетъ въ родительномъ падежѣ *чесо*, *чесого*, въ дательномъ *чесому*, въ мѣстномъ *чесомъ*.

Съ (сей) имѣетъ слѣдующія особенности въ склоненіи: именительный женскаго рода единственнаго числа *си*, винительный тѣхъ же рода и числа *сию; си* есть также именительный множественнаго мужескаго и средняго рода.

III группа—существительныя.

(Главныя формы).

Склоненіе именъ существительныхъ разнообразится по различію родовъ и окончаній, соблюдая правила смягченія гласныхъ и согласныхъ звуковъ.

Склоненіе именъ мужескаго рода на ъ и ь.

Единственное.

	a) Твердое.	*b)* Мягкое.	
и.	рабъ	оучитель	край
р.	раба	оучителя	края
д.	рабоу	оучителю	краю
в.	рабъ	оучитель	край
з.	рабе	оучителю	краю
т.	рабъмь	оучителемь	краемь
м.	рабѣ	оучителѣ	краи

Двойственное.

и.з.в.	раба	оучителя	края
р.м.	рабоу	оучителю	краю
д. т.	рабома	оучителема	краема

Множественное.

и. з.	рабы	оучителѣ	краи
р.	рабъ	оучитель	край
д.	рабомъ	оучителемъ	краемъ
в.	рабы	оучителѧ	краѧ
т.	рабы	оучителѣ	краи
м.	рабѣхъ	оучителѣхъ	краихъ

Средняго рода на о и є

Единственное.

	a) Твердое.	*b)* Мягкое.	
и.в.з.	лѣто	море	писаніе
р.	лѣта	моря	писанія
д.	лѣтоу	морю	писанію
т.	лѣтъмь	моремь	писаніемь
м.	лѣтѣ	мори	писаніи

Двойственное.

и.в.з.	лѣтѣ	мори	писаніи
р. м.	лѣтоу	морю	писанію
д. т.	лѣтома	морема	писаніема

Множественное.

и.в.з.	лѣта	моря	писанья
р.	лѣтъ	морь	писаній
д.	лѣтомъ	моремъ	писаніемъ
т.	лѣтъı	мори	писаніи
м.	лѣтѣхъ	моряхъ	писаніихъ

Женскаго рода на а и я (и).

Единственное.

	a) Твердое		*b*) Мягкое.	
и.	жен_а	ржка	земля	рабъіни
р.	жен_ъı	ржкъı	земл_а	рабъіня
д.	жен_ѣ	ржцѣ	земли	рабъіни
в.	жен_ж	ржкж	землю	рабъіню
з.	жен_о	ржко	земле	рабъіне
т.	жен_оѭ	ржкоѭ	землеѭ	рабъінеѭ
м.	жен_ѣ	ржцѣ	земли	рабъіни

Двойственное.

и в.з.	жен_ѣ	ржцѣ	земли	рабъіни
р. м.	жен_оу	ржкоу	землю	рабъіню
д. т.	жен_ама	ржкама	земламa	рабъінямa

Множественное.

и.в.з.	жен_ъı	ржкъı	земля	рабъіни
р.	жен_ъ	ржкъ	земль	рабъінь
д.	жен_амъ	ржкамъ	земламъ	рабъінямъ
т.	жен_ами	ржками	землями	рабъінями
м.	жен_ахъ	ржкахъ	земляхъ	рабъіняхъ

Образцы склоненій съ смягчаемыми согласными.

Единственное.

и.	бог_ъ	пророк_ъ	доух_ъ
р.	бог_а	пророк_а	доух_а
д.	бог_оу	пророк_оу	доух_оу
в.	бог_ъ	пророк_ъ	доух_ъ
з.	бож_е	пророч_е	доуш_е
т.	бог_жмь	пророк_жмь	доух_жмь
м.	воз_ѣ	пророц_ѣ	доуш_ѣ

Двойственное.

и.в.з.	бог_а	пророк_а	доух_а
р.м.	бог_оу	пророк_ѳ	доух_оу
д.т.	бог_ома	пророк_ома	доух_ома

Множественное.

и. з.	боз_и	пророц_и	доуг_и
р.	бог_ъ	пророк_ъ	доух_ъ
д.	бог_омъ	пророк_омъ	доух_омъ
в.	бог_ы	пророк_ы	доух_ы
т.	бог_ы	пророк_ы	доух_ы
м.	боз_ѣхъ	пророц_ѣхъ	доуг_ѣхъ

Склоненіе прилагательнаго неопредѣленнаго (краткаго) окончанія.

	ед.	дв.	мн.
муж.	добр_ъ.		
И.	добр_ъ	добр_а	добр_и
Р.	добр_а	добр_оу	добр_ъ
Д.	добр_оу	добр_ома	добр_омъ
В	добр_ъ	добр_а	добр_ы
З.	добр_е	добр_а	добр_и
Т.	добр_ъмь	добр_ома	добр_ы
М.	добр_ѣ	добр_оу	добр_ѣхъ
жен.	добр_а.		
И.	добр_а	добр_ѣ	добр_ы
Р.	добр_ы	добр_оу	добр_ъ
Д.	добр_ѣ	добр_ама	добр_амъ
В	добр_ж	добр_ѣ	добр_ы
З.	добр_о	добр_ѣ	добр_ы
Т.	добр_оѭ	добр_ама	добр_ами
М.	добр_ѣ	добр_оу	добр_ахъ
сред.	добр_о.		
И.	добр_о	добр_ѣ	добр_а
Р.	добр_а	добр_оу	добр_ъ
Д.	добр_оу	добр_ома	добр_омъ
В.	добр_о	добр_ѣ	добр_а
З.	добр_о	добр_ѣ	добр_а
Т.	добр_ъмь	добр_ома	добр_ы
М.	добр_ѣ	добр_оу	добр_ѣхъ

Прилагательное опредѣляется мѣстоименіемъ указательнымъ и, ѥ, ѣ, которое ставилось послѣ прилагательнаго въ томъ же родѣ, числѣ и падежѣ. Вотъ *теоретическая* схема такого составнаго склоненія прилагательнаго.

Единственное число.

	муж.	жен.	средн.
ед. И.	добръ+и	добра+ѣ	добро+ѥ
Р.	добра+ѥго	добры+ѥѩ	добра+ѥго
Д.	доброу+ѥмоу	добрѣ+ѥй	доброу+ѥмоу
В.	добръ+и	добрж+ѫ	добро+ѥ
Т.	добрѣмь+имь	доброѭ+ѥѭ	добрѣмь+имь
М.	добрѣ+ѥмь	добрѣ+ѥй	добрѣ+ѥмь

Двойственное число.

	муж.	жен.	средн.
И В.	добра+ѣ	добрѣ+и	добрѣ+и
Р. М.	доброу+ѥмоу		
Д. И.	доброма+има	добрама+има	доброма+има

Множественное число.

	муж.	жен.	средн.
И.	добри+и	добры+ѩ	добра+ѣ
Р.	добръ+ихъ	добръ+ихъ	добръ+ихъ
Д.	добромъ+имъ	добрамъ+имъ	добромъ+имъ
В.	добры+ѩ	добры+ѩ	добра+ѣ
Т.	добры+ими	добрами+ими	добры+ими
М.	добрѣхъ+ихъ	добрахъ+ихъ	добрѣхъ+ихъ

Склоненіе прилагательнаго опредѣленнаго (полнаго) окончанія, на основаніи древнихъ памятниковъ.

	муж	жен.	ср
е. И.	добръ_и или добрыі_и	добра_ѣ	добро_ѥ
Р.	добра_аго	добрыі_ѩ	добра_аго
Д.	доброу_оумоу	добрѣ_и	доброу_оумоу
В.	добръ_и или добрыі_и	добрж_ѫ	добро_ѥ

	Т.	добрѣ_имь	добр_оѭ	добрѣ_имь
	М.	добрѣ_ѣмь	добрѣ_и	добрѣ_ѣмь
дв.	И. и В.	добра_та	добрѣ_и	добрѣ_и
	Р. и М.	доброу_ю	доброу_ю	доброу_ю
	Д. и Т.	добрѣ_има	добрѣ_има	добрѣ_има
мн.	И.	добри_и	добрѣ_ѧ	добра_та
	Р.	добрѣ_ихъ	добрѣ_ихъ	добрѣ_ихъ
	Д.	добрѣ_имъ	добрѣ_имъ	добрѣ_имь
	В.	добрѣ_ѧ	добрѣ_ѧ	добра_та
	Т.	добрѣ_ими	добрѣ_ими	добрѣ_ими
	М.	добрѣ_ихъ	добрѣ_ихъ	добрѣ_ихъ

Склоненіе причастія грады.

Единственное число.

И.	грады	граджш_и	грады
Р.	граджш_а	граджш_а	граджш_а
Д.	граджш_оу	граджш_и	граджш_оу
В	граджш_ѣ	граджш_ж	граджш_е
З.	град_ы	граджш_и	грады
Т.	граджш_емь	граджш_еѭ	граджш_емь
М.	граджш_и	граджш_и	граджш_и

Двойственное число.

И.В.	граджш_а	граджш_и	граджш_и
Р.М.	граджш_оу	граджш_оу	граджш_оу
Д.Т.	граджш_ема	граджш_ама	граджш_ема

Множественное число.

И.	граджш_е	граджш_а	граджш_а
Р.	граджш_ь	граджш_ь	граджш_ь
Д.	граджш_емъ	граджш_амъ	граджш_емъ
В.	граджш_а	граджш_а	граджш_а
З.	граджш_е	граджш_а	граджш_а
Т.	граджш_и	граджш_ами	граджш_и
М.	граджш_ихъ	граджш_ихъ	граджш_ихъ

Единственное число.

И.	вида	видаш_и	вида
Р.	видаш_а	видаш_а	видаш_а
Д.	видаш_оу	видаш_и	видаш_оу

В.	видѧщ-ь	видѧщ-ѫ	видѧщ-е
З.	видѧ	видѧщ-и	видѧ
Т.	видѧщ-емь	видѧщ-еѭ	видѧщ-емь
М.	видѧщ-и	видѧщ-и	видѧщ-и

Двойственное число.

И.В.	видѧщ-а	видѧщ-и	видѧщ-и
Р.М.	видѧщ-оу	видѧщ-оу	видѧщ-оу
Д.Т.	видѧщ-ема	видѧщ-ама	видѧщ-ема

Множественное число.

И.	видѧщ-е	видѧщ-ѧ	видѧщ-а
Р.	видѧщ-ь	видѧщ-ь	видѧщ-ь
Д.	видѧщ-емъ	видѧщ-амъ	видѧщ-емъ
В.	видѧщ-ѧ	видѧщ-ѧ	видѧщ-а
З.	видѧщ-е	видѧщ-ѧ	видѧщ-а
Т.	видѧщ-и	видѧщ-ами	видѧщ-и
М.	видѧщ-ихъ	видѧщ-ахъ	видѧщ-ихъ

Единственное число.

И.	пришедъ	пришедъш-и	пришедъ
Р.	пришедъш-а	пришедъш-ѧ	пришедъш-а
Д.	пришедъш-оу	пришедъш-и	пришедъш-оу
В.	пришедъш-ь	пришедъш-ѫ	пришедъш-е
З.	пришедъ	пришедъш-и	пришедъ
Т.	пришедъш-емь	пришедъш-еѭ	пришедъш-емь
М.	пришедъш-и	пришедъш-и	пришедъш-и

Двойственное число.

И.В.	пришедъш-а	пришедъш-и	пришедъш-и
Р.М.	пришедъш-оу	пришедъш-оу	пришедъш-оу
Д.Т.	пришедъш-ема	пришедъш-ама	пришедъш-ема

Множественное число.

И.	пришедъш-е	пришедъш-ѧ	пришедъш-а
Р.	пришедъш-ь	пришедъш-ь	пришедъш-ь
Д.	пришедъш-емъ	пришедъш-амъ	пришедъш-емъ
В.	пришедъш-ѧ	пришедъш-ѧ	пришедъш-а
З.	пришедъш-е	пришедъш-ѧ	пришедъш-а
Т.	пришедъш-и	пришедъш-ами	пришедъш-и
М.	пришедъш-ихъ	пришедъш-ахъ	пришедъш-ихъ

Склоненіе сравнительной степени опредѣленнаго и неопредѣленнаго окончанія, совмѣстно.

		муж	жен.	сред
ед.	И.	БОЛИ_И	БОЛЬШ_И	БОЛѢ
		БОЛЬШИ_И	БОЛЬШИ_ІА	БОЛЬШЕ_ѢЕ
	Р.	БОЛЬША	БОЛЬША	БОЛЬША
		БОЛЬША_АГО	БОЛЬША_ѢѪ	БОЛЬША_АГО
	Д.	БОЛЬШОУ	БОЛЬШИ	БОЛЬШОУ
		БОЛЬШОУ_ОУМОУ	БОЛЬШИ_И	БОЛЬШОУ_ОУМОУ
	В.	БОЛЬШЬ	БОЛЬШЖ	БОЛѢ
		БОЛЬШИ_И	БОЛЬШЖ_ѢѪ	БОЛЬШЕ_ѢЕ
	Т.	БОЛЬШ_ЕМЬ	БОЛЬШ_ЬѪ	БОЛЬШ_ЕМЬ
		БОЛЬШИ_ИМЬ	БОЛЬШ_ЬѪ	БОЛЬШИ_ИМЬ
	М.	БОЛЬШИ	БОЛЬШИ	БОЛЬШИ
		БОЛЬШИ_ИМЬ	БОЛЬШИ_И	БОЛЬШИ_ИМЬ
дв.	И. и В.	БОЛЬША	БОЛЬШИ	БОЛЬШИ
		БОЛЬША_ІА	БОЛЬШИ_И	БОЛЬШИ_И
	Р. и М.	БОЛЬШОУ	БОЛЬШОУ	БОЛЬШОУ
		БОЛЬШОУ_Ю	БОЛЬШОУ_Ю	БОЛЬШОУ_Ю
	Д. и Т.	БОЛЬШ_ЕМА	БОЛЬШ_АМА	БОЛЬШ_ЕМА
		БОЛЬШИ_ИМА	БОЛЬШИ_ИМА	БОЛЬШИ_ИМА
мн.	И.	БОЛЬШЕ	БОЛЬША	БОЛЬША
		БОЛЬШЕ_И	БОЛЬША_ѢѪ	БОЛЬША_ІА
	Р.	БОЛЬШЬ	БОЛЬШЬ	БОЛЬШЬ
		БОЛЬШИ_ИХЪ	БОЛЬШИ_ИХЪ	БОЛЬШИ_ИХЪ
	Д.	БОЛЬШ_ЕМЪ	БОЛЬШ_АМЪ	БОЛЬШ_ЕМЪ
		БОЛЬШИ_ИМЪ	БОЛЬШИ_ИМЪ	БОЛЬШИ_ИМЪ
	В.	БОЛЬША	БОЛЬША	БОЛЬША
		БОЛЬША_ѢѪ	БОЛЬША_ѢѪ	БОЛЬША_ІА
	Т.	БОЛЬШИ	БОЛЬШ_АМИ	БОЛЬШ_И
		БОЛЬШИ_ИМИ	БОЛЬШИ_ИМИ	БОЛЬШИ_ИМИ
	М.	БОЛЬШ_ИХЪ	БОЛЬШ_АХЪ	БОЛЬШ_ИХЪ
		БОЛЬШИ_ИХЪ	БОЛЬШИ_ИХЪ	БОЛЬШИ_ИХЪ

Краткое прилагательное въ русскомъ языкѣ сохранилось: 1) въ нѣкоторыхъ словахъ, получившихъ употребленіе существительнаго, каковы—женскаго рода: *обѣдня*, *вечерня*, *заутреня;* средняго рода: *благо*, *добро*, *зло*, *тепло*, *войско* (Буслаева, Историч. грам. русскаго языка. изд. 3-е 1868 г.

ч. I § 100, 3 ст. 261). 2) Въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, чаще въ видѣ нарѣчія: *снова* (съ нова), *сперва* (съ перва), *смолоду* (съ молоду), *вчужь* (въ чужѣ), *издалека* (изъ далека); *отъ мала до велика; малъ мала меньше; на босу ногу.* Въ живомъ народномъ русскомъ языкѣ употребленіе простаго прилагательнаго безъ сомнѣнія гораздо обширнѣе, и подлежитъ извѣстнымъ правиламъ, но оно вытѣсняется изъ литературнаго языка нашей искусственной грамматикой.

Какъ соединились въ русскомъ языкѣ стихіи древнеславянская и новая русская.

Изъ большинства приведенныхъ въ «Размышленіи» (стр. 33—49) сравнительныхъ примѣровъ изъ разныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія можно увидѣть, что древнѣйшая редакція представляетъ формы славянскаго языка въ наиболѣе чистомъ и послѣдовательномъ видѣ; напротивъ новоисправленный текстъ Псалтири и Евангелія, измѣнившись, но не вполнѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ русскаго языка, представляетъ формы непослѣдовательныя и вообще не имѣетъ опредѣленнаго грамматическаго строя. Есть и въ русскомъ языкѣ нѣкоторая двойственность: при преобладающемъ множествѣ собственныхъ, отличныхъ отъ славянскаго, формъ и оборотовъ, нерѣдко попадаются очевидные и подлинные славянизмы. Остатки славянскаго языка въ русскомъ подробно перечислены Профессоромъ Буслаевымъ въ его Исторической грамматикѣ русскаго языка и въ Учебникѣ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою. Здѣсь я желалъ бы только намѣтить общій законъ, который управляетъ совмѣщеніемъ двухъ стихій въ русскомъ языкѣ, древней и новой. Въ русскомъ языкѣ преобладаетъ, свойственный вообще новымъ, производнымъ языкамъ, перевѣсъ логической стороны надъ формою, тогда какъ славянскій языкъ, какъ древній и коренной, отличается, наоборотъ, преобладаніемъ формы надъ логическою стороною. Такъ напр. числительныя *пять*, *шесть* и т. д. въ славянскомъ языкѣ сочиняются и согласуются совершенно

какъ существительныя женскаго рода того же окончанія, а въ русскомъ языкѣ они согласуются съ своимъ существительнымъ какъ слова по значенію качественныя. Мат. 25, 20. Господи, пять талантъ ми еси предалъ, се *другую пять* талантъ пріобрѣтохъ ими. Это—древнее, славянское согласованіе; по русски должно сказать: вотъ *другіе пять талантовъ* я пріобрѣлъ ими.—Къ *пяти талантамъ* рабъ прибавилъ *другіе пять талантовъ*.

Какъ форма заключается въ этимологіи, такъ логическая сторона заключается въ словосочиненіи. Поэтому преобладаніе логической стороны есть преобладаніе синтаксиса; а синтаксисъ ведетъ къ уменьшенію количества формъ, пренебрегая мелкими подробностями и оттѣнками съ формальной стороны, или сводя въ одно двѣ или нѣсколько формъ, близкихъ по значенію и внѣшне созвучныхъ. Русскій языкъ отмѣнилъ двойственное число, распространивши на него область множественнаго числа; звательный падежъ слилъ съ именительнымъ; формы дательнаго, творительнаго и предложнаго падежа множественнаго числа объединилъ, отдавъ предпочтеніе окончаніямъ женскаго рода (*имъ*, *ямъ*; *ами*, *ями*; *ахъ*, *яхъ*—для всѣхъ родовъ); во множественномъ числѣ именъ прилагательныхъ совершенно уничтожилъ различіе родовъ; въ спряженіи глагола русскій языкъ удовольствовался сложнымъ прошедшимъ и отмѣнилъ древнія простыя формы прошедшаго; въ условномъ наклоненіи изъ цѣльнаго спряженія глагола *быхъ* оставилъ только одно третье лицо единственнаго числа *бы;* отбросилъ все настоящее время глагола *есмь*, замѣнивши формальную связку между подлежащимъ и сказуемымъ простымъ сопоставленіемъ ихъ и проч. и проч. Подобное ослабленіе формальной стороны отчасти отразилось въ русскомъ языкѣ и на звуковой системѣ, между прочимъ, въ томъ, что гласныя буквы точно и вѣрно произносятся только тогда, когда надъ ними стоитъ удареніе, а безъ ударенія онѣ получаютъ болѣе или менѣе измѣненное и шаткое произношеніе, а иногда и совершенно исчезаютъ. Въ примѣръ послѣдняго приведу: *водою—водой*, *моюся—моюсь*. И какъ *водой*, *моюсь* не особыя, собственно русскія формы, а тѣ же славянскія—*водою*, *моюся*, такъ и

неопредѣленное наклоненіе на *ть*, и повелительное на *ъ*, а за тѣмъ второе лице на *шь*, суть тѣже самыя славянскія формы, неопредѣленнаго наклоненія—*ти*, повелительнаго *и* и втораго лица—*ши*. Это доказывается тѣмъ, что при благопріятныхъ условіяхъ *и* произносится ясно, напр. *идти*, *выйти*, *несн*. При неблагопріятныхъ слѣдовательно условіяхъ звукъ *и* только ослабляется до неслышимости: *писать*, *сядь*, *пишешь*.

Теперь переберемъ нѣсколько остатковъ чисто славянскихъ формъ въ русскомъ языкѣ. Очевиднѣе всего славянизмы въ числительныхъ. *Одинъ* въ своемъ склоненіи и сочиненіи весьма мало отличается отъ славянскаго *единъ*. *Два*, *двѣ; оба*, *обѣ* въ именительномъ сохраняютъ древнеславянскую форму двойственнаго числа. Затѣмъ (минуя *три*, *четыре*) *пять* и т. д. до *десяти* какъ въ славянскомъ склонялись и сочинялись подобно существительнымъ женскаго рода, такъ въ русскомъ въ прямыхъ падежахъ, именительномъ и винительномъ, сохранили славянскую форму и управленіе, т. е. требованіе послѣ себя родительнаго падежа множественнаго числа. Такимъ образомъ совершенно согласны съ древнимъ: *пятьдесятъ* и далѣе до *восемьдесятъ*, *пятьсотъ* до *девятьсотъ*. Русскія формы *пятнадцать* и т. д., *двадцать*, *тридцать* представляютъ только ускоренное или ослабленное произношеніе славянскихъ формъ *пять на десяте* и т. д., *два десяте*, *три десяте*. *Двѣсти* есть подлинная славянская форма *двѣ сть*, такъ какъ имена средняго рода на *о* въ двойственномъ числѣ сходствуютъ съ именами женскаго рода на *а*. *Три ста*, *четыре ста*—совершенно правильная форма множественнаго числа.—Словомъ, всѣ числительныя въ прямыхъ падежахъ совершенно сохранили древнеславянскую форму.

Мѣстоименія личныя и возвратное сохранились почти во всѣхъ падежахъ кромѣ только двойственнаго числа; дательный падежъ единственнаго числа изъ двухъ славянскихъ формъ удержалъ болѣе полную, сходную съ мѣстнымъ падежемъ, а вмѣсто краткой формы винительнаго падежа единственнаго и множественнаго чиселъ принялъ форму родительнаго падежа, быть можетъ по тому русскому правилу,

что для названій личныхъ предметовъ винительный падежъ сходенъ съ родительнымъ, а личныя мѣстоименія по самому своему названію должны относиться преимущественно къ предметамъ личнымъ.—Точно такъ же почти вполнѣ сохранились мѣстоименія указательныя, вопросительныя и притяжательныя.

Въ именахъ существительныхъ отмѣчу слѣдующіе славянизмы: *братъ* по славянски въ значеніи множественнаго числа имѣетъ собирательную форму единственнаго числа *братія*, склоняющуюся по всѣмъ падежамъ, какъ имя женскаго рода. Въ такомъ чисто славянскомъ видѣ это слово у насъ прилагается къ монастырской братіи; въ русскомъ же языкѣ эта форма удержалась, съ сокращеніемъ звука *и* въ *ы*, только въ именительномъ падежѣ, но уже получило значеніе множественнаго числа (говорится: *мои братья*, а не *моя братья*), а въ косвенныхъ падежахъ склоняется по множественному числу: *братьевъ*, *братьямъ* и т. д.—*Очи*, *уши* двойственное число, въ косвенныхъ падежахъ склоняется также по множественному числу: *очей*, *ушей*, *очамъ*, *ушамъ* и т. д.

Въ прилагательномъ имени изъ склоненія краткаго сохранился почти только именительный падежъ единственнаго числа во всѣхъ родахъ, а косвенные падежи почти совсѣмъ потеряны въ языкѣ литературномъ, едва сохраняясь еще въ простой народной рѣчи. Во множественномъ числѣ простаго окончанія различіе родовъ пропало и принята для всѣхъ родовъ одна форма именительнаго падежа какъ бы женскаго рода. Напр. въ единственномъ числѣ *бѣлъ*, *бѣла*, *бѣло*; во множественномъ числѣ для всѣхъ родовъ *бѣлы*, тогда какъ въ славянскомъ были три формы: *бѣли*, *бѣлы*, *бѣла*. Замѣчательно, что въ спрягаемомъ причастіи на *лъ*: *былъ*, *была*, *было* множественное число ограничивается окончаніемъ мужескаго рода *были*, тогда какъ въ славянскомъ и причастіе это имѣло особыя окончанія для всѣхъ родовъ: *были*, *былы*, *была*.

Болѣе сохранилось прилагательное полнаго окончанія. Оно удержало почти все единственное число, а во множественномъ числѣ также потеряло различіе родовъ. Кстати

замѣчу, что наша орѳографія, отличающая во множественномъ числѣ прилагательнаго именительный падежъ мужескаго рода окончаніемъ *е*, а женскаго и средняго родовъ окончаніемъ *я*, по моему разумѣнію, произвольна. Если прилагательное краткаго окончанія для именительнаго множественнаго числа имѣетъ одну форму, то подобное же объединеніе должно быть и для полнаго окончанія, въ которомъ являлись то *е*, то *я*, быть можетъ только по различію мѣстностей и говоровъ. Ломоносовъ, писавшій свою грамматику по непосредственному чутью [1]), въ образцахъ склоненія именъ прилагательныхъ § 156, нѣкоторыхъ мѣстоименій § 431, причастій §§ 435 и 440 ставитъ для именительнаго множественнаго числа то и другое окончаніе безъ различія родовъ (*истинные или истинныя*). А въ параграфѣ 112 онъ говоритъ: «*Е* и *я* нерѣдко за едино употребляются, особливо во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишутъ, *святые и святыя*. Сіе различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обоихъ буквъ *е* и *я*, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; *хотя мнѣ и кажется*, что *е* приличнѣе въ мужескихъ, а *я* въ женскихъ и среднихъ.» Быть можетъ, Ломоносовъ имѣлъ при этомъ въ виду соотвѣтственныя славянскія окончанія.—Г. Академикъ Я. К. Гротъ, въ своемъ сочиненіи «Русское Правописаніе» (4-е изданіе, 1885 г. § 37, стран. 36) объ окончаніяхъ: *ые, ыя*,—*іе, ія*, во множественномъ числѣ прилагательныхъ, разсуждаетъ такъ: «Правило отличать въ этихъ окончаніяхъ мужескій родъ буквою *е* отъ женскаго и средняго, которымъ въ удѣлъ предоставлено *я*, это—правило совершенно произвольное, не имѣющее никакого этимологическаго основанія [2]).

---

[1]) Припомнимъ изъ выше (на стр. 37 подъ строкой) приведеннаго § 466 Россійской Грамматики Ломоносова слова: «что весьма неправильно и *досадно слуху, чувствующему правое Россійское сочиненіе.*»

[2]) Вслѣдъ за приведенными сейчасъ словами помѣщено слѣдующее замѣчаніе: «Тѣмъ не менѣе это (т. е. это совершенно произвольное) правило соблюдается строго, и нарушеніе его считается признакомъ незнанія грамматики».—Русская орѳографія занимаетъ середину между этимологическимъ составомъ и живымъ произношеніемъ словъ; къ этому иногда

Указательное мѣстоименіе *тъ* въ русскомъ языкѣ обратилось въ *тотъ*, которое нужно считать происшедшимъ не черезъ повтореніе тогожъ мѣстоименія ради большей опредѣлительности, а черезъ отраженное или усиленное произнесеніе того же звука (*т*), вынужденное полугласнымъ *ъ*. Это доказывается тѣмъ, что формы именительнаго падежа женскаго и средняго рода единственнаго и множественнаго числа (*та*, *то*, *ты*) не приняли никакой опредѣлительной прибавки; слѣдовательно *тъ* (окончаніе русскаго мѣстоименія *тотъ*) есть явленіе чисто фонетическое, не имѣющее ни какого этимологическаго значенія.—Формѣ *тотъ* соотвѣтствуетъ древне-русское *сесь*, какъ явленіе въ такомъ же родѣ фонетическое.—Въ новомъ церковно-славянскомъ вмѣсто слова *тъ* употребляется *той*, а вмѣсто слова *сь—сей*. Въ новомъ языкѣ *сесь* вытѣснено составнымъ мѣстоименіемъ *этотъ=евъ+тотъ*, а слово *сей* принято какъ славянизмъ. Въ мѣстоименіяхъ *той* и *сей* есть опредѣлительное мѣстоименіе *и*: *тъ—тыи=той*, *сь—сыи=сеи*. Это совершенно правильное воспроизведеніе древне-славянскихъ *ъ* и *ь* получило въ русскомъ языкѣ значеніе общаго правила въ именахъ прилагательныхъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Такимъ образомъ написаніе подобныхъ прилагательныхъ чрезъ букву *о*—совершенно правильно и нормально, потому еще, что въ русскомъ языкѣ гласные звуки вѣрно произносятся только при удареніи. Слѣдовательно старая орѳографія, по которой на *о* писали и прилагательныя, не имѣющія удренія на послѣднемъ слогѣ, фонетически вѣрна;

присоединяются произвольныя, ни на чемъ не основанныя правила грамматики. Вообще должно сказать, что наша нынѣшняя орѳографія установилась не обычаемъ, а теоріей; теорія же впослѣдствіи можетъ стать на твердую научную почву, подъ двустороннимъ воздѣйствіемъ древне-славянскаго и живаго народнаго языка.—Изъ двухъ принциповъ, фонетическаго и этимологическаго, послѣдній для русской орѳографіи долженъ имѣть рѣшительное преимущество: этимологическое написаніе словъ, наглядным образомъ представляя ихъ происхожденіе и составъ, многочисленнымъ и разноплеменнымъ *инородческимъ* насельникамъ Россіи облегчаетъ изученіе господствующаго языка, да и для природныхъ русскихъ дѣлаетъ вразумительнѣе и ощутимѣе значеніе словъ.

напротивъ наша нынѣшняя орѳографія есть исключеніе (Слич. Ломоносова, Россійская грамматика, § 156).

Ограничусь приведенными примѣрами, хотя ими далеко не исчерпываются древне-славянскіе остатки въ русскомъ языкѣ. Чтоже и на сколько сохранилось у насъ отъ славянской старины? Сохранились личныя и указательныя мѣстоименія почти вполнѣ, числительныя въ прямыхъ падежахъ, существительныя и прилагательныя болѣе въ единственномъ числѣ, глаголы въ настоящемъ и будущемъ времени и т. п. Почему же сохранились эти именно формы?—Я думаю, что онѣ сохранились по своей сравнительно большей употребительности. Число употребительнѣе на вопросъ: *сколько есть*, или *сколько получилъ*, слѣдовательно въ именительномъ и винительномъ падежахъ; для именъ единственное число употребительнѣе множественнаго; мѣстоименія цѣликомъ очень употребительны. Отсюда слѣдуетъ такое заключеніе: *древнеславянскія формы ть именно уцѣлѣли въ русскомъ языкѣ, которыя были наиболѣе затверженны*, и онѣ стоятъ внѣ господствующаго, логическаго направленія новыхъ языковъ; остальной же матеріалъ языка сформировался по новымъ принципамъ, которые приблизительно изложены выше.